

ИСТОРИЯ
РОССИИ
XX век

Под редакцией А. Б. ЗУБОВА

ИСТОРИЯ РОССИИ
XX век

ЭПОХА СТАЛИНИЗМА
(1923–1953)

Том II

МОСКВА
2022

УДК 94(47+57)“1923/53”
ББК 63.3(2)6
И90

В книге использованы фотографии:
Архив РИА Новости,
Валерий Шустов, Евгений Тиханов, Валерий Суходольский, Николай
Пашин, Юрий Абрамочкин, Владимир Акимов,
Иван Шагин, Георгий Петрусов, Дмитрий Дебабов,
Свищев-Паола, С. Кирьяков, Владимир Гребнев / РИА Новости

В оформлении переплета использованы фотографии:
Иван Шагин / РИА Новости;
Архив РИА Новости.

История России XX век. Эпоха сталинизма (1923–1953). Том II / под
И90 ред. А.Б. Зубова. — Москва : Эксмо, 2022. — 752 с. — (История России.
XX век).

ISBN 978-5-699-92087-7

Эта книга — первая из множества современных изданий — возвращает
русской истории Человека. Из безличного описания «объективных процессов»
и «движущих сил» она делает историю живой, личностной и фактической.

Исторический материал в книге дополняет множество воспоминаний оче-
видцев, биографических справок-досье, фрагментов важнейших документов, фо-
тографий и других живых свидетельств нашего прошлого. История России — это
история людей, а не процессов и сил.

В создании этой книги принимали участие ведущие ученые России и других
стран мира, поставившие перед собой совершенно определенную задачу — пред-
ставить читателю новый, непредвзятый взгляд на жизнь и пути России в самую
драматичную эпоху ее существования.

**УДК 94(47+57)“1923/53”
ББК 63.3(2)6**

ISBN 978-5-699-92087-7

© Зубов А.Б., 2016
© Коллектив авторов, 2016
© Издание, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Авторский коллектив

Генеральный директор проекта и ответственный редактор
Доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД РФ
Андрей Борисович Зубов

*Авторы (должности и научные звания авторов указаны на момент написания
ими разделов книги):*

Кирилл Михайлович Александров, кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургского государственного университета

Николай Александрович Артемов, протоиерей (Мюнхен, Германия)

Сергей Станиславович Балмасов, историк (Тверь)

Алексей Николаевич Бобринский, заместитель директора Российского центра защиты леса (Москва)

Николай Алексеевич Бобринский, магистрант МГИМО(У) МИД РФ

Сергей Владимирович Волков, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Российской государственной публичной библиотеки (Москва)

Иван Иванович Воронов, кандидат исторических наук, доцент Хакасского университета (Абакан)

Наталья Львовна Жуковская, доктор исторических наук, профессор Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

Александр Владимирович Журавский, кандидат исторических наук, кандидат богословия

Ирина Андреевна Зубова, аспирант МГИМО(У) МИД РФ

Андрей Борисович Зубов, доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД РФ

Даниил Андреевич Зубов, журналист,

Владислав Мартинович Зубок, доктор исторических наук, профессор университета Темпл (Филадельфия, США)

Борис Семенович Илизаров, доктор исторических наук, директор Народного архива (Москва)

Дмитрий Михайлович Калихман, доктор технических наук, профессор Саратовского государственного технического университета

Алексей Алексеевич Кара-Мурза, доктор философских наук, заведующий отделом Института философии РАН (Москва)

Алексей Николаевич Келин, член Совета правительства Чешской Республики по вопросам национальных меньшинств, член правления общества Русская традиция (Прага)

Владимир Александрович Колосов, доктор географических наук, заведующий отделом Института географии РАН (Москва)

Михаил Александрович Краснов, доктор юридических наук, заведующий кафедрой Высшей школы экономики (Москва)

Владимир Михайлович Лавров, доктор исторических наук, заместитель директора Института российской истории РАН (Москва)

Вячеслав Викторович Лобанов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Ирина Владимировна Лобанова, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва)

Борис Николаевич Любимов, кандидат искусствоведения, профессор, ректор Высшего Театрального Училища им. М.С. Щепкина (Москва)

Владимир Иванович Марахонов, кандидат физико-математических наук (Санкт-Петербург)

Георгий (Юрий) Николаевич Митрофанов, протоиерей, профессор, заведующий кафедрой истории русской церкви Санкт-Петербургской Духовной академии

Татьяна Григорьевна Нефедова, доктор географических наук, главный научный сотрудник Института географии РАН (Москва)

Ричард Пайпс, почетный профессор Гарвардского университета (США)

Александр Вадимович Панцов, доктор исторических наук, профессор Капиталийского университета (Колумбус, Огайо, США)

Юрий Сергеевич Пивоваров, академик РАН, доктор политических наук, директор Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва)

Геннадий Викторович Попов, доктор искусствоведения, директор Музея им. преп. Андрея Рублева (Москва)

Борис Сергеевич Пушкарев, директор НП «Содружество «Посев»» (Москва)

Михаил Викторович Славинский, филолог (Франкфурт-на-Майне, Германия)

Владимир Викторович Согрин, доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД РФ

Витторио Страда, доктор философских наук, почетный профессор Венецианского университета (Италия)

Никита Алексеевич Струве, доктор философских наук, профессор университета Париж-10 (Франция)

Леон-Габриэль Тайван, доктор исторических наук, профессор Латвийского университета (Рига)

Николай Дмитриевич Толстой-Милославский (Лондон, Великобритания)

Тихон Игоревич Троянов, доктор юридических наук, адвокат (Женева, Швейцария)

Сергей Львович Фирсов, доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Василий Жанович Цветков, кандидат исторических наук (Москва)

Юрий Станиславович Цурганов, кандидат исторических наук (Москва)

Владимир Алексеевич Шестаков, доктор исторических наук, ученый секретарь Института российской истории РАН (Москва)

Светлана Всеволодовна Шешунова, доктор филологических наук, профессор Международного университета природы, общества и человека (г. Дубна, Московская область)

Рустам Мухамедович Шукуров, кандидат исторических наук, доцент исторического факультета Московского государственного университета

Шариф Мухамедович Шукуров, доктор искусствоведения, заведующий отделом Института востоковедения РАН (Москва)

Предисловие к новому изданию

Дорогой читатель.

Первое издание этой книги вышло семь лет назад. Оно выдержало много переизданий, на него была обращена серьезная критика и немало слов одобрения и поддержки. Мы, авторы книги, постоянно исправляли замеченные читателями неточности и ошибки, вставляли дополнительные факты и свидетельства. Это новое издание действительно, как пишут книготорговцы, «исправленное и дополненное», причем — существенно.

Новое издание выходит в очень изменившейся России и в очень изменившемся мире. Тогда, когда мы работали над текстом книги, в 2007 году, многим из нас казалось, что, пусть не без трудностей, но Россия успешно движется к изживанию своего коммунистического прошлого, к восстановлению органического единства с той страной, какой была Россия до ее порабощения большевиками. Увы, последнее десятилетие наглядно показало, что путь от тоталитарного прошлого к достойной свободной жизни далеко не так прям и короток, как нам бы хотелось.

Являясь ответственным редактором книги, я принял решение не пытаться угнаться за современностью, не превращаться в летописца, продлевающего своё «сказание» год за годом. Помню, что тогда, в 2008 г. я принял решение прервать повествование на 2007 г. и не рассказывать о новых, тогда поразивших меня тенденциях русской политики — откровенной фальсификации избирательного процесса на думских выборах декабря 2007 г. и президентских — 2008 г., выдвижении преемника, сговоре внутри элит. Я вдруг увидел тогда, что начался стремительный отход правившей в стране власти от принципов политической свободы, от самого духа демократии. Теперь я решил просить авторов дописать тот избирательный цикл и остановиться на инаугурации г-на Медведева в мае 2008 г. Дальнейшее осталось за пределами книги — и массовые протесты против фальсификаций новых выборов в 2011–2012 гг., и авантюры в области внешней политики — аннексия Крыма, войны в Грузии, в Украине, в Сирии. Об этом пусть пишут другие историки. История России XX века закончилась в мае 2008 г. Тогда же началась история России в ныне продолжающемся столетии. Это история возвращающегося авторитаризма и, соответственно, вновь история борьбы граждан за достоинство и свободу. В годы Перестройки, в годы президентства Б.Н. Ельцина и, даже, в первые два президентства

В.В. Путина (2000–2008) имело место редкое в России сотрудничество власти и общества в великом деле восстановления страны. Да, это сотрудничество было далеким от гармонии, не охватывало всего общества, но оно было. Теперь место сотрудничества заняло манипулирование сознанием граждан — постыдное и, в конечном счете, всегда провальное дело. Историк XXI века опишет, как шел этот процесс, но совершенно естественно, что этим историком не смогу быть я.

Новое издание — возвращение к замыслу трехтомника. Именно такую структуру книги я видел первоначально. Но страх кризиса, боязнь, что громоздкий трехтомник не будет пользоваться спросом у обедневшего читателя, заставил издательство «АСТ-Астрель» издать книгу в двух очень объемных томах, неудобных для чтения. Надеюсь, что нынешнее издание будет более удобным.

Я рад, что удалось и на этот раз воспроизвести главную идею оформления книги — простые, мало кому, кроме их близких, известные люди на ее обложке. Это книга об обычных людях России и для обычных людей России, пусть же их глаза смотрят на нас, их улыбки согревают наши сердца, а их скорбные, порой измученные лица напоминают нам, что ужасы XX века не должны повториться в России, что человек, как высшая ценность, должен наконец восторжествовать в нашем мирозерцании и подчинить себе и идол государственной власти, и идол экономического могущества и идол социального или этнического превозношения.

Во внутренней структуре книги я решил разбить огромную главу о послесталинской эпохе коммунистической диктатуры на две — эпоха Хрущева (1953–1964) и эпоха от Брежнева до начала правления Горбачева (1964–1985). Несмотря на то, что ряд тем общи для обоих периодов, это всё-таки очень разные эпохи. Подобно совсем недавнему времени, первая из них, при всех ужасах Новочеркасской бойни и Кубинского кризиса может быть названа эпохой надежды, а вторая, несмотря на сравнительно сытую и мирную жизнь, сама себя назвала временем «застоя», а застоившаяся вода, как известно, гниёт и становится ни к чему не годной. Так и вышло с коммунистическим режимом в 1980-е годы.

Историк, если он настоящий историк, не может быть просто беспристрастным ученым. Он всегда — гражданин. Как ученый он должен не искажать факты, не скрывать происходившее, но интерпретации фактов и явлений, оценки и суждения — дело его гражданской совести. Карамзин здесь отличается от Ключевского, Платонов — от Георгия Вернадского. Эту книгу писал очень большой авторский коллектив, и далеко не все факты, приведенные в ней, были мне известны заранее. Тут я доверял авторам и отвечаю за каждое слово опосредованно, потому что сам собирал авторский коллектив. Но оценки и суждения — все непосредственно на моей совести. Я и только я, будучи ответственным редактором, несу за них, по определению, полную ответственность.

Дорогой читатель, не познав прошлое, нельзя надежно и уверенно строить будущее. Мы, авторы «Истории России. XX век» сделали, что могли, чтобы Ваш путь в будущее был сознательным и серьезным, ответственным и разумно осторожным. Читая эту книгу, Вы возвращаете себе Россию, а, возвращая отечество, — обретаете будущее.

*Андрей Zubov
Москва. Июль 2016 г.*

Предисловие ответственного редактора

Дорогой читатель!

Книга, которую Вы держите в руках, написана большим авторским коллективом, более чем сорока учеными, живущими в разных городах России и во многих странах мира. Все мы ставили перед собой совершенно определенную задачу — рассказать правду о жизни и путях народов России в XX веке. В 1927 г., во Франции наш знаменитый профессор-историк генерал Николай Головин спросил Великого князя Николая Николаевича: *«А как писать о России?»* Великий князь ответил: *«Россия может освободиться только тогда, когда мы о ней будем говорить правду, одну лишь правду»*. Мы помнили и мудрый завет Владислава Ходасевича: «Истина не может быть низкой, потому что нет ничего выше истины. Пушкинскому “возвышающему обману” хочется противопоставить *нас возвышающую правду*». Этот принцип и лёг в основание нашей книги, хотя правда порой оказывалась горькой, ранящей душу.

Мы исходили из убеждения, что история, как и любое творение человека, требует не только фиксации фактов, но и их нравственного осмысления. Добро и зло не должны быть безоценочно перемешаны в историческом повествовании. Наше общее убеждение состоит также в том, что высшей ценностью является не земля, не государство, а человек, живая личность. Ради своего существования на земле человек возделывает эту землю, ради своего мира и благополучия создает государство. И там, где человек страдает, где ему плохо, где он не может достойно воспитать детей, научить их правде и добру, где лишается имущества, а то и самой жизни, там мы должны говорить об исторической неудаче, о провале жизни, о национальной трагедии. Но мы также убеждены, что историческая трагедия не происходит на пустом месте — сам человек своим выбором к добру или ко злу определяет своё будущее счастье или своё будущее горе. И народы неотличимы здесь от индивидуумов. Только выбор, совершаемый ими, — коллективен.

До предела трагичным был для народов России XX век. В XX веке Россия раскололась, и осколки эти не соединены до сих пор. В Гражданской войне 1917–1922 гг. брат сражался с братом, а потом часть России, во многих отношениях лучшая, самая ответственная, культурная, думающая, ушла или была изгнана из пределов отечества.

И стали две России — Зарубежная и Внутренняя. Поэтому со времен Гражданской войны мы ведём повествование не об одной, но о двух Россиях — без жизни Русского Зарубежья русское общество уже неполно, уже ущербно. Одна Россия жила в «неслыханной свободе», но без земли, другая — на родной земле, но вовсе без свободы.

И здесь — второй раскол. Раскол на общество и власть. Далеко не все и на родине смирились с коммунистическим режимом, постепенно утвердившимся после октябрьского переворота на большей части исторической России. Многие, очень многие боролись с ним, кто с оружием в руках, кто словом, кто своей, несомненной совестью. Поскольку режим, лишивший людей России права на веру в Бога, права на жизнь и достоинство, есть безусловное зло, то борьба с ним, сопротивление ему заслуживают благодарной оценки и внимательного изучения. Вновь разделилась Россия — на тех, кто был с властью, с коммунистическим режимом, и тех, кто был против коммунистической власти, в сознательном или бессознательном сопротивлении ее воле. Поэтому истории общества, истории народа, его настроениям мы уделяем не меньшее внимание, чем истории власти и государства.

Мы говорим в книге — *народ России, русский народ*, как правило, имея в виду не этническую и культурную, но политическую принадлежность. Русский народ был многокультурным и разноязыким в начале XX века, таким осталась и большая часть его, оказавшаяся под большевиками, таким было и Русское Зарубежье, и те окраины исторической России, которые избежали на время или навсегда коммунистической деспотии. У одних любовь к своим корням — великорусским, татарским, еврейским, польским гармонично соединялась с ощущением русской политической общности, у других — вступала с ними в жесткий конфликт, взрывалась этническим национализмом. Но многие десятилетия и даже века совместной жизни в России наложили свой ясный отпечаток и на тех, кто принимал с готовностью русскую политическую общность, и на тех — кто отвергал её с горячностью и решительностью. И потому мы позволяем себе говорить о русском народе как о политическом явлении XX века, далеко выходящем по языку и, тем более, по крови, за пределы великорусской народности.

В истории нет жестких связей между численностью и влиянием. Иногда один человек может изменить судьбы миллионов, немногие — преобразить великое множество и к добру, и ко злу. Эмиграция была малочисленна в сравнении с народом Внутренней России, сознательную борьбу с режимом вели порой только сотни и, самое многое, тысячи людей, но к их делам и мыслям мы должны отнестись столь же внимательно, как и к действиям большинства народа. И потому в книге Вы найдете специальные разделы, посвященные борьбе людей России за свободу свою и своих соотечественников от деспотического и растлевающего совесть режима.

Наконец, нашу задачу мы видели в том, чтобы русской истории вернуть человека и исторический факт, из безличного описания «объективных процессов» и «движущих сил» вновь сделать историю личностной и фактичной. Поэтому воспоминания очевидцев, биографические справки, да и самые имена людей, а также фрагменты важных документов часто встречаются на страницах книги. Мы старались писать историю людей, а не историю процессов и сил.

Эта книга была написана за очень короткий период времени, и ее создать вовсе не было возможности, если бы не слаженный труд многих десятков авторов, часто живущих за тысячи километров друг от друга. В ней неизбежны погрешности и, скорее всего, есть даже ошибки, и за них я прошу простить нас. Они — невольны. Мы всеми силами старались их избежать.

Отдельные авторы писали разделы, которые потом рецензировались другими авторами, вносившими свои предложения, добавления, делавшими замечания. Всё это учитывал и объединял в один общий текст ответственный редактор. Потому-то он и ответственный. За всё хорошее в этой книге благодарите авторов — они сделали всё, что могли. Все недостатки — на мне.

Особую благодарность мне приятно выразить тем коллегам, которые, не являясь членами авторского коллектива, приняли на себя труд прочтения и внутреннего рецензирования всей рукописи или некоторых её частей, подготовку картографического и иллюстративного материала, обеспечение необходимой финансовой и правовой поддержки проекта. Клара Алексеевна Янович-Страда, Гелиан Михайлович Прохоров, Яков Михайлович Аранович, Геннадий Петрович Аксенов, Сергей Васильевич Касьяненко, Филипп Бубайр, Томаш Зарыцкий, Анджей Новак, Владимир Иванович Крестовский, Вероника Юрьевна Одинцова, Владимир Сергеевич Тикунов, Артур Аркадиевич Цуцисв, Алексей Сергеевич Титков, Александр Георгиевич Хропов, Анатолий Яковлевич Разумов, Милослав Смараджич, Юрий Любимов, Николай Николаевич Комедчиков, Александр Георгиевич Савельев, Сергей Александрович Сафронов, Тамара Владимировна Русина, Дмитрий Георгиевич Голенко, Вадим Анатольевич Сергиенко, Виктор Викторович Аверков, Савелий Валерьевич Мартыненко, Регина Аделевна Бахтеева своим трудом очень помогли и авторам и, я надеюсь, читателям «Истории России. XX век».

Пусть же послужит эта книга припоминанию правды нашей жизни и, через осознание прошлых путей, откроет нашему народу будущее, достойное его былых испытаний и его великой судьбы.

Андрей Зубов

РОССИЯ В ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА (1923–1939)

Глава 1

ПОИСКИ ПУТЕЙ И УТВЕРЖДЕНИЕ СТАЛИНИЗМА (1923–1928)

3.1.1. От военного коммунизма к НЭПу. Лжестермидор

К концу 1922 г. большевики добились одной из своих главных целей — они подавили и изгнали из России организованную либерально-демократическую контрреволюцию. Победа была достигнута ценой жесточайшего запугивания населения смертью («Красный террор»), изнурения его голодом (продовольственная разверстка), лишения людей любых независимых источников существования (военный коммунизм) и, наконец, пропагандистской ложью, утверждавшей, что Белые желают восстановить крепостное право и царскую власть.

Когда победа была достигнута в Европейской России к весне 1920 г., никаких послаблений большевицкий режим не осуществил. И тогда по всей России вспыхнули народные восстания, размах которых во много раз превзошел и движение Разина в XVII в. и Пугачевский бунт в XVIII-м. При подавлении крестьянских и рабочих выступлений в 1921–1922 гг. погибло, умерло от ран, тифа и холеры 238 тысяч красноармейцев, военнослужащих ЧОН и партийных работников. Восставших погибло, скорее всего, значительно больше.

Всеобщее возмущение было, как и в предшествующие годы, успокоено неограниченным террором и спланированным голодом. Но результаты этих мер, усугубленные засухой 1921 г., оказались столь трагическими, что большевицкие вожди в 1921 г. были поставлены перед возможностью оказаться или свергнутыми всеобщим отчаянным бунтом голодных крестьян, рабочих

и армии — в 1920–1921 гг. все население России, кроме новой элиты партийных функционеров и их гвардии, было против большевицкого режима; или оказаться правителями без народа, который погибнет в борьбе, уйдет за границу и вымрет с голоду. «На экономическом фронте, — признавался Ленин, — с попыткой перехода к коммунизму, мы к весне 1921 г. потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное». «Россия после революции — погорелое место», — констатировал П.Б. Струве.

Мнение историка:

«Россия выжила в гражданской войне, но какой ценой? Новое государство, возникшее в результате грандиозного социального переворота, прошло через потрясения такой разрушительной силы, каких не испытывала ни одна страна в данный период современной истории. Россия лежала в руинах, потеряв в кровопролитных сражениях... огромную часть населения... Продолжавшийся упадок производства и развал транспорта вели к полному обнищанию народа». — Г.Вернадский. Русская история. С. 331.

В этой, казалось бы, безвыходной ситуации большевицкие вожди нашли решение, хотя и опасное для них, но все же дававшее шанс на удержание власти: обескровленное террором и голодом население успокоить восстановлением нормальной рыночной экономики, которая тут же накормит голодных и увлечет трудящихся возможностью располагать результатами своего труда, при одновременном полном сохранении всецелой политической и идеологической власти за большевицким режимом. Новая экономическая политика (НЭП), а именно так стали называть этот курс большевиков с конца 1921 — начала 1922 г., была опасна для большевиков в первую очередь тем, что возрождала независимого от их власти человека — хозяйственно самостоятельного субъекта, который, обретя экономическую свободу от режима, естественно, возжелает свободы политической и свободы в сфере идей. Русское общество, так последовательно и старательно уничтоженное большевиками в годы Гражданской войны, могло быстро восстановиться вместе с народным хозяйством, а это означало для большевицкого режима и его вождей полную гибель — самоорганизовавшийся русский народ своих жестоких поработителей не потерял бы ни дня. Поэтому в политической и идеологической сферах большевики не только не предполагали послаблений, но, напротив, готовились к новым ужесточениям, а в экономике допускали либерализацию только в тех пределах, в которых она легко могла быть свёрнута властью, когда к тому будет необходимость. Именно в 1922–1923 гг. большевики начали новые широкомасштабные гонения на Церковь, расправились с социалистическими партиями — эсерами и меньшевиками, установили всецелую цензуру, расширили полномочия карательной машины ВЧК–ОГПУ. «Как правящая

партия, — объявлял Троцкий в 1922 г., — мы можем допустить спекулянта в хозяйство, но в политическую область мы его не допускаем».

В большевицком руководстве в 1919–1921 гг. шли споры — давать ли обществу послабления или дожимать его до конца. В конце 1919 г. Ленин клялся, что скорее всё население России вымрет, чем он ослабит государственную монополию на торговлю зерном (ПСС. Т. 39. С. 407). Троцкий, как он сам пишет в автобиографии, пытался убедить товарищей по ЦК заменить продразверстку продовольственным налогом уже в феврале 1920 г., но тогда потерпел полную неудачу. После долгих колебаний и споров только 15 марта 1921 г., сразу же после подавления восстания в Кронштадте, X съезд РКП(б) постановил отменить продразверстку. Совнарком обнаружил это решение 23 марта.

«Я прошу вас, товарищи, ясно понимать, — говорил Зиновьев в декабре 1921 г., — что новая экономическая политика есть лишь временное отклонение, тактическое отступление, освобождение земли для новой и решительной атаки труда на фронте международного капитализма». Ленин любил сравнивать НЭП с Брестским договором 1918 г., когда тоже многим казалось, что большевики стали вассалами германцев, а на самом деле для большевиков Брестский мир был лишь тактическим шагом с целью удержания власти, а не союзом «навсегда». «Мы идем на экономические уступки, чтобы избежать политических», — откровенно высказывался Бухарин. Суть НЭПа была в обеспечении сохранности политических завоеваний большевиков ценой экономических подачек, которые легко могут быть взяты назад.

Далеко не все, как большевики, так и враги большевизма, правильно поняли НЭП. Для многих непосвященных в тайны большевицкой верхушки членов их партии НЭП казался «предательством Октября» и изменой коммунизму. Для многих врагов большевизма НЭП казался знаменем надежды, что жестокий антинародный режим, столкнувшись с жизнью, начал перерождаться в нормальное государство, что «жизнь берет свое». И, вслед за рынком, вскоре начнут смягчаться и преследования инакомыслящих, и гонения на Церковь, исчезнут ужасные концентрационные лагеря и чрезвычайки. П.Н. Милоков говорил летом 1925 г. корреспонденту *Chicago Tribune*, что «новая экономическая политика заставит, в конце концов, советское государство пойти на компромисс по всей линии путем процесса устранения и восстановления. Ибо большевики уже не являются хозяевами в собственном доме».

Одни с надеждой, другие с ужасом называли НЭП «термидором русской революции», вспоминая календарь революции французской, на которую любили равняться русские революционеры. Месяц июль революционный календарь французов назвал термидором. В июле 1794 г. пала жестокая якобинская революционная власть, напоминавшая большевицкую, и Франция начала свою эволюцию к умеренному режиму, завершившемуся восстановлением монархии и реставрацией династии Бурбонов через двадцать лет — в 1815 г. Но во Франции термидор начался свержением и казнью Робеспьера и его соратников якобинцев, в России же сами якобинцы — Троцкий, Ленин,

Сталин, Зиновьев начали в 1921 г. осуществлять «направляемую контрреволюцию», ни на минуту не упуская руль из рук. Через шесть лет, когда жизнь немного наладилась и общество успокоилось, а принципиальные враги большевизма были сломлены и обезврежены — убиты, сосланы на поселение или высланы за границу, тогда, в 1928 г. Сталин вновь повернул штурвал к тотальной, в том числе и экономической диктатуре партии большевиков над российским обществом.

Свидетельство очевидца

Но были в эмиграции люди, которые с самого начала поняли НЭП как вынужденный маневр большевицкой власти, еще лучше выявляющий ее беспринципную суть. М.П.Арцыбашев говорил на процессе Конради в Лозанне в ноябре 1923 г.: «Если бы вожди коммунистической партии действительно были искренними фанатиками своей идеи, могло бы случиться одно из двух: или они продолжали бы свой путь в пропасть со слепым упорством изуверов, или они в ужасе отшатнулись бы от бездны своих ошибок и глупостей и отказались бы от власти. Истинный идейный вождь на месте Ленина покончил бы с собою и кровью своею искупил бы свои ошибки. Но там, где царит лицемерие, честолюбие и жажда власти, там такого трагически честного конца быть не могло. И гениальнейший пройдоха, так полно сочетавший в себе черты деспота — жестокость и лицемерие, товарищ Ленин, ударил отбой.

В одну минуту он позабыл о своих клятвах во что бы то ни стало идти вперед до полной победы своих идей, немедленно сжег все, чему поклонялся, с потрясающим цинизмом объявил всю свою предыдущую деятельность глупостью и ошибкой и провозгласил основы «новой экономической политики».

Только безнадежные идиоты или неисправимые лицемеры могут говорить, что эта новая политика была провозглашена как переходный этап к социализму или как средство спасти Россию.

О, нет!.. Ее рождение вызвано громом кронштадтских пушек, и у ее колыбели звучали откровенно наглые слова Ленина: «Если мы сейчас же, сегодня же ночью, по телеграфу, не известим о перемене курса, мы погибли!»

Как видите, здесь ни на одну минуту не было вопроса о благе страны, о спасении погибающего народа. Только страх за свою шкуру и власть диктовал большевицкому вождю и его товарищам полный поворот на месте от оголтелого военного коммунизма к поспешному восстановлению основ буржуазного строя». — *М.П. Арцыбашев*. Показания по делу Конради // Красный террор в Москве. М.: Айрис-Пресс, 2010.С.454–465.

Литература:

Гриф секретности снят / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993.

Новая экономическая политика. М.,1974.

НЭП: экономические, политические и социальные аспекты. М., 2006.

Е.Г. Гимпельсон. НЭП и советская политическая система. 20-е годы. М., 2000.

3.1.2. Построение коммунистического государства. Создание СССР

Среди многих государств, возникших в Европе после Версальского мира, Советская Россия являла собой явное исключение. Она не последовала почти всеобщему тогда принципу этнического государства. Характерное для Европы XIX в. убеждение, что народность — это «дух государства», оказалось совершенно чуждым коммунистической идеологии. Не этничность, но интернациональный союз «пролетариев» стал главным принципом коммунистов. «Пролетарии всех стран — соединяйтесь!» — был их лозунг.

ДОКУМЕНТ

В «Критических заметках по национальному вопросу» Владимир Ленин писал: «Марксизм не может мириться с национализмом, даже если тот справедлив, безупречен и цивилизован. Марксизм идет впереди, возвышается над любым национализмом как всеобщая идея соединения всех народов в более высокое единство... Народная культура в принципе всегда есть культура сельских хозяйчиков, духовенства и буржуазии... Тот, кто защищает лозунг национальной культуры, должен быть помещен среди националистов обывателей, а не между марксистами... Идея национальной культуры — это буржуазная, а часто и поповская выдумка. Наш лозунг остается прежним: интернациональная культура демократии и мирового движения трудящихся. Только отбросив все дикие и глупые националистические предрассудки и слив трудящихся всех национальностей в один союз, рабочий класс будет в состоянии противостать буржуазии и избавиться от нее ради лучшего будущего».

Лениным и его соратниками по коммунистической партии Россия переживалась и не как национальное государство, и не как предельная цель их политической деятельности, но лишь как плацдарм для всемирной пролетарской революции. Стратегической целью коммунистов было создание мировой социалистической республики.

Летом 1913 г. Ленин внес существенные поправки в свой подход к национализму. Полемизируя с тезисом меньшевицкой программы о «культурно-национальной автономии» для меньшинств в многонациональных государствах, Ленин, неожиданно для своих товарищей по партии, предложил принцип права наций на отделение и создание собственных независимых этнических государств. «Параграф нашей программы, касающийся проблемы национального самоопределения, не может пониматься никак иначе, кроме как в смысле самоопределения политического, то есть право на отделение и создание независимого правительства». Принцип этот присутствовал во всех советских конституциях, и именно он стал формальным средством разрушения Совет-

ского Союза в 1990–1991 гг., но существенно, что принцип этот вовсе не рассматривался Лениным в качестве средства для национального возрождения.

Ленин был убежден, что право на самоопределение должно быть провозглашено, дабы уничтожить желание самоопределяться в самом зародыше. «Разделение ни в малой степени не является нашей задачей, — подчеркивал Ленин. — Мы вовсе не предполагаем разделения». В другой работе он объяснял: «Мы требуем права на самоопределение, то есть права на независимость, то есть права на отделение угнетенных народов, не потому, что мы мечтаем об экономической разобщенности или о малюсеньких государствах, но напротив, поскольку мы желаем создания крупных государств и сближения, даже слияния народов, но на действительно демократическом, действительно интернациональном основании». Слияние народностей в едином всемирном социалистическом государстве оставалось высшей целью для Ленина и его соратников. Право на самоопределение было лишь тактическим лозунгом, используемым ради достижения этой стратегической цели.

Мнение ученого:

«Ленин был убежден, что если меньшинствам будет гарантировано право на отделение и создание независимых государств, они освободятся от подозрительности к господствующей народности, той подозрительности, которая, по его убеждению, являлась главной причиной национализма. Тогда и только тогда экономические факторы смогут свободно завершить свое объединительное, централизующее действие, не испытывая сопротивления со стороны националистических движений. Меньшинства ощутят все преимущества от пребывания в составе больших политических образований и таким образом сложатся незыблемые основания для сохранения больших государств и даже для возникновения Соединенных Штатов Мира». — R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. N. Y.: Atheneum. 1968. P. 44–45.

Октябрьский переворот 1917 г. обратил коммунистическую теорию в практику, но реализация на практике большевицкого принципа о праве наций на самоопределение вовсе не входила в планы новых московских коммунистических вождей. Над множеством национальных пролетарских государств должна была господствовать единая, направляющая политическая властная воля. И эта единая властная воля оформилась в виде Российской коммунистической партии (большевиков) — РКП(б).

ДОКУМЕНТ

Коммунистическая партийная программа 1919 г. провозглашала: «Украина, Латвия, Литва и Белоруссия существуют в настоящее время в качестве отдельных Советских республик. Так разрешился к настоящему

моменту вопрос о их государственной форме. Но это ни в малой степени не значит, что и Российская Коммунистическая партия должна, в свою очередь, объявить себя федерацией независимых коммунистических партий. Восьмой съезд РКП(б) постановляет: должна быть единая централизованная Коммунистическая партия с единым Центральным Комитетом, осуществляющим всю партийную работу во всех частях РСФСР. Все решения РКП(б) и ее директивных органов безусловно обязательны для всех местных партийных организаций независимо от их национального состава. Центральные комитеты украинских, латвийских, литовских коммунистов пользуются правами областных партийных организаций и полностью подчинены Центральному Комитету РКП(б)». — ЦК РКП(б). Российская коммунистическая партия (большевики) в резолюциях ее съездов и конференций (1898–1922 гг.). М.; Пг., 1923. — С. 253–254.

В 1922 г. на территории бывшей Российской Империи было 4 номинально независимые советские республики: Российская Федеративная (включавшая ряд автономий), Украина, Закавказская Федерация, состоявшая из Армении, Азербайджана, Грузии и ряда автономий, и образованная в январе 1919 г. Белоруссия. Уже в декабре 1920-го и январе 1921 г. большевизированные Украина и Белоруссия передали в ведение РСФСР свои комиссариаты военных и морских дел, внешней торговли, финансов, почт и телеграфов, труда. В 1921 г. такие же договоры были подписаны с большевицкими режимами, насажденными из Москвы в Закавказье — в Азербайджане, Грузии и Армении. В 1922 г. все эти окраины, а также Дальневосточная республика и занятые Красной армией Хива и Бухара, объявленные «народными советскими республиками», передали РСФСР свои международные отношения. Так большевики установили властное единство на большей части Российской Империи. В ЦК РКП(б) встал вопрос о его «правовом» оформлении.

В 1919–1922 гг. «национальные» коммунисты (украинские боротбисты, украинские социал-демократы; грузинские коммунисты — Махарадзе, Мдивани и иные; Энвер Паша и его пантюркисты в Туркестане, позже — члены Мусульманской коммунистической партии Султана Галиева) приняли принцип самоопределения наций не в качестве тактического лозунга, но как подлинную составляющую коммунистического символа веры, и согласились на сотрудничество с московскими большевиками ради не только социального, но и этнического освобождения соплеменных им «пролетариев». Коммунистические партии Украины, Белоруссии и Грузии, а также Мусульманская коммунистическая партия (татарских коммунистов) предпринимали энергичные попытки сохранить независимость своих социалистических республик и некоторую хотя бы автономию национальных коммунистических партий, но напрасно. Используя инструмент безусловной партийной дисциплины,

Ленин и Троцкий смогли добиться соединения советских республик в Союз. Те, кто остались противниками соединения, даже если они возглавляли соответствующие республики, в знак протеста могли только подать в отставку со всех государственных и партийных постов. Такие видные национальные коммунистические лидеры, как Буду (Поликарп) Мдивани и Филипп Махарадзе в Грузии, Микола Скрыпник и Христиан Раковский на Украине, даже и не пытались сопротивляться объединительным действиям Москвы, опираясь на обычные, предусмотренные в таких случаях государственные средства, хотя они и возглавляли свои республики.

В России же, напротив, немало большевиков и даже большевицких лидеров желало создания единого Российского большевицкого государства, Российской коммунистической империи. За это в первую очередь ратовал нарком по делам национальностей Иосиф Сталин, за это выступал М.И. Ладис. Некоторые коммунисты отрицали саму возможность права на политическое самоопределение национальностей (Карл Радек, Георгий Пятаков, Николай Бухарин, Феликс Дзержинский, Михаил Покровский). «Всё это пресловутое «самоопределение» не стоит выеденного яйца, — рассуждал, например, Пятаков, одно время глава Коммунистической партии (большевиков) Украины. — Это или просто дипломатическая игра, которую в некоторых случаях нужно играть, или это хуже чем игра, если мы берём это всерьёз».

Столкнулись два национализма — имперский и местный, которые могли в самом начале разрушить любимое детище Ленина и Троцкого — Всемирную советскую социалистическую республику, ради которой большевики и захватили власть в России.

Ленин и Троцкий были совершенно свободны от какого бы то ни было этнического национализма. Русский патриотизм они ненавидели так же яростно, как и веру в Бога. Национального еврейского чувства в них не было совершенно. Это были странные существа безрелигиозные и безнациональные. Латыш Ладис и грузин Сталин так же не имели религиозного и национального чувства, но они были снедаемы имперской идеей. Ленин и Троцкий видели себя шире, границы Российской Империи были тесны для них. Они ощущали себя гражданами мира и желали владеть всем миром. Их кумиром была неограниченная никакими государственными границами власть над народами и континентами.

Как «защитить русских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типично русский бюрократ... <от> этого моря шовинистической великорусской швали... от истинно русского держиморды?» — спрашивал Ленин. С другой стороны, Сталин предупреждал Ленина (письмо от 22 сентября 1922 г.), что «мы переживаем такую полосу развития, когда форма, закон, конституция не могут быть игнорированы, когда молодое поколение коммунистов на окраинах игру в независимость отказывается понимать как игру, упорно принимая слова о независимости за чистую монету и так же

упорно требуя от нас проведения в жизнь буквы конституций независимых республик». Сталин был за «автономизацию» нерусских республик, то есть их вхождение в РСФСР на правах автономий.

Выходом из этого кризиса для большевиков оказалось, как всегда, хитроумно-лживое решение Ленина. Держа в уме цель «всемирной советской республики», Ленин отстаивал идею союза «равноправных республик». «Мы признаем себя равноправными с Украинской ССР и др. и вместе и наравне входим с ними в новый союз, «Союз Советских Республик Европы и Азии», — писал Ленин. Входящие в союз республики, предложил он, как государства должны быть вполне независимы и потому могут в любой момент выйти из союза, порвать с ним. Но коммунистическая партия должна быть единой во всех государствах союза и должна удерживать власть над народом, не считаясь с волей самого народа. Эта единая коммунистическая власть будет обеспечивать всецелое политическое, экономическое и идеологическое единство союза коммунистических государств при формальной их независимости друг от друга. Понятно, что выход из союза в таком случае становится чистой фикцией. Единая коммунистическая власть никогда не согласится на него, а без согласия этой единой коммунистической власти никто и пальцем не должен сметь пошевелить в союзе независимых «советских» республик.

Подход Ленина взял верх не без борьбы между Лениным и Сталиным. Они крепко поссорились на этом вопросе. Но позднее Сталин неукоснительно следовал ленинской модели. В октябре 1922 г. на пленуме ЦК РКП(б) руководство большевиков единогласно одобрило предложение Ленина. «Признать необходимым заключение договора между Украиной, Белоруссией, Федерацией Закавказских республик и РСФСР об объединении их в «Союз Социалистических Советских Республик», с оставлением за каждой из них права свободного выхода из состава «Союза», — гласило решение пленума. 30 декабря 1922 г. I съезд Советов Союза, следуя указаниям большевицкой власти, утвердил декларацию о **создании Союза Советских Социалистических Республик**. Декларация провозглашала равноправность всех республик, добровольность их объединения, свободу выхода. Всё это была стопроцентная ложь. Привлекательный фасад советской федерации только для слепых мог скрыть стальной каркас клетки, выкованный единой коммунистической партией. Принцип, на котором предлагал строить большевицкое государство Ленин, полностью восторжествовал.

Съезд избрал новый верховный орган фиктивной советской государственной власти — Центральный исполнительный комитет (ЦИК) СССР, состоявший из двух палат — Союзный Совет и Совет Национальностей. Председателями ЦИК назначались Михаил Калинин от РСФСР, Григорий Петровский от Украинской ССР, Александр Червяков от Белорусской ССР и Нариман Нариманов от Закавказской СФСР. Общим правительством, совсем не фиктивным, стал Совет народных комиссаров (СНК) РСФСР во главе с Лениным (тогда уже тяжело больным), просто ставший теперь СНК СССР,

а общая компартия, тоже совершенно реально властвовавшая на территории России, стала с 1925 г. называться Всесоюзной, или **ВКП(б)** — как и из названия государства, из названия правящей в нём партии сознательно была убрана всякая национальная привязка. Теперь это была интернациональная, в пределе — всемирная, партия коммунистов-большевиков.

Историческая справка

Михаил Иванович Калинин (1875–1946) был сыном крестьянина Тверской губернии. Однако сельский труд не привлек молодого человека, и Калинин отправился в Петербург, где со временем устроился токарем на Путиловский завод. Здесь он примкнул к революционерам, возглавил на своем заводе группу «Союза борьбы». За участие в этой нелегальной организации был арестован, 10-месячное заключение использовал для изучения Маркса. После тюрьмы его выслали в Тифлис, где он познакомился со Сталиным и организовал забастовку, за что был заключен в Метехский замок, а потом выслан в Ревель. В 1902 г. он организовал в Ревельских железнодорожных мастерских нелегальный марксистский кружок и подпольную типографию, установил связь с ленинской «Искрой». После раскола РСДРП в 1903 г. стал на сторону Ленина. За свою деятельность он вскоре снова был арестован и заключён в петербургскую тюрьму «Кресты». В том же 1903 г. Калинин был освобожден из-под стражи и возвращен в Ревель. В 1904-м снова был выслан, на этот раз в Олонецкую губернию, откуда в январе 1905-го нелегально выезжал в столицу для выполнения поручений большевиков. В октябре того же года получил амнистию и возглавил большевистскую организацию Путиловского завода. Калинин стал членом районного комитета РСДРП и вошел в боевой штаб района. Подпольная деятельность не помешала ему обзавестись семьей. В 1916 г. Калинин отправился в свою последнюю ссылку в Восточную Сибирь; жена и дети поехали вместе с ним.

С приходом к власти большевиков социальный статус семьи Калининых резко изменился. Место проживания — Кремль, должность — Председатель ВЦИК (Всероссийский Центральный исполнительный комитет). Советской власти нужен был послушный ей человек, поднявшийся из самых низов русского общества. Калинин подходил как нельзя лучше и продержался в своей высокой должности более 25 лет. Советская пропаганда создала образ Калинина как доброго дедушки, любимого народом «всесоюзного старосты», что не всегда было так. Однако многие простые люди, зная о его происхождении, действительно верили в его заступничество. С первых лет советской власти крестьяне во множестве обращались к нему со своими прошениями и жалобами на повсеместно творимые

большевиками бесчинства. И Калинин беззастенчиво обещал им, что их никто не тронет и не загонит в коллективное хозяйство. Филипп Миронов, донской казак, писал в своем обращении к Ленину 31.07.1919 г.: «... Могут ли верить все те, кто испытал на себе самовластие коммунистов, заявлению Председателя ВЦИК Калинина, когда он на митингах и беседах с крестьянами сказал о крестьянском хозяйстве так: «Я самым решительным образом заявляю, что коммунистический строй никогда не будет насильно заставлять крестьянство сваливать свою землю, не будет насильно соединять их дворовое имущество, скот и прочее. Кто хочет, пусть соединяется». И еще говорил Калинин: «Социалистический строй не только никогда не будет бороться с отдельными крестьянскими хозяйствами, но даже будет всячески стараться улучшить их положение. На крестьянское хозяйство никто не может покушаться». Эх, товарищ Калинин, не только покушаются на хозяйство, но если и ограбят, а ты по простоте сердечной, желая найти правду, пожалуешься, то тебя убьют». Далее Миронов пишет: «Какая польза крестьянину от его утешительных обещаний и заверений и как может идти крестьянин к нему (Калинину) доверчиво со своей жалобой, если его сейчас же... хватают за горло, арестовывают и говорят: «не смей жаловаться». Неудивительно поэтому, что в газетах бдительные «стражи» Советской власти радостно восклицают, что при проезде т. Калинина жалоб приходится выслушивать все меньше и меньше».

Калинин лгал крестьянам и в последующие годы, когда политика большевиков привела к невиданному голоду. Американская журналистка Луиза Брайант, жена коммуниста Джона Рида, в своей хвалебной статье о Калинине приводит его советы умирающим: «Кто ляжет, тот не выживет. Я по себе знаю, я сам голодал, я такой же, как вы». Это циничная ложь: до революции ни в Тверской губернии, ни в ссылке никто не голодал, а при большевиках Калинин жил на кремлевском пайке. Но некоторые люди продолжали верить Калинину даже в 1930-е гг. и писали ему из мест высылки. Например: «Пишем вашей милости и просим вас убедиться на наше письмо, которое оплакивалось у северной тундры не горькими слезами, а черной кровью, когда мы, пролетарии Могилевского округа собрались и решились поехать отыскивать своих родных. Приехали на место среди северной тундры Нядомского района, мы увидели их страдания. Они выгнаны не на жительство, а живую муку, которую мы еще не видели от сотворения мира, какие в настоящий момент сделаны при советской власти. Когда мы были на севере, мы были очевидцами того, как по 92 души умирают с голоду в сутки; даже нам пришлось хоронить детей и все время идут похороны. Просим принять письмо и убедиться над кровавыми крестьянскими слезами». А вот другое письмо. «Уважаемый Михаил Иванович! Сообщаю из лагеря Макарихи — г. Котлас. Можно ли бить граждан поселенцев, всякого пола и возраста, тем, что в руках находится? Можно ли производить насилие в области религиозных

отправлений, как то: приходят в бараки, срывают лампадки, образки, раскидывают под ноги и некоторые уносят неизвестно куда? Усматривается ли вами то, что вместе с родителями переселяются и беззащитные дети от 2-х недель и старше и страдают в бараках совершенно непригодных, т.к. когда нас поселили в бараках, то в них было снегу вместе со льдом на 5 вершков? Барак №62. Очевидец».

Неизвестно, откликнулся ли Калинин на эти отчаянные мольбы людей, миллионами убиваемых в те годы, когда он «возглавлял» государство. Зато известно, как он вел себя, когда в такую же беду попала его жена. В 1938 г. ее арестовали по абсурдному обвинению в «правотроцкистской деятельности» и приговорили к 15 годам лагерей. Михаил Иванович не последовал за женой (как это сделала в 1916 г. она). Он остался на прежней должности и даже не рискнул попросить Сталина о помиловании своей верной спутницы, матери его троих детей. Только в 1944 г., накануне опасной операции, Калинин написал такое письмо: «Товарищ Сталин, я спокойно смотрю в будущее советского народа и желаю лишь одного, чтобы как можно дольше сохранились Ваши силы — лучшая гарантия успехов Советского государства. Лично я обращаюсь к Вам с 2-мя просьбами: помиловать Екатерину Ивановну и назначить пенсию моей сестре, на которую я возложил обязанность растить 2-х мальчиков, полных сирот, живущих у меня. От всей души последний привет, М. Калинин».

К первоначальным «республикам» — включая Армению, Азербайджан и Грузию, которые до 1936 г. состояли в Закавказской Федеративной ССР, — были, после упразднения в 1924 г. Бухарской и Хорезмской (бывшее Хивинское ханство) народных советских республик, добавлены Узбекская и Туркменская ССР, позже Казахская, Киргизская и Таджикская. К 1936 г. СССР состоял из 11 «республик», внутренние границы которых еще не раз менялись партийной властью.

Свидетельство очевидца

Журналист Феликс Чуев, беседа в 1972 г. с Молотовым, который вместе со Сталиным разрабатывал план образования СССР, спросил о сути проводимых работ. Молотов отвечал вполне искренне, абсолютно не сомневаясь в своей правоте: «Никто так не разбирался в национальном вопросе, никто так прозорливо не организовывал наши национальные республики, как Сталин. Одно создание среднеазиатских республик — это целиком его, сталинское дело! И границы, и само открытие целых народов, которыми никто не интересовался в центре и не знал их по-настоящему, потому что все мы, включая Ленина, не доходили до этих дел. Некогда было, а он очень хорошо в этом разбирался. Ведь острая борьба шла. Казахи, например, их верхушка, дрались за Ташкент, хотели, чтоб он был их столицей. Сталин собрал их, обсудил это дело, посмотрел границы и сказал: «Ташкент — узбекам, а Верный, Алама-Ата — казахам...». Ф. Чуев. Сто сорок

бесед с Молотовым. Из дневника Ф. Чуева. М.: Terra, 1991. С. 278–279. Этот пример показывает искусственность образования СССР. Ведь вопрос, кому, например, отдать Париж — немцам или французам, является просто немислимым.

Формально вся власть в республиках принадлежала Советам рабочих и крестьянских депутатов, избираемых населением, но фактически она полностью находилась в руках партии большевиков, которые контролировали Советы и изнутри, через депутатов коммунистов, и извне, через распоряжения правящей партии. Советы были свои в каждой области, в каждой «республике», но партия была одна, жестко централизованная и полностью подчиняющаяся своему центральному комитету и политическому бюро. Коммунистическая партия «парализовывала» (термин Ленина) независимую активность Советов. И выборы депутатов в Советы, и принятие ими решений полностью контролировалось большевицкой партией из Москвы. *Поэтому, кстати, говорить о «советской власти» в России с 1918 г. неправильно. Это была не советская, а большевицкая власть.* Советы с 1918 г. превратились только в камуфляж, только в ширму для диктатуры партии большевиков, а еще точнее — для руководства большевицкой партии.

«Государство нового типа» — по форме союз советских республик, а по существу централизованная, жесткая диктатура компартии — претендовало со временем объединить в себе все страны мира. Декларация 30 декабря 1922 г. объявляла СССР открытым для вхождения в него новых социалистических республик и утверждала, что его создание является «шагом на пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». Отсюда и его герб — изображение земного шара с наложенными на него молотом и серпом — знаками рабочего и крестьянского труда — увенчанными пятиконечной звездой — символом единения пяти континентов под властью коммунистов. Государственным флагом СССР было объявлено красное полотнище с изображением в верхнем углу золотого серпа и молота, а над ними пятиконечной звезды. Гимном объявлен «Интернационал». Герб, флаг и гимн СССР являлись не новыми символами России, но эмблемами всемирного коммунистического государства, о котором грезил Ленин, Троцкий и их товарищи и которое должен был созидать Коминтерн. Преемства, продолжательства с исторической Россией большевики категорически не признавали, объявляя СССР новым государством, которое воздвигается «на руинах старого мира».

ДОКУМЕНТ

О гербе СССР и государстве, которое этот герб знаменовал, святейший Патриарх Алексей II сказал в декабре 2006 г.: «XX век начался в нашей стране под знаком революции. Кровавый серп и всеокрушающий молот сатанинской злобы обрушились на нашу землю, уничтожая все

общественные, нравственные, жизненные устои России. В «окаянные» 1920–1930-е гг. от невиданного ранее в истории государственного террора, от расстрелов, пыток, тюрем, ссылок и голода погибли миллионы наших граждан, были искалечены судьбы и души десятков миллионов людей. Тогда были закрыты или разрушены сотни монашеских обителей, тысячи храмов, репрессированы сотни тысяч священнослужителей и монашествующих. Ровно 75 лет назад, в этот день, 5 декабря 1931 г. был взорван храм Христа Спасителя». — Выступление на епархиальном собрании города Москвы // Православная Москва. 2007. № 2 (380), январь. С. 5.

Литература:

R. Pipes. The Formation of the Soviet Union. N. Y.: Atheneum, 1968.

3.1.3. Восстановление народного хозяйства

НЭП, начавшийся с отмены продовольственных экспроприаций в деревне, естественным образом стал распространяться на все стороны хозяйственной жизни. Если крестьянам разрешается свободно продавать те продукты, которые остаются в их распоряжении после уплаты продналога, то нужен рынок, нужны деньги, необходимы товарные отношения в промышленности и т.д. Когда с иностранной помощью был преодолен голод 1921–1922 гг., а урожай 1922 г. оказался на редкость хорошим, на очередь стал вопрос инфляции, достигшей абсурдных размеров. Назначенный в январе 1922 г. управляющим Наркомфина Григорий Яковлевич Сокольников (Гирш Янкелевич Бриллиант) привлек специалистов царского времени к разработке денежной реформы. Самым известным из них был бывший банкир и общественный деятель, министр земледелия в кабинете С.Ю. Витте, а затем депутат от КДП в Думе — Николай Николаевич Кутлер (1859–1924). Кутлер вошел в правление Госбанка, который был создан по его совету в октябре 1921 г. По его же рекомендации была выпущена новая валюта, а государственный бюджет пересчитан в царских рублях. Двумя годами позже подобную реформу провели в Германии под руководством директора Рейхсбанка Ялмара Шахта, в 1924–1925 гг. — в Польше по проекту эндека Владислава Грабского.

Вопреки левым коммунистам, желавшим упразднить Наркомфин и деньги вообще, Кутлер и Сокольников составили план перехода к золотой валюте. Так как золота для обеспечения всей денежной массы не было, в конце 1922 г. был выпущен червонец, обеспеченный золотом на 25%. Его приравнивали к 10 довоенным рублям, т.е. к 7,7 грамма чистого золота, и к концу 1923 г.

за него давали 4,8 доллара США. Червонцем пользовались ограниченно, в оптовых сделках, но к нему были привязаны новые бумажные рубли. Было отчеканено и некоторое количество золотых червонцев, идентичных по размеру и весу царской десятирублевой монете. После девальваций старых дензнаков — «ленинок» в 1923 и 1924 г. население получило 1 новый рубль за 50 000 000 000 (миллиардов!) старых. Чеканилась серебряная и медная разменная монета, также по размеру и весу идентичная соответствующим монетам последнего царствования.

Чтобы обеспечить бездефицитный бюджет, восстанавливался налоговый аппарат, натуральное обложение заменялось денежным, сокращались государственные расходы. Объем новых бумажных денег был четко ограничен, и население встретило их с доверием. Жесткая денежная политика Сокольникова способствовала подъему народного хозяйства. В 1924 г. бюджет советского правительства (в твердых ценах) достиг примерно половины бюджета царского времени. С 1924 г. продналог крестьяне могли давать уже не натуральной продукцией, а деньгами, продавая всё произведенное ими на свободном рынке.

ВСНХ и созданный в 1921 г. Госплан противились такой финансовой политике, требуя неограниченных кредитов на развитие промышленности. Поэтому в 1926 г. инфляция понемногу возобновилась. Сокольникова сняли с поста наркома, поддерживать курс червонца продажей золота стало невозможно — и конвертируемая советская валюта перестала существовать. Вплоть до распада СССР в 1991 г. советский рубль больше никогда не был конвертируемым и не принимался как средство платежа на международном рынке.

Денежная реформа помогла восстановить рыночные отношения на селе. В 1922 г. был принят *Закон о трудовом землепользовании*, а IV сессия ВЦИК в октябре 1922 г. приняла земельный кодекс РСФСР, который вступил в действие с **1 декабря 1922 г.** Кодекс законодательно закреплял **отмену частной собственности на землю**, которая переходила в собственность «рабоче-крестьянского государства» (то есть, по сути, в руки партии большевиков). 27-я статья этого Кодекса категорически запрещала приобретение, продажу, наследование, залог или дарение земли. Устанавливались регулярные земельные переделы. Более всего большевики опасались превращения крестьянских хозяйств в самостоятельные. Деревня была отброшена в достольпинские времена последней четверти XIX в. Однако крестьяне получили свободу выбора форм землепользования — общинного, подворно-участкового, товарищеского или смешанного. Частично допускался «вспомогательный наемный труд» и аренда земли у соседей. Мобилизация труда государством, трудовые армии были отменены.

За шесть лет крестьяне поправили свои дела после катастрофы 1918–1921 гг. и в 1928 г. вышли приблизительно на уровень 1913 г.

	1913	1922	1928
Зерновые посевы, млн га	102	72	101
Сбор зерновых, млн т	86	56	73
Лошади, млн	36	24	34
Рогатый скот, млн	61	46	66

Сбор зерновых на душу населения поднялся с 2,4 центнера в 1921–1922 гг. до 4,5 центнера в 1926–1927 гг., но не достиг 4,9 центнера 1913 г. Рост за 1922–1928 гг. был, как видно, порядка 30–40%, но он был неровным. Началось быстрое расслоение на верхушку трудолюбивых и успешных и массу продолжавших жить в общине с ее примитивной техникой и низкой урожайностью. Крестьяне строили себе дома и откармливали скот, но их хозяйство оставалось по преимуществу натуральным, а не товарным. Дробление хозяйств усугубилось: до революции было 13 млн дворов, теперь стало 24 млн. Между тем во всем мире агротехника требовала укрупнения хозяйств, промышленность — оттока рабочей силы в город. Товарный хлеб, как и в столыпинское время, стали давать зажиточные единоличники, порвавшие с общиной.

Но если вышедших на отруб крестьян в 1910-е гг. в шутку называли «столыпинскими помещиками», то теперь их без всяких шуток стали звать «кулаками». «Кулаков» большевики боялись — это были независимые от них «достаточные» хозяева, которые, располагая экономической свободой, могли пожелать и свободы политической. Чтобы тормозить рост «сельской буржуазии», большевики теснили «кулаков» налогами. В 1926 г. постановлением Совета труда и обороны было запрещено продавать тракторы единоличным хозяевам. Оставшиеся в деревне помещики получили в 1918 г. наделы наравне с крестьянами, но 3 апреля 1925 г. вышел закон «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах». Местные сельсоветы не спешили его исполнять, и в 1926 г. потребовался повторный закон на ту же тему. Не дожидаясь репрессий, бывшие помещики бросали свои усадьбы и скрывались в многолюдных городах, порой меняя даже фамилию.

В промышленности шло упорядочение повальной национализации 1918–1920 гг. Государство оставило за собой «командные высоты» — примерно три четверти объема продукции. Крупные предприятия объединялись в тресты, которые должны были работать на коммерческой основе. Мелкие предприятия возвращались прежним владельцам в собственность или в аренду. В 1920 г. был принят план постройки государственных электростанций

ГОЭЛРО. Установленная мощность электростанций увеличилась с 1,2 млн кВт в 1922 г. до 1,8 млн кВт в 1928 г., удвоилось производство электроэнергии. Это была единственная отрасль, которая за время НЭПа значительно превзошла дореволюционный уровень.

Производство в целом, оправившись от обвала времен военного коммунизма, подошло в 1928 г. к уровню 1913 г., а в некоторых отраслях превзошло его. На территории, которая к 1928 г. контролировалась СССР, в 1913 г. было произведено промышленной продукции на 6391 млн золотых рублей, в 1927 г. — на 6608 млн тех же рублей; сельскохозяйственной продукции в 1913 г. — на 12 790 млн рублей, в 1927 г. — на 12 775 млн рублей. Стали выплавлялось 102% от уровня 1913 г. (в сравнимых границах), хлопчатобумажных тканей производилось 104%. Угля — 105%, нефти — 112%. В 1925 г. была воссоздана Всероссийская Нижегородская ярмарка. Но за первые 11 лет большевицкой власти в России другие цивилизованные страны в своем экономическом развитии ушли далеко вперед, а Россия «выпала» из первой «группы» стран, лидирующих по темпам экономического роста (США, Япония, Швеция).

Цены на промтовары были высокими, качество — низким, крестьяне требовали больше денег за свои товары. К тому же после ликвидации крупного капитала деньги на развитие промышленности брать было неоткуда, и в городах росла безработица. Одновременно появились люди, разбогатевшие на торговле, так называемые нэпманы.

В годы НЭПа большевицкий режим достаточно спокойно относился к забастовкам на государственных предприятиях, рассматривая их как неизбежное зло, порождаемое «узкими местами» народного хозяйства и произволом местной администрации. Лидер советских профсоюзов Михаил Томский на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 г. отмечал с иронией, что в России рабочие выигрывают больше стачек, нежели их товарищи за рубежом. Средняя зарплата рабочих в промышленности составляла 20–30 золотых рублей в месяц, а у высококвалифицированных поднималась до 45–50.

В городе, как и в деревне, НЭП был решением неустойчивым, а потому временным: очень быстро полусвободные товарно-денежные отношения в стране стали несовместимы с политическим господством большевиков.

Мнение историка:

«Экономическая система, существовавшая в России вплоть до 1927 г., была неким гибридом социализма с капитализмом, в котором причудливо переплетались черты того и другого... От подлинно социалистической системы она отличалась в такой же степени, как и все остальные реформы, проводившиеся в период НЭПа; от капиталистической модели развития ее отличал государственный контроль над экономикой, особенно в области внешней торговли». — Г. Вернадский. Русская история. С. 357.

Восстановление хозяйства было невозможно в условиях того правового беспредела, который царил в стране после декрета 22 ноября 1917 г., разрушившего судебно-правовую систему. С началом НЭПа деятельность разных органов внесудебной расправы большевики ограничили и сделали попытку восстановить судебную систему. В 1922–1923 гг. были приняты первые большевицкие Уголовный, Уголовно-процессуальный и Гражданский кодексы. Как и к финансовой реформе, к их разработке привлекались дореволюционные специалисты. Они старались восстановить хотя бы часть процессуальных гарантий судебных Уставов 1864 г. Гражданский кодекс 1923 г. и сейчас оценивается очень высоко. Некоторые юристы считают его лучшим гражданским кодексом за всю историю России (до революции гражданского кодекса в России не было).

Но уже с 1924 г. эти гарантии стали размываться. Прокуроры и следователи были постепенно выведены из судебного ведомства, следствие было подчинено обвинению. Этот процесс завершился созданием чисто административного ведомства — Прокуратуры СССР, которую в 1933 г. возглавил А.Я. Вышинский. Судебная система как отдельная ветвь власти перестала существовать. Суды потеряли контроль за обоснованностью задержания подозреваемого, возможность возбуждать и прекращать производство по уголовным делам. Дела стали решаться заочно, на основании письменных материалов, а то и телефонных звонков из партийных кабинетов.

ЧК была 6 февраля 1922 г. реорганизована в ГПУ — Государственное политическое управление, ставшее 15 ноября 1923 г. ОГПУ — Объединенным государственным политическим управлением, единым для всех республик СССР. Юристы пытались ограничить полномочия ГПУ, но тщетно. Заместитель Дзержинского И.С. Уншлихт доказывал необходимость внесудебных репрессий: *«Есть целый ряд дел, по которым в трибуналах из-за отсутствия фактического материала будут вынесены оправдательные приговоры, в то время как у нас имеется агентурный материал, вполне достаточный для строгого приговора вплоть до высшей меры наказания»*. «Красный террор» на несколько лет сократился, но не прекратился.

Литература:

- Е.И. Сафонова.* Московские текстильщики в годы нэпа: квалификация и дифференциация в оплате труда // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М.: РОССПЭН, 2001.
М.Я. Ларсонс. На советской службе. Записки спеца. Париж: La Source, 1930.
С. Есиков. Российская деревня в годы НЭПа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М.: РОССПЭН, 2010.

3.1.4. Национальная политика большевиков

После победы в Гражданской войне большевики начали претворять в жизнь проекты «развития угнетенных народностей бывшей Российской империи». В марте 1921 г. в третьей части своей резолюции X съезд РКП(б) провозгласил необходимость развития национальных культур, работы по

созданию судопроизводства на национальных языках, организации соплеменной большинству населения местной советской власти, подготовку руководящих национальных кадров и обучение местным языкам, обычаям и традициям тех русских коммунистов, которые будут направляться на работу на национальные окраины. Другое положение той же резолюции определяло курс на «хозяйственное выравнивание развития промышленности в национальных регионах», при одновременном «отстранении местных эксплуататорских элементов и классов, церковников и феодалов». В четвертом пункте третьей части резолюции X съезд обещал предоставление всей возможной помощи малым и отсталым народам для осуществления скорейшего их развития. XII съезд РКП(б) в апреле 1923 г. вновь указал на особую важность для коммунистов активности в решении национального вопроса.

В противоположность общепринятому в начале XX столетия мнению, что только национальная идея может успешно объединить государство, русские коммунисты в 1920-е гг. уделяли основное внимание не главенству русской народности, но развитию всей полноты этнического многообразия при одновременной борьбе с естественно главенствующим положением русских в подвластной им стране. «Великорусский шовинизм, — провозглашают оба съезда, — враг для Советского Союза более опасный, чем местный национализм». Резолюция X съезда подчеркивала «необходимость борьбы с переселенческой политикой царизма, когда русским колонистам отдавались лучшие пахотные земли, а коренных жителей изгоняли в бесплодные пустыни». Резолюция далее отмечала, как весьма положительный факт, что «на Тереке и в Туркестане уже отбирают землю у кулацких элементов из русских крестьян и казаков и возвращают эту землю туземцам». Делегат съезда Георгий Сафаров сообщал, что «сносятся целые кулацкие поселки, количество выселяемых из Средней Азии кулаков и казаков — сотни тысяч». Другими словами, лишалось средств существования практически все европейское переселенческое население Туркестана, зачисленное в кулаки и казаки. И лишалось оно прав на жизнь по воле Российской компартии, 72% членов которой в 1922 г. составляли этнические русские.

В 1918–1922 гг. большевики создали множество автономных республик и областей, назвав само созданное ими государство *федеративной* республикой. Националистические движения в это время, малочисленные и сравнительно слабые, были только на Волге, Урале и Северном Кавказе, в Туркестане. Но национальные территориальные образования возникли не только здесь, но и в тех местах России, где коренные народы и вовсе не помышляли о национальной автономии — например, на Дальнем Востоке, в Сибири, на Севере. Сами национальные движения, там, где они были маломальски влиятельны, жестоко подавлялись, но народам, от имени которых говорили националисты, предоставлялось широкое культурное самоуправление с элементами собственной государственности. Так, после присоединения Азербайджана были арестованы тысячи членов правившей в республике националистической партии Мусават. Её лидеры были убиты почти сразу же

в Баку, а другие идейные азербайджанские националисты, выжившие после нескольких лет издевательств в местных тюрьмах, — отправлены в Соловецкий лагерь, где почти все погибли или покончили собой, не выдержав нечеловеческого обращения.

Свидетельство очевидца

Выживший после 30 лет тюрем, поселений и лагерей Олег Волков вспоминал свою встречу на Соловках в 1927 г. со старостой сидевших в лагере мусаватов: «Я решил умереть, — твердо сказал нам староста. — Не потому, что разлюбил жизнь. А потому что при всех обстоятельствах мы обречены. Большинство из нас не переживет зиму — едва ли не у всех туберкулез. Оставшихся всё равно уничтожат: расстреляют или изведут на штрафных командировках... Мы и на Соловки-то привезены с тем, чтобы покончить с остатками нашей самостоятельности. В Баку мы для них реальные и опасные противники... Но не стоит об этом. Мы и наши цели слишком оболганы, чтобы я мог коротко объяснить трагедию своего народа... — Он закрыл глаза и долго молчал. На осунувшемся его лице мы прочли волю человека, неспособного примириться с отвергаемыми совестью порядками. — Так уж лучше так, не сдавшимся. — Напоследок он пошутил: — Я потребовал перевода с острова... в солнечную Шемаху! Случится мимо ехать — поклонитесь милым моим садам, кипарисам, всёёлым виноградникам... Прощайте, друзья: таких русских, как вы, мы любим». Я не помню имени этого героя азербайджанского народа, хотя не забыл его черты: высокий, смуглый красавец с открытым лбом над густыми бровями и умным внимательным взглядом. Знаю, что был он европейски образован, жил в Париже и Вене». — *О.В.Волков. Погружение во тьму. М., 1992. С. 77.*

Специальный указ ВЦИК от 29 апреля 1926 г. разрешил организацию в РСФСР национальных районов и сельсоветов. Другие входившие в СССР республики последовали примеру РСФСР. В результате в 1932 г. в Советском Союзе насчитывалось 19 автономных республик, 17 автономных областей, 10 национальных округов, 250 национальных районов и 5800 национальных сельских советов. Большинство народностей, получивших такую автономию, никогда не искали во времена Российской Империи национально-территориального самоуправления или независимости. «Исключая, может быть, Польшу и Финляндию, ни один из живших на окраинах Империи народов и не желал и не был готов к отделению от России» (Ричард Пайпс). А через пять лет после октябрьского переворота практически все народности СССР от русских в нерусских землях до мельчайших сибирских племен орочей, тофаларов, коряков, айнов, алеутов получили ту или иную форму национально-территориальной организации.

На Украине, например, в 1931 г. были следующие национальные районы и сельсоветы и, кроме того, в состав Украины входила Молдавская автономная республика:

Национальность	Национальные районы	Национальные сельсоветы
Русские	8	450
Немцы	7	254
Евреи	3	156
Болгары	3	45
Греки	3	30
Поляки	1	151
Чехи	—	12
Белорусы	—	4
Албанцы	—	3

Помимо описанной национально-территориальной реорганизации большевики создали специальные научно-исследовательские центры по изучению языков и культур населяющих СССР народов. Более чем шестьдесят народностей получили благодаря этим исследованиям свой алфавит. Начальное образование велось на более чем шестидесяти языках, а на некоторых обучение продолжалось и далее. Издание книг и периодических изданий на языках меньшинств получало энергичную поддержку большевицкой власти. В 1934 г. школьные учебники печатались в СССР на 104 языках, газеты — на 87.

В Белоруссии, где большинство коренного белорусского населения считало белорусский язык «деревенским», а русский — культурной городской языковой нормой, в 1924 г. началась «белоруссизация». Ученые рука об руку с белорусскими коммунистическими вождями прикладывали массу сил для создания системы национальной школы, для укоренения средств массовой информации на белорусском языке. Тогда же из состава РСФСР в Белорусскую ССР, которая до того ограничивалась частью Минской губернии, были переданы уезды из Витебской, Гомельской и Смоленской губерний РСФСР, включая такие крупные города, как Витебск, Могилев, Гомель, Полоцк, «так как население этих уездов и городов преимущественно использует белорусский язык». Территория Белорусской ССР увеличилась более чем в два раза. Принятая в 1927 г. новая Конституция Белорусской ССР объявляла четыре языка государственными: белорусский, русский, еврейский и польский. В 1930–1931 гг. 88% школьников обучались в школах Белоруссии, где языком преподавания был белорусский. Но при этом в Белоруссии были созданы 23 еврейских, 19 польских, 16 русских, 5 латышских, 2 украинских и 2 не-

мецких сельсовета, а в 1932 г. организован польский национальный округ. Сходное положение сложилось в иных республиках СССР в 1920-е — начале 1930-х гг.

С 1923 г. Российская коммунистическая партия позволила так называемую «коренизацию». В органы государственного управления стали активно привлекать представителей «коренного» населения и всячески поощрять создание «национальной интеллигенции». Повсюду создавались академии наук, оперные и драматические театры, кинематограф, поощрялась «пролетарская» литература, музыка, изобразительное искусство. Создавались типовые для всего СССР творческие союзы писателей, художников, композиторов. Левацкие группы националистов были приняты в Коммунистическую партию, и национальная интеллигенция пользовалась сравнительной свободой деятельности в областях языка, литературы, искусства, филологических и исторических изысканий.

XII съезд РКП(б) принял решение, что «руководство национальных республик и областей должно главным образом состоять из лиц коренных национальностей, говорящих на местных наречиях и знающих местные обычаи», и это решение активно претворялось в жизнь. В Казахской автономной республике в 1927 г. среди членов местного ЦИК насчитывалось 12 казахов, два русских, один узбек и один каракалпак. Среди государственных министров республики 11 были казаками и пять — иными. Даже в русских губерниях со смешанным населением делались попытки выдвигать руководителей различных национальностей. Так, в Черноморской губернии Северокавказского края в 1930 г. русские среди руководителей сельсоветов составляли только 45 процентов. Остальные были украинцами, греками, армянами, немцами, даже эстонцами и поляками.

Мнение ученого:

«Советская диктатура окружила народы железной клеткой, жестоко подавляя всякое стремление к независимости, но в отведенных рамках национальной идентичности была дана сравнительно широкая свобода самобытного бытия... Какими бы ни были намерения режима, но культурные формы, созданные для нерусских народов, а также символы автономии, дарованные им, имели бесспорный консолидирующий эффект, усиливая национальное сознание, особенно среди тех народностей, у которых оно практически не было до того развито». — E. Goldbagen. *Introduction // Ethnic minorities in the Soviet Union. N. Y., 1968. P. 9–10.*

Не следует, однако, забывать, что «либеральная» политика большевиков в отношении национальных меньшинств политически была ограничена почти исключительно лингвистической областью. Автономии не обладали никаким реальным самоуправлением. Не было у них и возможностей организовать культурную, политическую и хозяйственную жизнь в соответствии с собственными намерениями. Совершенно централизованная Всесоюзная

коммунистическая партия контролировала все проявления жизни и деятельности, во всех уголках Советского Союза. Развитие национальной культуры, исследования в области языка, истории, изящных искусств, национальной философии дозволялись только до тех пор, пока они служили делу развития «пролетарской культуры». Все другие формы национальной деятельности, как политические, так и культурные, оставались совершенно воспрещенными, и те, кто пробовали заниматься ими, немедленно объявлялись «врагами народа» и жестоко наказывались. В 1920-е гг. концентрационные лагеря и тюрьмы СССР были полны «буржуазными националистами». Другие национальные лидеры были казнены, принуждены к эмиграции или доведены до самоубийства. Начиная с октябрьского переворота, Россия была тоталитарным государством, и свободы в области национальных отношений четко ограничивались задачами *пролетарского* образования и *коммунистической* культуры. Но в этих жестких границах национальная самобытность обеспечивалась с большой тщательностью.

Свидетельство очевидца

«Та моя первая... соловецкая зима оказалась последней для якутов, перед самым закрытием навигации большой партией привезенных на остров. Ходили слухи о подавленном в Якутии восстании, но проверить эти туманные новости было нельзя: якуты не понимали или не хотели говорить по-русски и ко всем «не своим» относились настороженно, отказываясь от всякого общения. От тех, кто мог добыть сведения в управлении, узналось, что на Соловки привезли состоятельных оленеводов — тойонов, владевших многотысячными стадами. По мере проникновения советской власти глубже на Север, якуты откочевывали всё дальше, в малодоступные районы тундры, спасаясь от разорения, ломки и уничтожения своего образа жизни и обычаев. За ними охотились и ловили тем рьянее, что у них водилось золото и драгоценные меха. Их расстреливали или угоняли в лагерь. Якутов скосила влажная беломорская зима и отчасти непривычная еда. Они все — до одного! — умерли от скоротечной чахотки». — *О.В.Волков*. Погружение во тьму. С.81.

В 1920-е гг. коммунисты не были озабочены подведением националистического фундамента под свое государство. Их главным образом увлекало дело строительства «всемирного союза трудящихся». Пройдет время, полагали они, и в таком союзе исчезнут всяческие этнические и культурные границы, языки сольются, расы смешаются. «Все будут приятно смуглявенькими», как объявлял один из героев шолоховской «Поднятой целины». Но все это в будущем, а нынче надо привлечь народы к интернациональному братству трудящихся и разорвать узы, соединяющие рабочий люд любой национальности с соплеменным ему классом буржуазии. Отсюда жесточайшая диктатура в политике и идеологии и либерализм в языковой политике.

В подготовке к слиянию народов коммунисты применяли целый набор хорошо продуманных методов. Во-первых, борьба и уничтожение всех националистов, не вписавшихся в коммунистические ряды. Во-вторых, система национально-территориальных образований, которая предполагает, что *территория проживания* того или иного народа должна быть выделена в особое автономное или, по меньшей мере, в национально-административное образование. Система национально-территориальных автономий кажется весьма демократическим учреждением, но на практике она приводит не столько к этническому возрождению, сколько к ассимиляции меньшинств.

Историческая справка

Еще в 1913 г. Ленин полемизировал с австрийскими социал-демократами Отто Бауером и Карлом Рённером по вопросу национально-государственного строительства. Австрийские социалисты выступали за принцип культурно-национальной автономии, но Ленин оказался её непримиримым противником. Во-первых, утверждал он, национально-культурная автономия разделяет, разобщает трудящихся различных национальностей и «искусственно» объединяет их с буржуазией тех же национальностей. Во-вторых, стратегическая задача коммунистов — строительство интернационального сообщества и слияние народностей — легчайшим образом может быть достигнута именно посредством национально-территориальной автономии. Причина этого — принципиальная многонациональность любой территории, а при быстрой индустриализации смешение народов становится практически неизбежным. Каждый промышленный город — это «плавильный котел» национальностей. Последующие этнодемографические процессы, протекавшие в СССР, доказали совершеннейшую верность ленинских предположений.

Третьим средством, к которому прибегли коммунисты в их национальной политике в 1920-е гг., стала изоляция народов от исторических корней их культур. Для этого, кроме уничтожения носителей традиционной культуры — небольшевицкой интеллигенции, духовенства, образованных представителей высших слоев, — использовался метод смены алфавита. Многие языки с древней письменной традицией и богатой литературой — татарский, монгольский, тувинский, таджикский, узбекский, азербайджанский — были переведены на латинскую графику. Вместо арабского алфавита была введена латиница в Азербайджане в 1923 г., в Татарии в 1927-м, в Средней Азии в 1929-м. В тюркских областях сторонниками перехода на латинский алфавит были и тюркские националисты, считавшие, что переход на латинскую графику сделает образование более доступным, а также расширит возможность освоения тюрками достижений европейской науки. Эта идея была поначалу

поддержана большевиками, но по другим причинам. Большевики увидели в латинизации графики «начало революции на Востоке», а именно разрыв с мусульманской традицией. Отказ от традиционной арабской письменности рассматривался как эффективное орудие борьбы против ислама, т.к. арабской вязью написаны Коран и другие священные тексты мусульман.

Новые алфавиты для ранее неписменных народов также создавались на основе латиницы. Научные и технические термины, как правило, транслитерировались при этом с английского или с немецкого, а не образовывались с использованием традиционных лингвистических методов. Нарком просвещения Луначарский попытался даже русский язык перевести на латиницу в конце 1920-х гг., вспоминая слова Ленина, что латинизацией русского языка надо обязательно заняться «в более спокойное время, когда мы окрепнем». Языки должны были разорвать со своим «буржуазно-поповским» прошлым с помощью внедрения нового «революционного» алфавита. Арабские буквы центральноазиатских языков «смотрят в прошлое», латинские буквы — в будущее коммунистическое общество — утверждали большевики. Так поступали, кстати, не только большевики, так поступил и Кемаль-паша в Турции, реформировав турецкий язык и заменив его графику с арабской на латиницу, так позднее поступали коммунисты в Северной Корее, Китае, Вьетнаме.

ДОКУМЕНТ

Теоретик латиницы для русского языка, руководитель подкомиссии по латинизации русского языка при Главнауке Наркомпроса Николай Яковлев писал: «Территория русского алфавита представляет собою в настоящее время род клина, вбитого между странами, где принят латинский алфавит Октябрьской революции, и странами Западной Европы, где мы имеем национально-буржуазные алфавиты на той же основе. Т.о. на этапе строительства социализма существующий в СССР русский алфавит представляет собой безусловный анахронизм — род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза, как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада... Должен быть создан новый алфавит — алфавит социализма».

Как и НЭП в экономике, языковая политика большевиков была тактическим временным отступлением и пропагандистским маневром. Большинство российских инородцев вовсе не владело или очень плохо владело русским. Поэтому пропаганду среди них коммунистических идей возможно было вести только на национальном языке. Иначе народы, как калмыки или якуты, окажутся не охваченными большевицкой идеологией и, следовательно, чуждыми и враждебными «советской власти», которая привлекала к себе не делами, а словами. Поскольку пропаганда в то время главным образом велась

через печатное слово, инородцев надо было научить читать на родном языке и создать большевицкую национальную интеллигенцию, которая бы могла писать и говорить на этом языке то, что надо московским коммунистам. Чтобы исключить всякое воздействие национальных традиционных идей, возрождение национализма, столь опасного и даже непереборимого коммунистической пропагандой (как убедились большевики, столкнувшись во время Гражданской войны с национализмом польским, финским, грузинским), коммунисты уничтожали физически своих конкурентов — культурный слой всех народов, а простонародье отрывали от культуры предков, меняя алфавит и сжигая книги. Поскольку в 1920-е гг. коммунистические вожди были ориентированы на создание всемирной коммунистической «республики», они кириллице предпочитали латиницу. Вскоре их предпочтения изменятся. Но стратегической целью большевиков оставалась не национальная форма культуры с коммунистическим содержанием, а полная денационализация, превращение русского, якута, азербайджанца, поляка в «советского человека», не сознающего своего родства ни с каким народом, ни с какой национальной историей, ни с какой общностью, полностью преданного «коммунистической партии и советскому правительству».

«Развитие национальных культур и языков в период диктатуры пролетариата в одной стране может допускаться, но только ради создания условий для их последующего отмирания и слияния культур и языков в единую социалистическую культуру и в единый общий язык, когда социализм одержит полную победу во всем мире», — указывал Сталин на XIV съезде ВКП(б) в 1930 г. Такой была цель коммунистов — национальное развитие для полной денационализации всего человечества. Не больше, не меньше.

Литература:

- Национальный вопрос и Советская Россия. М.: Госиздат, 1921.
E. Carrere D'Encausse. The Great Challenge: Nationalities and the Bolshevik State. 1917–1930. N.Y., 1991.
Ethnic Minorities in the Soviet Union. N. Y.: Praeger, 1968.
J. Ornstein. Soviet Language Policy: Continuity and Change // Ethnic Minorities in the Soviet Union. N. Y., 1968.
Language planning in the Soviet Union / Ed. by M. Kirkwood. L., 1989.
Terry Martin. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001.

3.1.5. Внешняя политика большевиков

Завершение Гражданской войны и переход к хозяйственному строительству в мирных условиях объективно требовали перестройки всей системы внешней политики СССР. Однако курс большевиков на международной арене оставался воинственно-агрессивным. Лидеры партии и Коминтерна продолжали активно использовать любую возможность для организации

вооруженных восстаний в разных уголках мира с целью расширения зоны коммунистического господства. Большевицкая внешняя политика продолжает двигаться по двум проложенным Лениным параллельным колеям. Наркоминдел под руководством Г.В. Чичерина обеспечивал дипломатическую защиту большевицкого государства, а Коминтерн под руководством Г.Е. Зиновьева работал над свержением правительств «буржуазных стран».

Своим главным врагом в то время большевики считали «английский империализм» и, следуя ленинской тактике лавирования, делали все возможное для его ослабления. В конце 1923 — начале 1924 г. Г.В. Чичерин стал даже ратовать за создание некоей «континентальной системы» в Европе. Имелось в виду наладить партнерские отношения не только с Германией, но и с Францией, где, как полагали большевики, были сильны антибританские настроения. Резко враждебное отношение проявляли большевики и к созданной в 1919 г. Лиге Наций, в которой доминировала Англия. Особое раздражение вызывала у них 16-я статья Устава Лиги, которая обязывала стран-участниц прибегать к санкциям, включая военные действия, против любой страны-агрессора, если Совет Лиги Наций выскажется за это.

Однако в связи с победой на выборах в Великобритании партии лейбористов, симпатизировавшей большевикам, именно Англия стала второй после Германии крупной западной державой, которая *de jure* признала большевицкий режим. Произошло это 2 февраля 1924 г. Через шесть дней СССР признала фашистская Италия, а после этого дипломатические отношения с Советским Союзом поспешили установить более 20 стран, в том числе Китай, Франция и Япония. Только Соединенные Штаты, а также ряд небольших государств (например, Югославия) долгое время отказывались признавать Советский Союз. США изменили свою позицию лишь в 1933 г.

Западные и восточные страны устанавливали дипломатические отношения с СССР, как будто бы он был таким же государством, как все остальные, а не провозглашал своей целью захват всего мира и не вёл постоянной Гражданской войны против собственного народа. Западные государства были недовольны конфискацией имущества их граждан и отказом большевиков платить по царским долгам, но в «мировую советскую республику», о которой прямо говорила советская Конституция 1924 г., они верить не желали, считая агрессивную социально-политическую риторику большевиков «только фразой». А о страдающих народах России и вовсе не вспоминали, полагая, что каждый народ достоин того правительства, которое имеет.

Волна признаний СССР способствовала укреплению международного положения большевицкого режима, содействуя и развитию его внешне-торговых связей. Но основным советским торговым партнером на протяжении всех 1920-х гг. оставалась Германия, в отношениях с которой неизменно господствовал «дух Рапалло». Большевики энергично играли на объективных противоречиях, существовавших между Германией, заданной репарациями, и странами-победительницами бывшей Антанты,

и всеми возможными способами старались привлечь немецкое правительство на свою сторону.

В июле 1922 г. в Берлине им удалось даже подписать с немцами секретное соглашение о военном сотрудничестве, по которому советские коммунисты начали активно участвовать в воссоздании германской военной авиации и танковых войск. По этому соглашению Германия могла производить и испытывать в Советской России запрещенные ей Версальским договором виды оружия, обучать офицеров.

Командиры РККА А.И. Корк, А.И. Тодорский, В.К. Триандафилов, М.Н. Тухачевский, И.П. Уборевич и др. и офицеры Рейхсвера — генерал-майор П. фон Хассе, полковник О. фон Нидермайер, подполковник Г. Гудериан, майор В. Модель и др. участвовали в делегациях обмена для учёбы и повышения квалификации, манёврах, учениях, знакомстве с новой техникой сотрудничающих сторон. Контакты с Рейхсвером были полезны для РККА в узкопрофессиональном смысле, но в первую очередь их стоит рассматривать с политической точки зрения и возможных последствий для общей европейской безопасности.

В рамках советско-германского сотрудничества Германия получила возможность выпускать в Советском Союзе авиабомбы, танки, самолёты, средства химической войны и подводные лодки. В 1926 г. на закупки вооружений и боеприпасов в СССР расходовалось более **150 млн** марок — около трети годового бюджета Рейхсвера. На территории СССР действовали авиационная школа Рейхсвера в Липецке («4-я эскадрилья авиационной части Красного Воздушного Флота»), танковая школа в Казани (центр «Кама»), в перечне выпускников которой в 1929 г. был Г.В. Гудериан — будущий мастер танковых атак Вермахта и генерал-полковник, а также особо засекреченная школа химической войны на Волге близ Вольска под Саратовым (центр «Томка»). На заводе ГАЗ №1 в Филях под Москвой с 1924 г. фирма «Юнкерс» выпускала в год по несколько военных самолётов. В Липецке отрабатывалась новая тактика воздушного боя и пикирования на цель.

До 1933 г., когда в результате прихода к власти нацистов началось свёртывание сотрудничества, в СССР были подготовлены 30 специалистов-командиров бронетанковых войск, около 130 первоклассных немецких пилотов и около 100 лётчиков-наблюдателей в качестве инструкторов и преподавательского персонала для кадров будущих Люфтваффе. Один из зарубежных историков П. Карелль так оценил значение авиационной школы в Липецке: *«Если бы не Липецк, Гитлеру понадобилось бы ещё 10 лет для того, чтобы создать современную военную авиацию»*. Среди выпускников Липецкой школы был будущий генерал-фельдмаршал и один из высших командиров Люфтваффе Хуго Шперле.

Вместе с тем, когда председатель Совнаркома А.И. Рыков в феврале 1925 г. предложил немцам заключить военный союз против Польши, германское правительство отказалось. Не удалось большевикам склонить Германию и к отказу от сближения с Францией и от вступления в Лигу Наций.

В 1924 г. бывшие страны Антанты пошли на существенные уступки в вопросе о репарациях, решив предоставить Германии многомиллиардные кредиты на восстановление ее экономики и стабилизацию марки. Для реализации этой программы был выработан специальный план, названный в честь американского бизнесмена Чарльза Дауэса, председателя комитета экспертов Союзной комиссии по репарациям. План заложил основу экономического сближения Германии и держав-победительниц, что вызвало резкое недовольство большевиков, расценивших его как попытку создания единого империалистического блока против СССР.

Точно так же определили большевики и результаты состоявшейся в октябре 1925 г. в г. Локарно (Швейцария) международной конференции, на которой Германия подписала ряд соглашений с бывшими странами Антанты, в том числе Рейнский гарантийный пакт, обеспечивший неприкосновенность франко-германских и германо-бельгийских границ и обязательство решать все международные споры арбитражным путем, без применения силы или угрозы силой (в дипломатии этот принцип получил название «дух Локарно»). В ответ на это 24 апреля 1926 г. советское правительство подписало в Берлине договор с Германией о нейтралитете и ненападении на пять лет, добившись от немецкой стороны заверения в том, что Германия не будет участвовать в каких бы то ни было действиях Лиги Наций против СССР. Еще до этого, в октябре 1925 г. Германия предоставила СССР заём в 100 млн золотых марок. Германия стала ревностным защитником большевизмского режима и даже добилась принятия особого положения по борьбе с антисоветскими тенденциями в Лиге Наций. «Чемберлен считает, что в Локарно он окружил нас кольцом враждебных государств, — писала в эти месяцы газета «Правда». — Наоборот, это мы возьмем его в окружение трудящимися массами в его же собственном доме».

В 1925–1927 гг. договоры о нейтралитете и ненападении были также заключены с правительствами Турции, Афганистана, Литвы и Ирана. 20 января 1925 г. СССР и Япония подписали договор, подтверждающий условия Портсмутского мира (1905 г.). После этого Япония передала большевикам северную половину Сахалина, занятую с 1919 г. японскими войсками в обмен на предоставление ей нефтяных и угольных концессий в этой части острова.

В августе 1928 г. СССР первым ратифицировал пакт Бриана-Келлога, подписанный в Париже за полгода до того представителями пятнадцати стран. Сделано это было несмотря на то, что пакт был оформлен в отсутствие представителя СССР. Документ, заключенный по инициативе министра иностранных дел Франции Аристиды Бриана и госсекретаря США Фрэнка Келлога, провозглашал отказ от войны как орудия национальной политики. В феврале 1929 г. советское правительство договорилось с Польшей, Литвой, Финляндией, Эстонией, Латвией и Румынией, не дожидаясь общей ратификации пакта, подписать Протокол о введении его в действие. По мнению большевиков, все

эти договоренности, хоть и формально, но сковывали «силы империализма», затрудняя формирование антибольшевицкого фронта.

Хотя Соединенные Штаты отказывались признать СССР, товарооборот между двумя странами в 1927 г. достиг 100 млн долл. (в два раза больше уровня 1913 г.). Впрочем, Конгресс США рекомендовал своим компаниям заключать сделки с СССР таким образом, чтобы оставались средства для выплаты компенсаций бывшим владельцам собственности в России, с которой американские предприниматели получают прибыль.

Литература:

Сталин и немцы. Новые исследования. М.: РОССПЭН, 2009.

Т.Э. О'Коннор. Георгий Чичерин и советская внешняя политика 1918–1930 гг. М., 1991.

3.1.6. Крушение мировой революции

В том же направлении, что и Наркоминдел, только прямолинейнее и целенаправленнее, действовал Коминтерн. Вплоть до конца 20-х гг. эти ведомства дублировали друг друга. Не случайно нарком по иностранным делам Чичерин, наряду с Лениным, Троцким, Зиновьевым и Бухариным, представлял большевицкую партию на Учредительном конгрессе III Интернационала в марте 1919 г., а все большевицкие дипломаты в той или иной степени работали и на Коминтерн.

После V конгресса Коминтерна в 1924 г., на котором еще выступал Зиновьев, конгрессы долго не созывались, чтобы не вовлекать иностранные компартии в шедшую в Москве внутрипартийную борьбу. В 1926 г. Зиновьева сняли, и пост Председателя Коминтерна упразднили. Руководство организацией Сталин поручил Бухарину, который возглавлял политическую комиссию Исполкома Коминтерна. Но в 1929 г. Сталин уволил из Коминтерна и Бухарина. Когда Сталин укрепил свое положение, то VI конгресс Коминтерна в 1928 г. поставил перед иностранными партиями на первое место задачу защиты «отечества всех трудящихся» от внешней агрессии. Действуя в подполье в своих странах, они должны были в случае «агрессии против СССР» «превратить войну империалистическую в войну гражданскую». Задача была совершенно неральной, так как нападать на СССР тогда было некому. На конгрессе было принято решение о жёстком подчинении интересов местных коммунистических партий «интересам международного коммунистического движения», то есть интересам Политбюро ЦК ВКП(б). Безоговорочное выполнение любых решений Коминтерна стало обязательным.

Кроме того, Сталин сумел добиться принятия решения, в соответствии с которым главным противником коммунистов объявлялись не партии Питлера и Муссолини, а социалистические и социал-демократические партии («со-

циал-фашисты»), *«отвлекающие рабочий класс от революционной борьбы»*. В результате в 1928–1932 гг. в Германии коммунисты направляли основную пропаганду не против НСДАП, а против социал-демократов и их союзников, что существенно облегчило приход Гитлера к власти в 1933 г. До 1933 г. коммунисты и нацисты неоднократно устраивали совместные уличные акции, направленные против социалистических и либеральных партий.

Грубое вмешательство Коминтерна в дела других государств то и дело приводило к дипломатическим конфликтам между СССР и его зарубежными партнерами. Наиболее яркие из них имели место в 1923 и 1927 гг. Первый из них был связан с подготовкой ИККИ социалистической революции в Германии. К середине октября 1923 г. в эту страну из Москвы были переведены многомиллионные средства в твердой валюте, германские коммунисты объединили в свои «пролетарские сотни» (Красную гвардию) около 133 тыс. человек. Для руководства революционным движением в Германскую Республику были направлены крупные деятели большевицкой партии, в том числе К.Б. Радек, Г.Л. Пятаков и А.Я. Гуральский. Но все оказалось тщетным. Вооруженное восстание, вспыхнувшее 23 октября 1923 г. в Гамбурге, обернулось бесполезным кровопролитием и окончилось неудачей — вдохновить рабочие массы Германии на их собственную октябрьскую революцию не удалось. Для большевицких вождей это явилось страшным ударом: очередная попытка разжечь пожар мировой революции провалилась. К тому же после гамбургского восстания германское правительство приняло решение добиваться вступления в Лигу Наций, в том числе и для того, чтобы иметь защиту от СССР.

Неудачами закончились и вооруженные выступления коммунистов в Болгарии, и в польском городе Кракове, имевшие место также в 1923 г., в Эстонии и Албании в 1924 г., в Болгарии — в 1926 г. Все они способствовали дальнейшему утверждению в сознании европейской общественности образа СССР как агрессора.

Еще более серьезные последствия для СССР имела коминтерновская политика в Англии в 1926–1927 гг., во время общенациональной забастовки шахтеров в этой стране. Прямая поддержка, оказанная британским рабочим Коминтерном и Профинтерном (еще одной международной коммунистической организацией, созданной большевиками в Москве в июле 1921 г.) в размере 2,25 млн долл., привела к тому, что в мае 1927 г. новое британское правительство консерваторов разорвало дипломатические отношения с СССР. Восстановлены они были только в октябре 1929 г., когда к власти в Англии вновь пришли лейбористы.

Крайне авантюристической была тактика Коминтерна и в Китае, стране, которая стала привлекать наибольшее внимание большевицких вождей в 1923 г., сразу же после поражения гамбургского восстания. Бурный подъем китайского национально-освободительного движения, во главе которого стоял Гоминьдан (Националистическая партия), привел тогда коминтерновских

лидеров к мысли о том, что «маршрут мировой революции изменился». Место Германии как главного центра будущего всемирного катаклизма занял в их сознании Китай. Еще в 1920 г. агенты Коминтерна Григорий Войтинский и Хендрик Маринг (Снеевлиет) по поручению Ленина убедили китайцев основать большевистские кружки, которые в июле 1921 г. объединились в коммунистическую партию. Пока ее влияние было невелико, и Коминтерн сделал ставку на ее внедрение в партию Гоминьдан.

В январе 1924 г. под давлением Коминтерна местные коммунисты официально оформили единый фронт с Гоминьданом, вступив в эту партию, но сохранив внутри нее организационную и политическую независимость. Сам Гоминьдан, находившийся тогда под руководством доктора Сунь Ятсена, а с 1925 г. — его преемника генерала Чан Кайши, большевики считали тогда «многоклассовой партией». В 1923 г. СССР и Коминтерн стали оказывать Сунь Ятсену и Чан Кайши, контролировавшим южную часть страны (город Кантон и прилегающие районы) колоссальную финансовую и военную помощь. На юг Китая были направлены десятки военных и политических советников, сыгравших решающую роль как в реорганизации Гоминьдана на большевистских организационных принципах, так и в строительстве его армии. Агент Коминтерна Михаил Бородин (Грузенберг) и Блюхер создали «Академию Вампу», где ковались кадры Гоминьдана. Все это было сделано с целью помочь Гоминьдану организовать успешный Северный поход для объединения Китая, находившегося тогда в состоянии раздробленности.

Победа китайской национальной революции должна была, по мысли коминтерновских лидеров, нанести ощутимый удар по позициям «империалистов» на Дальнем Востоке, заинтересованных, якобы, в слабом, разобщенном Китае. Наряду с этой целью (программой минимум) существовала и другая (максимум). Она заключалась в том, чтобы во время Северного похода помочь членам китайской компартии захватить власть внутри Гоминьдана путем вытеснения с руководящих постов, а затем и исключения из этой партии «представителей буржуазии». После этого КПК надо было подчинить своему влиянию «мелкобуржуазных» союзников с тем, чтобы, в конце концов, установить «гегемонию пролетариата» в Китае не напрямую через компартию, а через Гоминьдан, превратив его в «народную партию». Наиболее энергичным проводником этой линии был Сталин.

Но коминтерновская политика в Китае полностью обанкротилась. 6 апреля 1927 г. полиция совершила обыск в большевицком посольстве в Пекине и изъяла множество компрометирующих СССР документов, подтверждающих его участие в подготовке коммунистического переворота. 12 апреля Чан Кайши первым нанес удар по китайской компартии, осуществив антикоммунистический переворот в Шанхае. (К тому времени этот город был занят его войсками в ходе успешного Северного похода). Вслед за тем последовала серия антикоммунистических переворотов в других городах, находившихся под контролем гоминьдановской армии. 27 июля 1927 г. шеф советской

миссии Бородин был отозван Сталиным из Китая. Античанкайшистские восстания «осеннего урожая» в 1927 г. были подавлены, и отдельные группы китайских коммунистов ушли в горы, где развернули партизанскую борьбу. В ноябре 1931 г. в провинции Цзянси они провозгласили советскую республику, председателем Совнаркома и ЦИК которой стал Мао Цзэдун. Китай для Сталина оказался надолго потерян, а «восточный маршрут мировой революции», так же, как и западный, привел в тупик. Крах идеи всемирного социалистического переворота к концу 1920-х гг. стал очевиден.

Литература:

А.В. Панцов. Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М., 2001.

А.Ю. Ватлин. Коминтерн: первые десять лет. Исторические очерки. М., 1993.
Карл Радек о Китае. Документы и материалы. М., 2005.

3.1.7. Борьба за власть в коммунистической элите. Псевдоправые и псевдолевые

Хотя «классики марксизма» исписали тысячи страниц, они не дали представления о том, как после взятия власти строить социализм. Разногласия по этому поводу обнаружились в компартии очень скоро. После споров вокруг Брестского мира «военная оппозиция» — сторонники добровольной армии с выборными командирами — выступили на VIII съезде РКП(б) (март 1919) против подхода Троцкого, настаивавшего на привлечении «военспецов» царской армии. Затем на IX и X съездах (март 1920 и март 1921) подобный конфликт возник с «рабочей оппозицией», выступавшей против единоначалия на предприятиях, за передачу их управления профсоюзам. А.Г. Шляпникова и других лидеров «рабочей оппозиции» Ленин вынужден был щадить — в руководстве своей партии он не прибегал к репрессиям, предпочитая уговоры, — но передавать им руководство народным хозяйством не собирался. По военным и профсоюзным вопросам «левых», т.е. противников традиционных приемов управления, не послушались, в то время как политика повальной социализации производства и торговли в 1918–1920 гг. проводилась по рецептам Николая Осинского (В.В. Оболенского) и Юрия Ларина, выражавших крайние радикальные взгляды.

Восстановление рынка и денежной системы в 1922–1924 гг. вызвало новые споры в партии большевиков. В стране, потерявшей целое десятилетие из-за войны и революции, надо было развивать промышленность. Но как? Сокольников, проводя денежную реформу, считал необходимым сперва укрепить сельское хозяйство, а затем вкладывать валюту, вырученную от экспорта продуктов, в промышленность. В силу государственной монополии на внешнюю торговлю это было возможно. Но руководители Госплана и ВСНХ, прежде всего С.Г. Струмилин, считали, что финансировать промышленность

надо не валютой, а выпуском бумажных денег. Инфляцию, полагали они, можно будет сдерживать административными мерами. Путь Сокольников грозил создать зависимость от крестьян и от конъюнктуры на мировых рынках. Путь Струмилина таил опасность спада жизненного уровня всего населения и административного насилия над народным хозяйством.

Дравшиеся за власть на верхах партии политики не отстаивали последовательно тот или иной курс. Ранее «левый» Бухарин склонился теперь к курсу Сокольников. Троцкий же, выступив в 1923 г. против попыток командовать ценами на манер военного коммунизма, позже занял антирыночную позицию. Ленинская резолюция X съезда в 1921 г. «О единстве» запретила внутрипартийные фракции. В 1923 г. XII съезд партии подтвердил, что «диктатура рабочего класса» может быть обеспечена только в виде диктатуры компартии. А передача Сталину в апреле 1922 г. Секретариата ЦК позволила ему расставлять кадры аппаратчиков так, чтобы в будущем обеспечить единство партии своей диктатурой над ней.

В ведении вверенного Сталину Секретариата находился Учетно-распределительный отдел, который занимался расстановкой партийных кадров. В ноябре 1923 г. ЦК утвердил т. наз. список №1, перечислявший 4000 должностей, замещать которые можно было только по решению ЦК. Этот перечень, или «**номенклатура**» должностей, и дал название высшему слою партийных работников, из которого черпались кандидаты на высокие должности в партии и правительстве. Сталин активно формировал этот слой, подбирая туда людей не обязательно образованных или сведущих в какой-либо области, но желательно «пролетарского происхождения» и обязательно верных ему лично. Слой «руководителей вообще», которых то и дело перебрасывали с одной должности на другую, и стал политической опорой Сталина. С середины 1920-х гг. он сам вёл их личную картотеку.

Ленин был в глазах его соратников непререкаемым авторитетом. Они понимали, что без него бы не было ни октябрьского переворота, ни Брестского мира, ни диктатуры компартии. Ни по одному из этих ключевых вопросов в партии единомыслия не было, и только одержимость Ленина привела ее к успешному захвату и удержанию власти над Россией. Но в мае 1922 г. Ленин перенес инсульт и на время выбыл из строя. На посту председателя Совнаркома его вскоре сменил А.И. Рыков, но кто будет главным преемником, оставалось неясно. Многие полагали, что преемником должен стать Троцкий — организатор победы в Гражданской войне, «вооруженный пророк революции». Но Троцкий был слишком увлечен идеей «непрерывной революции» по всему миру и слишком заносчив, чтобы налаживать отношения с «разными посредственностями» в ЦК партии. Несмотря на прошлые разногласия с Лениным, Зиновьев и Каменев играли теперь важную роль в ЦК и Совнаркоме. Сталин вступил с ними в сговор, чтобы изолировать Троцкого. Ленин был недоволен грубостью и интриганством Сталина, писал об этом (в т. наз. «завещании»), но, после очередного удара в марте 1923 г., он лишился речи и стал полным

инвалидом. Сталин укрепляет свои позиции, уже не обращая на него внимания. К середине 1923 г. РКП(б) и страной фактически управлял триумvirат из Сталина, Зиновьева и Каменева. 21 января 1924 г. Ленин умер.

Историческая справка

Похороны вождя дали начало общенародному «культу Ленина» — тысячи и тысячи крестьян ехали из дальних мест и стояли в свирепый мороз в очередях, чтобы посмотреть на труп Ленина. Из-за этого и возник проект «бальзамирования» вождя. Большевикам пришла в голову мысль, что поклонение мощам будет хорошей заменой религии, а мавзолей Ленина — заменой христианским храмам. При постройке деревянного сооружения, куда положили набальзамированное тело Ленина, на Красной площади прорвало канализационную трубу, что патриарх Тихон отметил словами «по мощам и елей», а народ — стишком: «Под звуки пушек и мортир/ спустили Ленина в сортир». Политбюро же принялось создавать культ Ленина: Петроград был переименован в Ленинград. В 1929 г. деревянное сооружение заменили гранитным «мавзолеем» с трибуной для приема парадов.

Троцкий, то ли обманутый Сталиным, который сообщил ему неверную дату, то ли по собственной оплошности, не приехал на похороны вождя. Сам же Сталин на II съезде Советов СССР дал «клятву» покойному: «хранить единство партии как зеницу ока...»; «укреплять диктатуру пролетариата...»; «укреплять и расширять союз республик, Красную армию и Коминтерн».

К этим целям Сталин шел, борясь сначала против Троцкого. Открытое соперничество между ними за власть над партией и, следовательно, над Россией, началось уже в октябре 1923 г., когда окончательно стало ясно, что дни Ленина сочтены. Троцкий опирался на партийцев в армии и старых большевиков. Еще до смерти Ленина вышло «Заявление 46-ти», недовольных «бюрократизацией партии» и выступавших против «внутрипартийной диктатуры». Но на XIII съезде партии в мае 1924 г. находившиеся в сговоре со Сталиным Зиновьев и Каменев добились повторного утверждения Сталина как Генерального секретаря, скрыв от съезда ленинское «завещание», не рекомендовавшее Сталина на пост генсека (с ним ознакомили только ЦК). Троцкого обвинили во фракционной деятельности. В вину ему «товарищи по партии» стали ставить его прошлые, дооктябрьские разногласия с Лениным, представляя Троцкого извечным противником ленинизма.

В январе 1925 г. Троцкий был снят с постов наркома по военным и морским делам и председателя Реввоенсовета СССР. Его преемником стал М.В. Фрунзе, но он вскоре умер на операционном столе в результате «медицинской ошибки» — Сталин добился решения ЦК «об оперировании тов.

Фрунзе в связи с обострившейся язвой желудка». Однако, когда Фрунзе вскрыли на операционном столе, выяснилось, что язва давно зарубцевалась, и операция, в сущности, была не нужна, но организм Фрунзе не перенес хлороформа. Для Сталина Фрунзе был слишком независимым и самостоятельным на должности наркомвоенмора, слишком близким к Зиновьеву и Каменеву. Пост наркома занял К.Е. Ворошилов, «человек Сталина» еще со времен осады Царицына. Позже появилась и песенка: «С нами Сталин родной, и надежной рукой / Нас к победам ведет Ворошилов». Политическая карьера Троцкого была сломана, и он занялся организацией «левой оппозиции».

Историческая справка

Михаил Васильевич Фрунзе (1885–1925), сын военного фельдшера, молдаванина по национальности. Окончив гимназию в г. Верном (позже Алма-Ата), он в 1904 г. поступил в Петербургский политехнический институт, где вступил в РСДРП, примкнув к большевикам. За участие в демонстрации был выслан из столицы, вел пропаганду в Москве и Иваново-Вознесенске. В мае 1905 г. был руководителем Иваново-Вознесенской стачки и первого Совета рабочих депутатов. В декабре 1905 г. участвовал в боях на Красной Пресне в Москве, где вооруженными налетами на полицейские участки создал себе репутацию умелого террориста. В 1907–1910 гг. его несколько раз арестовывали, в частности за вооруженное сопротивление полиции. Он дважды приговаривался к смертной казни, замененной сначала десятью годами каторги, а затем пожизненной ссылкой. В 1915 г. бежал из ссылки, работал под чужой фамилией в Читинском переселенческом управлении. В 1916-м направлен руководством РСДРП(б) для революционной работы в действующую армию. Под фамилией Михайлов служил в комитете Всероссийского земского союза на Западном фронте, возглавлял большевицкое подполье в Минске с отделениями в 3-й и 10-й армиях.

В феврале 1917 г. Фрунзе стал руководителем Минской организации большевиков, потом занимал должности начальника милиции Минска, председателя Совета крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. С сентября 1917 г. он — председатель исполкома Совета и комитета РСДРП(б) в Шуе. В октябре 1917 г. Фрунзе во главе организованного им двухтысячного отряда принимал участие в боях по захвату власти в Москве. В 1918 г. совмещал должности председателя Иваново-Вознесенского губкома РКП(б), губисполкома, губсовнархоза и военного комиссара. Участвовал в подавлении Ярославского восстания. С августа 1918 г. — военный комиссар Ярославского военного округа.

С февраля 1919 г. Фрунзе последовательно возглавлял несколько армий, действующих на Восточном фронте против Верховного правителя

России адмирала А.В. Колчака. В марте он стал командующим Южной группой этого фронта. Подчиненные ему части настолько увлеклись мародерством и грабежом местного населения, что совершенно разложились, и Фрунзе не раз посылал в Реввоенсовет телеграммы с просьбой прислать ему других солдат. Отчаявшись получить ответ, он стал сам вербовать себе пополнение «натуральным методом»: отогнал из Самары эшелоны с хлебом и предложил оставшимся без еды людям вступить в Красную армию.

В крестьянском восстании, поднявшемся против Фрунзе в Самарском крае, участвовало более 150 тысяч человек. Восстание было утоплено в крови. Отчеты Фрунзе Реввоенсовету полны цифрами расстрелянных под его руководством людей. Например, за первую декаду мая 1919 г. им было уничтожено около полутора тысяч крестьян, которых Фрунзе в своем отчете именует «бандитами и кулаками».

С июля 1919 г. Фрунзе становится командующим Восточным фронтом, под его руководством Красная армия завоевала Северный и Средний Урал. С августа 1919 г. по сентябрь 1920 г. Фрунзе командовал Туркестанским фронтом. Отличался особой жестокостью: если в каком-либо населенном пункте он встречал сопротивление, каждый десятый его житель приговаривался к расстрелу. Фрунзе «оказал помощь народам Хивы и Бухары», т.е. установил там власть большевиков. Под руководством Фрунзе были проведены карательные операции среди среднеазиатских крестьян. Особенно кровавыми были рейды Фрунзе в Ферганской долине.

В сентябре 1920 г. Фрунзе назначили командующим Южным фронтом, действовавшим против армии генерала П.Н. Врангеля. Он руководил взятием Перекопа и занятием Крыма. В ноябре 1920 г. Фрунзе обратился к офицерам и солдатам армии генерала Врангеля с обещанием полного прощения в случае, если они останутся в России. После занятия Крыма всем этим военнослужащим было приказано зарегистрироваться (отказ от регистрации карался расстрелом). Затем солдаты и офицеры Белой армии, поверившие Фрунзе, были арестованы и расстреляны прямо по этим регистрационным спискам. Затем Фрунзе возглавил операцию по уничтожению недавнего союзника красных в битве за Перекоп — повстанческой армии Махно. С декабря 1920 по март 1924 г. Фрунзе был командующим войсками Украины и Крыма, членом Политбюро ЦККП(б)У и, занимая другие высокие посты на Украине, лично руководил карательными операциями против украинских крестьян-повстанцев.

Для военной карьеры Фрунзе характерно использование двойной кадровой тактики. С одной стороны, в его распоряжении постоянно находились опытные офицеры бывшего Генштаба российской армии, с другой — палачи-чекисты, руководившие расстрелами. Например, с марта 1919 г. под началом Фрунзе был бывший генерал-генштабист А.А. Балтийский, который, вместе с другими подобными советниками, обеспечил Красному

полководцу большинство его побед. Одновременно ближайшим помощником Фрунзе был начальник Особого отдела Южного фронта Е.Г. Евдокимов. В конце 1920 г. Фрунзе вручил этому чекисту орден Красного Знамени за успешное проведение спецоперации в Крыму, в ходе которой под личным руководством Евдокимова было казнено 12 000 человек, в том числе 50 генералов и 300 полковников. Понимая, что открытое награждение Евдокимова бросает слишком очевидную кровавую тень на него самого, Фрунзе написал на его наградном листе: «Считаю деятельность т. Евдокимова заслуживающей поощрения. Ввиду особого характера этой деятельности, проведение награждения в обычном порядке не совсем удобно». Заметим, что первый свой орден Красного Знамени Евдокимов получил за участие в «зачистке» Петрограда в 1919 г.

В 1920-е гг. Фрунзе занимал высшие военные и партийные посты (член ЦК РКП(б), начальник Штаба и Военной академии РККА, кандидат в члены Политбюро ЦК). Вместо попавшего в опалу Троцкого был назначен председателем Реввоенсовета СССР и наркомом по военным и морским делам. Он стал первым военным теоретиком, который в своих работах провозгласил необходимость карательных «зачисток» в полосу действия наступающей армии и широкого применения диверсантов-партизан. Для названных целей Фрунзе активно формировал в составе подчиненных ему войск Части особого назначения (ЧОН). Основные его работы — «Реорганизация РККА» (1921), «Единая военная доктрина и Красная армия» (1921) и «Фронт и тыл в войне будущего» (1924). В 1924–1925 гг. он возглавил проведение военных реформ, главной целью которых считал подготовку РККА к участию в мировой революции. В 1925 г. Фрунзе руководил на Дальнем Востоке торговлей наркотиками, деньги от которой шли на поддержку китайских коммунистов. Фрунзе умер 26 января 1925 г., в результате неудачной медицинской операции. Похоронен на Красной площади.

К тому времени в руководстве РКП(б) возникли серьезные разногласия относительно перспектив дальнейшего социалистического строительства. Отсутствие мировой революции все настоятельнее выдвигало вопрос: возможно ли построение (победа) социализма в СССР в условиях капиталистического окружения? Точка зрения Троцкого и троцкистов в этом вопросе заключалась в следующем. Социализм возможен лишь по достижении страной, где победила революция, высочайшего уровня развития производительных сил, и такой уровень в общих чертах уже известен — это тот рубеж, к которому подошли передовые империалистические страны (ведь империализм, продолжали полагать большевики, — высшая и последняя стадия капитализма, канун социалистической революции). Поэтому Советская Россия должна была как можно быстрее преодолеть разрыв, отделявший ее от наиболее развитых государств. Троцкий, в частности, предлагал энергично и эффектив-

но использовать все возможности, которые открывал перед СССР мировой рынок. Однако даже преодоление разрыва, считал он, не могло еще означать построение социализма: для «торжества» последнего нужны были гарантии от реставрации капиталистических отношений извне, т.е. все та же мировая революция, в которую Троцкий продолжал верить слепо и безоговорочно.

По-иному ответил Сталин. Он прекрасно понимал, что большевицкая власть в СССР **не выдержит** состязательности, конкуренции с капиталистическим миром и если не через 10, так через 15 лет советская власть рухнет. Поэтому единственный способ сохранить власть заключался в том, чтобы превратить страну в огромный цех по производству оружия и, хорошо вооружившись, силами идеологически выдрессированных миллионных масс советизировать Европу — то есть распространить большевицкую власть на весь европейский континент. Принципиальное разногласие с Троцким было лишь в тактике: Троцкий метался по всему миру, считая, что нужно разжигать революционные очаги там, где уже тлеет. Сталин же полагал, что нужно перестать заниматься ерундой и, хорошо подготовившись в военном отношении, вторгнуться в Европу в тот момент, когда противоречия между победителями и побежденными в Первой мировой войне достигнут максимальной остроты.

Концепция «осажденного лагеря социализма» давала прекрасный повод уничтожить не только внутривластную оппозицию, но и саму возможность ее появления в принципе. Уничтожить социальную среду, которая бы могла порождать оппозицию. Политика Сталина — это политика сохранения власти в отдельно взятой стране ради будущей советизации Европы. Политика Троцкого — это политика немедленного принесения страны в жертву мировой революции.

Теоретическое обоснование программа Сталина нашла в концепции построения социализма в отдельно взятой стране — в СССР.

Ее истоки можно найти уже в идее «врастания в социализм», впервые в общей форме сформулированной Бухариным в ноябре 1922 г. В феврале 1924 г. Бухарин развил эту идею. Однако ее концептуальное изложение принадлежит Сталину, выдвинувшему в конце 1924 г. в своей работе «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов» соответствующий политический курс.

Историческая справка

Резкое расхождение данной теории со всей марксистской традицией вынудило Сталина при ее мотивировке прибегнуть к прямой фальсификации. В основу своей «научной» аргументации он положил ряд превратно истолкованных ленинских цитат, вырванных из контекста соответствующих работ. В ссылках на Ленина он был гораздо более безапелляционен, чем Бухарин; последний тоже использовал авторитет умершего вождя

для обоснования своих концептуальных построений, но при этом оговаривался: «В[ладимир] И[льич] этого точно не формулировал». Сталин опирался всего на три цитаты из трех произведений Ленина: «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915 г.), публичного выступления на пленуме Московского Совета 20 ноября 1922 г. и «О кооперации» (январь 1923 г.). Из первой работы он позаимствовал мысль о том, что при неравномерности экономического и политического развития в условиях капитализма «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране». Из второй — то место, где Ленин, указывая, что «социализм уже теперь не есть вопрос отдаленного будущего», выражал уверенность в превращении за несколько лет «России нэповской» в Россию социалистическую. Из третьей взял положение о государственной собственности на крупные средства производства, диктатуре пролетариата и союзе этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян как о всем необходимом и достаточном для построения полного социалистического общества.

Действительно, каждая из цитат в отдельности и все они вместе создают впечатление, что Сталин, сформулировав лозунг победы социализма в СССР, лишь обобщил ленинские идеи. На самом же деле Ленин не имел к концепции Сталина ни малейшего отношения. Он оставался предан идее зависимости победы социализма в отдельной стране от перспектив мировой революции всю свою жизнь, вплоть до тех пор, пока окончательно не потерял работоспособность. Именно этой проблеме были посвящены заключительные страницы его последней работы «Лучше меньше, да лучше». В статье же «О лозунге Соединенных Штатов Европы», равно как и в написанной год спустя «Военной программе пролетарской революции» (она также использовалась сталинистами для обоснования их теории), под словами «победа социализма» (в одной стране) и «победивший социализм» Ленин имел в виду только победу в одной стране социалистической революции, а не социализма как системы. И здесь он ничуть не был оригинален: данное положение, как уже отмечалось, впервые в российской социал-демократии было высказано не кем иным, как Троцким, за несколько лет до Ленина. Что же касается его речи на пленуме Моссовета, а также заметок «О кооперации», то в них он просто сознательно концентрировал все внимание на внутренних проблемах СССР, оставив в стороне международную тему не потому, что считал ее второстепенной, а так как в те конкретные моменты хотел привлечь внимание аудитории именно к вопросам хозяйственного и культурного строительства. Однако и в том и в другом случае он дал на сей счет соответствующие объяснения, о чем ни Бухарин, ни Сталин не вспоминали! «В отношении внешней политики... нам ничего менять не приходится, — сказал он, в частности, в Моссовете. — ...В этом отношении у нас не было,

так сказать, если употребить старое выражение, никаких пересадок, ни на другие поезда, ни на другие упряжки».

Изменилась политика внутренняя. За полтора года до того был введен НЭП. Вот почему Ленин весь дальнейший рассказ посвятил характеристике направлений хозяйственного развития страны. То же, что построение социализма в СССР в конечном счете зависит от результата мировой революции, им не пересматривалось. Так же он поступил и диктуя записки о кооперации. Посвятив всю статью анализу внутренних тенденций социалистического преобразования Советского Союза и особо выделив вопросы о власти, собственности, союзе пролетариата с крестьянством и о той роли, которую должна сыграть в социалистической трансформации кооперация, невозможная без «целой культурной революции», он в то же время специально заметил: «Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству».

Что касается соответствующих положений работы «О кооперации», то здесь нельзя не принять во внимание и те объяснения, которые дал этим положениям Троцкий, полемизируя со Сталиным. «Владимир Ильич, — говорил он на XV конференции ВКП(б) в ноябре 1926 г., —... перечисляет условия государственные, условия собственности и организационные формы кооперации. Только!.. Но, товарищи, ведь мы знаем и другое определение социализма у Ильича, которое говорит, что социализм, это — советская власть плюс электрификация. Так вот, прочтенная мною цитата отменяет электрификацию или нет? Нет, не отменяет. Все остальное, что Ильич говорил о построении социализма [то есть и тезис о зависимости этого построения от результатов мировой революции]... этой цитатой дополняется».

Но все это не смущало Сталина. Авторитет Ленина был ему нужен, а потому, выдвинув соответствующий курс, он провозгласил в Заключительном слове по докладу «О социал-демократическом уклоне в нашей партии» 3 ноября 1926 г.: «Именно Ленин, а не кто-либо другой, открыл истину о возможности победы социализма в одной стране».

Сталин в брошюре «Об основах ленинизма» (апрель 1924 г., лекция в Свердловском университете) еще отрицал возможность построения социализма в отдельно взятой стране. Генсек утверждал: *«Можно ли... добиться окончательной победы социализма в одной стране, без совместных усилий пролетариата нескольких передовых стран? Нет, невозможно. <...> Революция победившей страны должна рассматривать себя не как самодовлеющую величину, а как подспорье, как средство для ускорения победы проле-*

тариата в других странах». Тогда принципиального различия во взглядах между Сталиным и Троцким не было. Были лишь претензии на верховную власть, на ленинское наследство. Свою теорию, заимствованную у Бухарина, Сталин объявил только в конце 1924-го — в 1925 г.

Эта теория, ставшая основой нового направления — сталинизма, отражала устремления партийно-государственной номенклатуры, которая абстрактным идеалам мировой революции предпочитала реальное укрепление своего господствующего положения в завоеванной большевиками России. Реализуя эту теорию, можно было и далее искусно манипулировать массами, увлекая их светлой идеей «близкого и вполне достижимого социального счастья» и подчиния, тем самым, своему диктату. А то, что эта политика вела общество к деградации и одичанию, ибо самоизоляция от мира равносильна медленному самоубийству, в расчет не принималось. Счастье людей большевиков никогда не волновало.

Замечание главного редактора:

Власть большевицкой номенклатуры в захваченной ею России не могла быть постоянной и неизменной величиной в системе координат мировой политики. Властное положение номенклатуре никто не мог гарантировать или сделать его незыблемым. Номенклатура не могла выбирать: мировая революция или безбедное властвование 1/6 частью суши, потому что власть большевицкой номенклатуры существовала в стране, окруженной «свободным миром». Для того чтобы власть номенклатуры стала гарантированной, требовалось уничтожить этот «свободный мир» или отгородиться от него сателлитами, хотя бы в пределах европейского континента. Сталинизм — это принцип: сначала обособиться в России, потом подчинить окружающую Россию периферию в Европе и Азии, и только потом — весь мир. Партийно-государственный аппарат на пути к повальной большевизации капиталистических государств («мировой революции») во второй половине 1920-х гг. предпочел «основательную» тактику Сталина эмоциональной тактике Троцкого. Специфика сталинской власти, сложившейся окончательно в годы первой пятилетки, заключалась в том, что это был режим, постоянно нуждавшийся в экспансии. В любом виде. В любом варианте. В любых пропорциях. Сталин умер в 1953-м, но черта, привитая Лениным и им советскому правящему классу, осталась. Вне экспансии, вне агрессивных устремлений коммунистический режим не мог существовать. Как только он отказался от своих намерений в период второй «разрядки» (1985–1987 гг.), советская власть не протянула и трёх лет.

Смещение Троцкого привело к тому, что в отсутствие общего врага амбициозные Зиновьев и Сталин начали борьбу за власть друг с другом. Зиновьева поддержал Каменев, Сталина — другие члены партийного руководства, в том числе такие крупные деятели, как редактор «Правды» Николай Бухарин, председатель Совнаркома Алексей Рыков и секретарь ЦК и Оргбюро ЦК ВКП(б) Вячеслав Молотов. Троцкий в изменившейся расстановке сил вначале склонился к союзу со Сталиным. Сталин даже поддержал в пику Зиновьеву и Ка-

менеу переизбрание Троцкого в ЦК и Политбюро. Очутившись в изоляции, Зиновьев и Каменев решили примкнуть к «левой оппозиции», т.е. к Троцкому, оторвав его от Сталина. У них это получилось. В 1925 г. Троцкий, Зиновьев и Каменев отчетливо выявили практическую идентичность своего подхода к вопросу о возможности построения социализма в одной стране. Все три лидера «левой оппозиции» такую возможность отрицали, по существу повторяя общие постулаты большевизма о необходимости мировой революции.

Историческая справка

Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия — Скрыбин) родился в слободе Кукарка Нолинского уезда Вятской губернии в мещанской семье в феврале 1890 г. Еще подростком увлекся революционными идеями и в 1906 г. во время учебы в Казанском реальном училище вступил в большевистскую партию. В 1917 г. принял активное участие в октябрьском перевороте. В годы Гражданской войны — на партийной и советской работе в Северной области, Поволжье, Нижнем Новгороде, Донецке. В 1920–1921 гг. являлся секретарем ЦК КП(б) Украины. С 1920 г. — кандидат в члены ЦК, с 1921 г. — член ЦК и кандидат в члены Политбюро, с 1926 г. — член Политбюро (с 1949 г. — Президиума) ЦК ВКП(б). В 1921–1930 гг. — секретарь ЦК и Оргбюро ЦК большевистской партии. В 1930–1941 гг. — председатель, а затем заместитель (с 1942 г. — 1-й заместитель) председателя Совнаркома СССР. Во время советско-нацистской войны (1941–1945 гг.) — заместитель председателя Государственного Комитета Обороны. В 1939–1949 и 1953–1956 гг. — народный комиссар (с 1946 г. — министр) иностранных дел СССР. Был одним из главных вдохновителей и организаторов массового террора, отличался исключительной жестокостью, сочетавшейся с безграничным раболепием перед Сталиным. Не осмелился перечить вождю даже тогда, когда в 1949 г. по сталинскому приказу была арестована его жена, П. С. Жемчужина. Через четыре года после смерти Сталина, в 1957 г., проиграв в борьбе за власть, лишился всех постов и был отправлен в Монголию послом, а в 1960 г. — в Вену представителем СССР в Международном агентстве по атомной энергии (МАГАТЭ). В 1962 г. уволен на пенсию и исключен из партии за «активное участие в массовых репрессиях», но в 1984 г. — восстановлен в рядах КПСС. Скончался в Москве 8 ноября 1986 г. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

Но теория теорией, а потерявший власть Троцкий был недоволен тем, что не партия контролирует свой аппарат, а аппарат управляет партией, и опасался, что в результате НЭПа к власти придет союз «нэпманов, кулаков и бюрократов». Он боялся возрождения благодаря НЭПу «буржуазной стихии», иными

словами, русского общества, которое, окрепнув, свергнет рано или поздно большевиков. Сталин же оперся на сторонников НЭПа — «правых» Бухарина, Рыкова и Томского, — чтобы не допустить усиления Зиновьева и Каменева.

Дискуссия о том, идти ли дальше путем укрепления рыночных отношений в деревне или вернуться к политике насильственного отчуждения у крестьян «излишков» сельскохозяйственной продукции, развернулась на XIV партконференции 27–29 апреля 1925 г. Зиновьев и Каменев были за усиление налогового бремени на крестьян, Сталин и Бухарин и Калинин — за его облегчение. «Теперь главная проблема состоит в том, как увеличить производительность труда середняка: мы должны завоевать симпатии середняка». В свете тех действий, которые он предпримет через три года, эти слова звучат лицемерно и политикански. Судьбы крестьян для Сталина — только оружие в борьбе за власть, так же как и союзы с соратниками. Соратников он только терпел до поры до времени, а полагался исключительно на беспрекословных исполнителей его воли.

Борьба между Сталиным, с одной стороны, и Зиновьевым — Каменевым — с другой (по сути — борьба сталинского аппарата против ленинградской партийной организации), началась в июне 1924 г., далее шла зигзагообразно, но в 1925 г. все время нарастала. Смерть Фрунзе — соратника Каменева и Зиновьева — следствие этой борьбы. В руках у Зиновьева была крупнейшая парторганизация, и Сталин отсрочил XIV съезд на 9 месяцев, чтобы лучше подготовиться к схватке с Зиновьевым. XIV съезд ВКП(б) состоялся в декабре 1925 г., и на него пришелся пик борьбы Зиновьева и Каменева со Сталиным. Только за месяц до съезда из уст московских эмиссаров партийная масса узнает, что, оказывается, в ВКП(б) существует «новая оппозиция». Но на самом деле у оппозиции не было никакой особой платформы: XXII Ленинградская губернская партконференция 1 декабря 1925 г. постановила: *«Конференция целиком и полностью одобряет политическую и организационную линию ЦК»*. Крестьянский вопрос для большевицкого руководства был слишком мелок, а вопрос о возможности построения социализма в одной стране — слишком абстрактен, чтобы из-за них ломать себе голову. В действительности спор шел о другом. По словам Сталина, и здесь он говорил правду, суть «платформы» оппозиции заключалась... в «реформе Секретариата». Т.е. в борьбе против Генсека.

Каменев предложил на XIV съезде снять Сталина с поста Генсека, выполнив наказ Ленина — и это при том, что сам Каменев соучаствовал на XIII съезде РКП(б) в сокрытии «завещания» Ленина от членов партии. Троцкий весь съезд отмалчивался, не поддерживая ни Сталина, ни «новую оппозицию». А Сталин на XIV съезде объявил: «Партия нуждается в единстве, и она достигнет его с Каменевым и Зиновьевым, если они того пожелают, или без них, если они этого не захотят». В январе 1926 г. Зиновьев, Каменев и другие «оппозиционеры» были сняты с партийных постов — но Троцкий молчит, так как не может им простить собственной травли в 1923–1924 гг. В апреле 1926 г., на пленуме ЦК началось их сближение не на почве политики (сов-

местной борьбы против сталинского диктата), а на почве экономики (повысить зарплату рабочим, обложить новым налогом 15% кулацких хозяйств, увеличить производство в стране ширпотреба). Сталин тут же объявил, что «левые» предлагают «грабить» деревню — как будто он ее защищал.

Через три месяца, на июльском пленуме, произошло формальное объединение оппозиции на общей платформе, т.н. «Платформе 83-х». Основным методом борьбы оппозиции против сталинского большинства было непрерывное бомбардирование высших партийных органов письмами-протестами и заявлениями. Использовали они для нападков на своих оппонентов и трибуны различных партийных митингов и собраний. Сталина, Бухарина, Молотова и их сторонников они обвиняли в «правом уклоне», «меньшевизме» и «оппортунизме», а после того, как в конце 1926 г. Зиновьев был снят с поста председателя Исполкома Коминтерна, в вину оппонентам, возглавлявшим ВКП(б), оппозиционеры стали ставить и провалы в коминтерновской политике. В конце 1926 г. «Платформа 83-х» стала предметом обсуждения на партийных собраниях. Здесь сторонники Сталина возобладали над «левыми». В десятую годовщину октябрьского переворота, 7 ноября 1927 г., Троцкий и Зиновьев вывели «объединенную оппозицию» на уличные демонстрации в Москве, Ленинграде и Харькове. Произошли стычки и потасовки. Демонстрантов разогнали, избивая палками и стеклянными бутылками. Всю вину за беспорядки возложили на Троцкого и Зиновьева. В середине ноября 1927 г. постановлением ЦК и Центральной контрольной комиссии Троцкий и Зиновьев были исключены из ВКП(б).

На XV съезде в декабре 1927 г., съезде, который можно считать началом сталинского самодержавного правления, Сталин решительно расправился с «левой оппозицией» и вывел из центральных органов 75 ее сторонников. Вслед за этим троцкистско-зиновьевский блок дал трещину. Зиновьев и Каменев стали склоняться к мысли о капитуляции перед Сталиным. В декабре 1927 г. зиновьевцы заявили о безоговорочном подчинении XV съезду ВКП(б), единогласно одобревшему резолюцию, объявлявшую принадлежность к оппозиционной фракции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевицкой партии. Троцкисты не согласились с пунктом о запрещении пропаганды взглядов.

Съезд, однако, не стал вдаваться в детали и, утвердив ранее принятое решение об исключении Троцкого и Зиновьева, одобрил еще одну резолюцию, исключавшую из партии и других активных участников оппозиции. Вслед за тем зиновьевцы обратились в Президиум съезда с заявлением об «идейном и организационном разоружении». «Объединенная оппозиция» перестала существовать. Некапитулировавшие троцкисты в начале 1928 г. были депортированы в отдаленные районы СССР. Троцкий первоначально был выслан в Алма-Ату, а затем в феврале 1929 г. насильно выдворен в Турцию. Его же сторонники, оставшиеся в СССР, были, в конце концов, вынуждены признать «правильность» сталинской линии или отправиться в лагерь.

Очень многие убежденные троцкисты, активные участники революции и Гражданской войны — Б.М. Эльцин, В.В. Косиор (брат С.В. Косиора), М.Г. Варшавская, И.Н. Смирнов — никогда не признавали «правильности» сталинской линии, порой вплоть до момента собственного расстрела. Самые разные свидетельства (в т. ч. и бывших сотрудников органов НКВД) позволяют утверждать, что в 1936–1938 гг. в ГУЛАГе было убито несколько тысяч идейных троцкистов, уходивших из жизни с фанатичными лозунгами мировой революции и криками в пользу своего кумира.

Историческая справка

Лев Борисович Каменев (настоящая фамилия — Розенфельд) родился в Москве в семье машиниста в июле 1883 г. В течение года учился в Московском университете, но был исключен за революционную деятельность. В 1901 г. вступил в РСДРП, а в следующем году уехал в Париж, где познакомился с Лениным и сестрой Троцкого Ольгой Давидовной Бронштейн, на которой позже женился.

В 1903 г. присоединился к большевикам, вел партийную работу в Кавказском комитете партии, редактировал большевицкие газеты «Пролетарий» и «Правда». В 1908–1914 гг. — в эмиграции. Вернулся на родину для руководства большевицкой фракцией 4-й Государственной Думы, но вскоре был арестован и выслан в Сибирь. После Февральской революции приехал в Петроград. В 1917–1918 и 1919–1927 гг. — член ЦК (1917 г. дважды, в октябре и ноябре, выходил из состава ЦК из-за разногласий с Лениным). В 1919–1925 гг. — член Политбюро, в 1926 г. — кандидат в члены Политбюро. После октябрьского переворота, в конце октября — начале ноября 1917 г. — председатель Всероссийского ЦИК, а в 1918–1926 гг. — председатель Моссовета. Одновременно в 1922–1926 гг. являлся заместителем председателя Совнаркома РСФСР (СССР), а в 1923–1926 гг. — директором Института Ленина. По мнению историка Г. Вернадского, «менее других был похож на революционера, зато имел весьма приличное, по сравнению со своими соратниками, образование». В 1923–1924 гг. вместе с Зиновьевым и Сталиным вел активную борьбу за власть с Троцким, но в 1925 г. разошелся со Сталиным по вопросу о строительстве социализма в одной стране. В январе-августе 1926 г. — нарком внешней и внутренней торговли СССР, а затем — полпред СССР в Италии. В 1927 г. был исключен из партии за «фракционную деятельность». Капитулировал перед Сталиным и в 1928 г. был восстановлен в рядах ВКП(б). С 1933 г. являлся директором издательства «Академия», а в 1934 г. — Института мировой литературы АН СССР. 16 декабря 1934 г. был арестован и 16 января 1935 г. приговорен к 5 годам тюремного заключения, 27 июля 1935 г. — к 10 годам, а 24 августа 1936 г. — к расстрелу. Убит 25 августа 1936 г. Место захоронения неизвестно. Реабилитирован Пленумом Верховного суда СССР 13 июня 1988 г.

Сталин продолжал опираться на «правую оппозицию», на Николая Бухарина, Алексея Рыкова и М.П. Томского, Марецкого, Стэна, Рютина, отстаивавших мысль, что пока крупные капиталистические державы окружают СССР, ему надо сперва стать *крупной социалистической державой*, а потом уже думать о мировой революции. Но Бухарин выступал и против преследования кулаков, против сплошной коллективизации и выдвинул идею «затухания классовой борьбы» по мере успехов социализма. Сталин же теперь частично присвоил себе лозунги «левых» — против «кулака и нэпмана» (но не против бюрократа) и требовал, напротив, «обострения классовой борьбы». Лозунг о «мирном вращении буржуазии в социализм» он отверг, но полностью принял идею «социализма в одной, отдельно взятой стране». Сталин вновь следовал тактике «преодоления путем частичного присвоения». Ноябрьский пленум ЦК 1929 г. вывел «правого оппортуниста» Бухарина из Политбюро, а Рыкову, Томскому и другим сделал «серьезное предупреждение». За два года после XV съезда окончательно укрепилась единоличная власть Сталина, и 50-летие «вождя» было в декабре 1929 г. пышно отмечено.

Ни Сталин, ни его союзники и противники в руководстве большевицкой партии не искали политический курс, который бы привел к благосостоянию и свободе народа России. Борьба большевицких вождей между собой в первую очередь была соперничеством за власть, а во-вторых, спором, как лучше удержать в повиновении завоеванный ими российский народ и распространить коммунистическое влияние на весь мир. «Советская власть есть хроническая гражданская война против настоящей России», — написал П.Б. Струве во время внутрибольшевицкой дискуссии — в июле 1925 г.

Литература:

- Архив Троцкого. Т. 1, 2. Харьков, 1999, 2001.
Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923–1927. Из архива Льва Троцкого. В 4 т. М., 1990.
Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925–1936 гг.: Сборник документов. М., 1995.
А.В. Панцов. Троцкий и Преображенский // ЭКО. 1990. №1. С. 63–66.

3.1.8. Культура как пропаганда в СССР

Захватившие власть над Россией большевики культуру, как и всё в стране, желали строить заново, порвав с наследием «проклятого царизма». Эту цель преследовал целый ряд декретов Совнаркома.

Культурной революцией ведал Народный комиссариат просвещения. С 1917 по 1929 г. им руководил «богостроитель» А.В. Луначарский. Сперва он поощрял новаторские и экспериментальные течения: «дальтонплан» в педагогике, абстракционизм в искусстве. Москва несколько лет оставалась одной из мировых столиц художественного авангарда. Но затем Ленин решил, что пролетариату эксперименты не нужны. Уже в декабре 1920 г. ЦК партии при-

нял решение «О пролеткульте» в том смысле, что вопросами пролетарской культуры не надо заниматься ни пролетариату, ни деятелям культуры — это дело компартии.

Чтобы приобщить «массы» к «социалистической культуре», требовалась скорейшая **ликвидация безграмотности**. Царское правительство предполагало завершить введение всеобщего начального обучения к 1922 г., но революция сорвала эти планы. Декабрьский 1919 г. декрет Совнаркома тоже предусматривал всеобщее начальное обучение, а также различные курсы «ликбеза». Из-за революционной разрухи и гибели или эмиграции множества грамотных людей доля грамотных среди населения старше 9 лет возросла поначалу немного — примерно с 40% в 1917 г. до 51% в 1926 г. Зато к 1939 г. она достигла 81% (впрочем, определение грамотности при переписи 1939 г. было менее строгим). В сентябре 1920 г. были введены **рабфаки** для подготовки рабочих к получению высшего образования. Для новой элиты в 1921 г. был создан Институт красной профессуры. Число учащихся в вузах всех типов возросло со 134 тыс. в 1917 г. до 672 тыс. в 1939 г. Это было время становления «советской интеллигенции», людей, многие из которых могли о себе сказать: «если бы не советская власть, то кем бы я был?»

Свидетельство очевидца

Сравнивая предреволюционную систему народного образования с советской, знаменитый философ Н.О. Лосский, высланный большевиками из России в 1922 г., писал: «Большевицкая революция разрушила всю эту систему и чрезвычайно понизила уровень народного образования. Большевики хвалятся своими количественными успехами, но скрывают чрезвычайно понижение качества школы: во множестве школ учителями у них состоят лица, сами получившие только начальное образование, не умеющие грамотно писать и грамматически правильно выражать свою мысль». — *Н.О. Лосский*. Воспоминания. Жизнь и философский путь. М., 2008. С.145.

Новая власть обращает внимание на воспитание молодёжи — в январе 1923 г. были **закрыты внешкольные молодежные организации**, в частности отряды скаутов-разведчиков. Их руководители подверглись репрессиям — были арестованы известные скаут-мастера: Г.И. Бострем, П.Б. Ясинский, позднее (в апреле 1926 г.) — Б.Л. Солоневич и др., а скаутская методика была частично использована основанной в мае 1922 г. организацией **пионеров**, которая получила монополию на внешкольное воспитание юношества. Пионерская организация была создана группой бывших скаут-мастеров (И.Н. Жуков, О.С. Тарханов и др.), которые пошли на сотрудничество с большевиками.

В марте 1926 г. комсомол получает своё новое имя ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи). В 1927 г. в Москве открывается Центральный театр рабочей молодежи (впоследствии Театр им. Ленинского комсомола — ныне «Ленком»).

Чтобы заложить основы государственной монополии на печать, несколько ведомственных и кооперативных издательств были в мае 1919 г. объединены в Госиздат. Главным инструментом контроля над всей издательской деятельностью стал *Главлит* — Главное управление по делам литературы и искусства, созданное в июне 1922 г. для «объединения всех родов цензуры», а за ним и Главрепертком (февраль 1923 г.) для контроля над репертуаром театров и радиовещания. После этого в течение более чем шести десятилетий ни одно печатное издание (включая карты, афиши, музыкальные ноты и даже надписи на тортах), ни одна театральная или кинематографическая постановка не могли увидеть свет без одобрения соответствующих инстанций, тесно связанных с ГПУ–НКВД–КГБ. Главлит составлял и списки запрещенных книг и периодических изданий (журналов, газет), отправленных в «спехраны» разной степени доступности, а также правила работы библиотек, типографий, правила книготорговли.

История России и история русской культуры переписываются, отрицаются, замалчиваются военные, политические и культурные достижения прошлого. Показательна оценка русской военной истории, данная в те годы Сталиным: *«История старой России состояла, между прочим, в том, что её непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную»*.

Политика текущего момента, по завету главного марксистского историка Покровского, «опрокидывается в прошлое». Это означает, что память о реальном прошлом должна быть стерта и заменена сказкой на историческую тему, нужной власти в данный момент, а еще лучше жить настоящим и будущим, а не прошлым. Этому служит вакханалия переименований улиц и городов в честь деятелей и явлений большевицкого периода. Новые названия создают впечатление, что прошлого нет, а есть только советское настоящее. Они потом менялись каждые несколько лет, в зависимости от того, кто в фаворе у партии: Гатчина одно время называлась Троцк, Пермь — Молотов, Ижевск — Устинов, Рыбинск — Щербаков, потом Андропов, Оренбург — Чкалов, Юзовка — Сталино (теперь Донецк), не говоря про множество других городов с именами, производными от Сталина.

Большевики пытались изменить представления о семье и морали. «Семья перестала быть необходимой», — провозгласила большевичка Александра Коллонтай. В 1920 г. в РСФСР впервые в мире было разрешено искусственное прекращение беременности. С тех пор широкое распространение аборт (несмотря на временный запрет в 1936 г.) стало характерной чертой «советской цивилизации». В «Азбуке коммунизма» Н. Бухарина и Е. Преображенского было четко сказано: *«Ребёнок принадлежит обществу, в котором он родился, а не своим родителям»*. Один из большевиков так характеризует

воздух времени в 1923 г.: «Родительский авторитет? — нет его. Авторитет религии? — нет его. — Традиции? — нет их.— Моральные чувства? — но старая мораль умерла, а новая ещё не народилась» (Молодая гвардия. 1923. №7).

В 1925 г. ЦК ВКП(б) впервые принимает резолюцию «в области художественной литературы», в которой утверждалось, что партия «безошибочно» распознаёт «общественно-классовое содержание литературных течений». Незадолго перед этим было собрано совещание Московского комитета компартии, специально посвященное проблемам русской интеллигенции, на котором Н. Бухарин заявил: «Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике».

Для пропаганды большевизмской идеологии в 1923 г. открываются журналы Ассоциации пролетарских писателей — «Огонёк», «Леф», «На посту». С того же года выходит ежемесячный журнал «Безбожник у станка», а также газета «Атеист». В 1924 г. создаётся Ассоциация пролетарских музыкантов, выходит первый номер журнала «Большевик», начинают издаваться журналы «Октябрь», «Звезда», «Пионер». В 1925 г. Емельян Ярославский (Губельман) по поручению ЦК ВКП(б) создаёт Союз воинствующих безбожников, выпускающий массовый журнал «Безбожник». Тогда же начинают выходить газеты «Пионерская правда» и «Комсомольская правда», журнал «Новый мир».

Протесты против безвременной гибели и убийств видных деятелей науки и культуры в годы Гражданской войны (**см. 2.2.45**) и желание получить международное дипломатическое признание советского режима побудили Ленина к «гуманному акту» — высылке за границу в октябре и ноябре 1922 г. более 200 видных литераторов, политиков и ученых. Их высылали с семьями, но без денег и без имущества (специально оговаривалось, что высылаемый может взять с собой за границу две пары кальсон, две пары носок, брюки, пиджак, пальто, шляпу, две пары обуви). Всё нажитое высылаемыми большевицкая власть оставляла себе, отказывалась только от интеллекта. Ум был лишним в стране «победившего пролетариата».

Среди высланных — философы Николай Бердяев, прот. Сергей Булгаков, Федор Степун, Борис Вышеславцев, Иван Ильин, Лев Карсавин, Семен Франк, Иван Лапшин, Николай Лосский, Сергей Трубецкой, профессора медицины Борис Бабкин, Дмитрий Крылов, профессор археологии Василий Бардыги, профессор права Александр Боголепов, профессора агрономии Борис Бруцкус, Борис Одинцов, Александр Сигирский, профессор-метеоролог Владимир Палетика, профессор-астрофизик Всеволод Стратонов, профессор экономики Сергей Прокопович, профессор зоологии Михаил Новиков, профессор биологии Александр Угримов, профессора технических наук Владимир Зворыкин, Всеволод Ясинский, профессор химической технологии Сергей Зубашев, профессор статистики, ректор Казанского университета Александр Овчинников, профессор социологии Питирим Сорокин, личный секретарь Льва Толстого Валентин Булгаков, профессор ботаники Валентин Вислоух, профессор математики Дмитрий Селиванов, писатели — Николай

Волковысский, Борис Зайцев, Виктор Ирецкий (Гликман), публицист Аарон (Александр) Изгоев, профессор, психиатр Григорий Трошин, профессора истории Иринарх Стратонов, Александр Кизеветтер, Антоний Флоровский, историк-архивист Александр Изюмов, архитектор Николай Козлов, академик, литературовед Нестор Котляревский, общественные деятели и журналисты Сергей Мельгунов, Борис Харитонов, культуролог Павел Муратов, богослов и церковный историк, протоиерей Георгий Флоровский.

Гибель многих людей культурного русского слоя, уход за границу иных привели к резкому сокращению числа интеллигентных людей и выдвижению на руководящие посты полуграмотных «пролетариев». Свободное знание иностранных языков, например, совершенно естественное для любого гимназиста старой России, в конце 1920-х гг. стало редкостью среди большевицкой «номенклатуры». Резко снизился общий культурный уровень в школах, в государственных учреждениях и на предприятиях. К тому же все эти заведения наполнялись не только назойливым агитпропом по радио и на плакатах, но и нравственно удушливой атмосферой сыска, доносов, подсиживания и периодических «чисток» — то есть проверок, изгнаний и арестов тех, кто казались коммунистическому руководству недостаточно благонадежными.

В наибольшей степени культура как пропаганда ощущалась в 1920-е гг. в большевицком кинематографе. Самый значительный фильм этого времени — фильм Эйзенштейна «Броненосец Потёмкин» (1925 г.) — обнаружил и несомненное дарование молодого режиссера, и очевидную политическую направленность фильма, подминающую под идею факты истории (с еще большей очевидностью эта тенденция проступит в поздних исторических фильмах Эйзенштейна). Агитационный характер поэзии декларируется поэтами «левого фронта» и их наиболее одаренным лидером — Владимиром Маяковским. В поэме «Владимир Ильич Ленин» (1924) Маяковский льстил умершему вождю с той энергией, с какой русская поэзия не позволяла себе этого делать последние полтора столетия.

Историческая справка

Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930) действительно был наделен большим поэтическим даром. Но историческая Россия вызывала у Маяковского только отталкивание: «Я не твой, снеговая уродина» («России», 1916). После некоторых колебаний он отказался защищать родину во время войны с Германией. «Идти на фронт не хочу. Притворился чертежником» (автобиография «Я сам», 1922–1928). Обеспечив свою безопасность (работа чертежника давала «броню»), поэт гневно обличал «буржуазных обывателей»: «Как вам не стыдно о представленных к Георгию вычитать из столбцов газет?!» («Вам!», 1915).

Маяковский с восторгом приветствовал разрушение исторической России: «Смерть двуглавному! Шеищи глав рубите наотмашь! Чтоб больше не ожил» («Революция», 1917). Сразу после захвата власти большевиками он отдал им свой талант: «Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось» («Я сам»). Патриотизм Маяковского («я землю эту люблю», «пою мое отечество» и т.д.) распространяется только на коммунистическое государство. Его «отечество» — это «страна-подросток» (поэма «Хорошо», 1927), которая возникла в 1917 г. и не имеет связи с исторической Россией.

Людей, которые пытаются сохранить хоть какую-то память о дореволюционной жизни — «то царев горшок берегут, то обломанный шкаф с инкрустациями», — Маяковский именует «слизью» («За что боролись?», 1927). Поэт утешает «братишек», удрученных существованием такой «слизи»: «Вы — владыки их душ и тела, с вашей воли встречают восход. Это — очень плевое дело... эту мелочь списать в расход» («списать в расход» — в то время означало «расстрелять»). Революция, по словам Маяковского, терпит «эту мелочь», «рядясь в любезность наносную», пока они «строят нам дома и клозеты и бойцов обучают торгу» (там же).

Произведения Маяковского послеоктябрьского периода содержат восхищение убийством «классовых врагов» или призыв к такому убийству: «Жарь, жги, режь, рушь!» (поэма «150 000 000», 1919–1920); «Хорошо в царя вогнать обойму!» (поэма «Владимир Ильич Ленин», 1924). Насилие должно принять всемирный масштаб: «Крепи у мира на горле пролетариата пальцы!» («Левый марш», 1918). «Мы тебя доконаем, мир-романтик! Вместо вер — в душе электричество, пар... Всех миров богатство прикарманьте! Стар — убивать. На пепельницы черепа!» («150 000 000»). В стихотворении «Владимир Ильич!» (1920) поэт открыто благодарит Ленина за ясное указание, кого убивать: «Теперь не промахнемся мимо. Мы знаем кого — мети! Ноги знают, чьими трупами им идти». Вполне логично поэтому прославление Маяковским тех, кто эти убийства совершал. Поэт указывает юношам, «делать жизнь с кого — с товарища Дзержинского» («Хорошо», 1927); его восхищает «лубянская лапа Чека», которая диктует всем прочим свою волю. В эпоху «великого перелома», когда партия приказала «уничтожить кулачество как класс», Маяковский пишет «Урожайный марш» (1929): «Вредителю мы начисто готовим карачун. Сметем с полей кулачество, сорняк и саранчу». Поэт слагал sentimentальные стихи о слезинке лошади, поскользнувшейся на Кузнецком мосту («Хорошее отношение к лошадям», 1918), но убийство миллионов «вредителей-кулаков» вызывало у него только бодрое оживление.

Маяковский охотно участвовал в глумлении большевиков над Церковью: таковы его сочинения «После изъятий» (1922; имеется в виду изъятие церковных ценностей), «Строки охальные про вакханалии пасхальные», «Не для нас поповские праздники» (1923), «Надо бороться» (1929).

Агитпоэма «Обряды» (1923) была призвана опорочить в сознании народа совершение таинств. Поэт клеветал на святителя Тихона: «Тихон патриарх, прикрывши пузо рясой... ростовщиком над золотыми трясся: «Пускай, мол, мрут, а злата — не отдам!»» Маяковский прибежал к клевете и в других случаях, требующих создать зловещий образ врага. Работая в «Окнах РОСТА», он перекладывал в стихи советские мифы о белых как о насильниках и погромщиках, главное удовольствие которых — издеваться над беззащитными крестьянами. Эти стихи фантастически лживы.

Голод в Поволжье стал для Маяковского поводом проклясть «заморских буржуев», которые на самом деле вели акции помощи голодающим и спасли миллионы от смерти. «Пусть столицы ваши будут выжжены дотла! Пусть из наследников, из наследниц варево варится в коронах-котлах!» («Сволочи!», 1922). По убеждению Маяковского, уничтожить надо не только «классового врага» (белогвардейца, кулака), но и нейтрального «обывателя», «мещанина» — то есть того, кто не стремится добывать старый мир, а хочет просто жить обычной жизнью — устраивать свой быт, растить детей. Таких людей поэт называет «мурлом» и «мразью» («О дряни», 1921). Их вина в том, что они «свили уютные кабинеты и спаленки», у них есть пианино, самовар и канарейка. За это они должны быть стерты с лица земли: «Изобретатель, даешь порошок универсальный, сразу убивающий клопов и обывателей» («Стихи не про дрянь, а про дрянцо...», 1928).

Маяковский настойчиво отвергает идею исторической преемственности, в том числе и преемственности поколений: «Довольно жить законом, данным Адамом и Евой! Клячу историю загоним» («Левый марш», 1918); «А мы — не Корнеля с каким-то Расином — отца, — предложи на старье меняться, — мы и его обольем керосином и в улицы пустим — для иллюминаций» («Той стороне», 1918). Одобрение отцеубийства в контексте его творчества закономерно (ср. призыв убивать стариков в «150 000 000»). Ненависть к таким общечеловеческим ценностям, как семья и уважение к родителям, Маяковский сохранил навсегда: «Я не за семью. В огне и в дыме синем выгори и этого старья кусок, где шипели матери-гусыни и детей стерег отец-гусак!» («Любовь», 1926). Никто так ярко не изобразил менталитет большевика, как это сделал Маяковский. Сталин это понимал и недаром изрек свою известную похвалу в его адрес, сказав в конце 1935 г., что Маяковский был и остаётся лучшим поэтом эпохи (это было напечатано в «Правде» и в «Литературной газете»).

Если не искать желаемое между строк, то ни одно слово Маяковского не подтверждает версию о том, что в последние годы он разочаровался в большевизме. «Товарищ Ленин, я вам докладываю не по службе, а по душе. Товарищ Ленин, работа адовая будет сделана, и делается уже», объявлял он в «Разговоре с товарищем Лениным» (1929 г.). «Я подыму, как большевистский партбилет, все сто томов моих партийных книжек» («Во весь голос», 1930). «Я от партии не отделяю себя», — заявил он на своем

творческом вечере 25 марта 1930 г., за несколько дней до самоубийства, продолжая: «И двадцать лет моей литературной работы — это, главным образом, выражаясь просто, такой литературный мордобой, не в буквальном смысле, а в самом хорошем!»

Новую идеологию пропагандирует и новое художественное искусство: картина М. Грекова «Отряд Буденного» (1923), скульптуры В. Мухиной «Пламя революции» и И. Шадра — «Крестьянин» (1923). Такие произведения, как «Чапаев» Д. Фурманова (1923), романы Ф. Гладкова «Цемент» и А. Фадеева — «Разгром», сборник новелл И. Бабеля «Конармия», пьеса Вс. Иванова «Бронепоезд 14–69», К. Тренева — «Любовь Яровая», фильмы С. Эйзенштейна «Стачка», Пудовкина — «Мать», внедряли в народы России большевицкую идеологию социальной ненависти, богоборчества, идейной нетерпимости, слепого послушания вождям.

Но немало талантливых людей не за страх, а на совесть стали работать на большевиков. Особенно выделялась группа писателей из Одессы — В. Катаев, И. Бабель, В. Каверин, И. Ильф, Е. Петров и др. Прежде всего они, вероятно, соблазнились громадными возможностями, которые им сулил режим — не только материальными (хотя они были немаленькие), но и участием в грандиозном проекте «формовки» нового общества.

Одновременно с необходимостью прославлять новый строй обществу навязывался и запрет на инакомыслие. 2 февраля 1923 г. было издано Постановление Оргбюро ЦК РКП(б) о запрещении публикации критических отзывов о работе партийных органов и ГПУ без ведома партийных комитетов. В том же 1923 г. были внесены поправки в Уголовный кодекс РСФСР. В понятие «контрреволюционное преступление» и «вредительство» включалось теперь не только деяние, но и умысел.

Литература:

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005.

3.1.9. Борьба против религии. Обновленчество

Особым направлением «культурной революции» была борьба против религии.

ДОКУМЕНТ

В своей записке в Политбюро ЦК РКП(б) от 30 марта 1922 г. Троцкий следующим образом формулировал выводы, связанные с работой участников губернских секретных комиссий:

- «1. Провести агиткампанию в самом широком масштабе...
2. Расколоть духовенство.
3. Изъять ценности как следует быть. Если было допущено попустительство, исправить.
4. Расправиться с черносотенными попами.
5. Побудить определиться и открыто выступить против сменовеховских попов. Взять их на учёт. Неофициально поддерживать.
6. Теоретически и политически подготовиться ко второй кампании. Выделить для этого одного партийного «спеца» по делам церкви». — Архивы Кремля. В 2 кн. Кн. 1. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. М.; Новосибирск, 1997. С. 164.

На процессе московского духовенства (см. 2.2.43) было вынесено «частное определение» о привлечении к суду Патриарха Тихона, который был взят под домашний арест в мае 1922 г. Это свидетельствовало о проявлении качественно нового элемента в антицерковной политике большевиков, связанного с замыслом Троцкого вызвать раскол среди православного духовенства и привести к высшей церковной власти тех, кого он называл «сменовеховскими попами».

Под контролем начальника 6-го отделения секретно-оперативного отдела ГПУ Е.А. Тучкова была создана церковно-политическая организация «Живая Церковь» во главе с запрещённым в священнослужении епископом Антонином (Грановским), архиепископом Нижегородским Евдокимом (Мещерским) и клириками Петроградской епархии — протоиереем Александром Введенским и священником Владимиром Красницким. После отказа находившегося под домашним арестом Патриарха Тихона передать высшую церковную власть руководству этой обновленческой организации и арестов двух назначенных Патриархом Патриарших Местоблюстителей — митрополита Петроградского Вениамина Казанского и митрополита Ярославского Агафангела Преображенского, обновленцы объявили о создании своего собственного Высшего Церковного Управления (ВЦУ) во главе с епископом Антонином, которое стало претендовать на возглавление всей Русской Православной Церкви.

Направляя репрессии органов ГПУ против священнослужителей, которые отказывались признать их самозванное ВЦУ, и, получив признание части епископов, среди которых был и митрополит Нижегородский Сергей Страгородский, лидеры обновленцев стали создавать в России параллельную православной церковную иерархию и стали готовить самозванный церковный собор, призванный осуществить нужные большевицкому режиму изменения церковной жизни.

ДОКУМЕНТ

В своей записке, направленной членам Политбюро ЦК РКП(б) 24 мая 1922 г., Троцкий следующим образом определял стратегию антицерковной политики по мере развития в Церкви обновленческого движения: «Внутренняя борьба в церкви приняла широкий характер. После устранения Тихона во главе церкви стала группа из элементов центра (Антонин) и левых (несколько молодых попов). Движение идёт главным образом под знаменем церковного собора. Новое церковное управление может определиться в трёх направлениях:

- 1) сохранение патриаршества и выбор лояльного патриарха;
- 2) уничтожение патриаршества и создание коллегии (лояльного Синода);
- 3) полная децентрализация, отсутствие всякого центрального управления (церковь как идеальная совокупность общин верующих).

Полагаю, что нам пока нет надобности ангажироваться ни в одном из данных направлений (даже неофициально). Гораздо выгоднее, если между тремя этими ориентировками разгорится серьёзная борьба. С этой целью созыв церковного собора лучше оттянуть. Окончательный выбор сделать позже, если вообще понадобится делать выбор.

Централизованная церковь при лояльном и фактически бессильном патриархе имеет известные преимущества... Возможна... такая комбинация, когда часть церкви сохраняет лояльного патриарха, которого не признаёт другая часть церкви, организуемая под знаменем Синода или полной автономии общин». — РЦХИДНИ, 17/3/294/9-10.

Созвав в апреле 1923 г. в захваченном ими за полгода до того московском храме Христа Спасителя свой первый церковный собор, обновленцы «лишили» епископского сана и монашества находившегося под арестом Патриарха Тихона, сформировали для управления церковной жизнью Высший Церковный Совет (ВЦС) из 18 членов под председательством епископа Антонина, возведенного в сан митрополита. ВЦС, впоследствии названный Синодом, объявил ряд реформ.

Некоторые реформы откровенно превращали Церковь в идеологическую марионетку большевицкого режима. Другие решительно меняли весь строй священнослужения и церковной жизни, нарушая, порой, древние установления Православной Церкви.

ДОКУМЕНТ

Основная резолюция собора, принятая на основе доклада главного обновленческого идеолога протоиерея Александра Введенского, в частности, заявляла: «Собор объявляет капитализм смертным грехом, а борьбу

с ним священной для христианина. В Советской власти Собор видит мирового вождя в борьбе за братство, равенство и мир народов. Собор клеймит международную и отечественную контрреволюцию, осуждает её всем своим религиозно-нравственным авторитетом. Собор зовёт каждого честного христианина-гражданина России единым фронтом под предводительством Советского правительства выйти на борьбу с мировым злом, социальной неправдой». — *А. Левитин, В. Шавров. Очерки по истории русской церковной смуты. В 3 т. Institut Glaube in der 2. Welt. CN-8700. Kusnacht, 1978. Т. 2. С. 113*

Обновленческий собор также разрешил рукополагать во епископа женатых священников и вторично вступать в брак овдовевшим священникам и диаконам. Были расширены права контроля «снизу» приходов за делами епархий, в которых эти приходы состоят. Монастыри дозволялись только как исключение, и только в качестве «трудовых коммун» в удаленных от городов местностях. Богослужение переводилось на русский язык и вводился новый чин литургии, составленный епископом Антонином на основании древних литургий Востока — коптской, палестинской, синайской. Литургию было решено совершать на середине храма в окружении молящегося народа.

Надеясь преодолеть сопротивление, которое оказывала обновленцам лишь незначительная часть русского народа, и рассчитывая на дальнейшие репрессии властей по отношению к православному духовенству, обновленцы стремились создать церковную организацию, которая при поддержке большевистского режима должна была занять место Русской Православной Церкви. Обновленцев не признала ни одна из православных церквей. Не признали их и иные христианские исповедания — католики, англикане, древние «дохалкидонские» церкви Востока — армянская, халдейская, коптская. Правительство Великобритании объявило даже на государственном уровне, что разорвет дипломатические отношения с СССР, если Патриарх Тихон не будет освобожден.

Но ожидавший в тюрьме ГПУ на Лубянке показательного суда, сам Патриарх Тихон не знал о широкой международной кампании в защиту его и Русской Православной Церкви и согласился принять условия Антирелигиозной комиссии ЦК РКП(б), при выполнении которых Верховный суд РСФСР должен был освободить его из-под стражи.

ДОКУМЕНТ

27 июня 1923 г. в газете «Известия» было опубликовано заявление св. Патриарха Тихона в Верховный суд: «Обращаясь с настоящим заявлением в Верховный Суд РСФСР, я считаю необходимым по долгу своей

пастырской совести заявить следующее. Будучи воспитанным в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен по отношению к Советской власти враждебно, причем, враждебность из пассивного состояния временами переходила в активные действия, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 году, анафематствование в том же году власти и, наконец, возражение против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 году. Все мои антисоветские действия, за немногими неточностями, изложены в обвинительном заключении Верховного Суда. Признавая правильность решения Суда о привлечении меня к ответственности по указанным в обвинительном заключении статьям Уголовного Кодекса за антисоветскую деятельность, я раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный Суд изменить мне меру пресечения, т.е. освободить меня из-под стражи». — Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. М., 1994. С. 280–281.

27 июня 1923 г. Патриарх Тихон был освобождён из Лубянской тюрьмы, сопроводив, согласно преданию, своё «освобождение» трагическими словами: *«Пусть имя моё погибнет для истории, лишь бы Церковь была жива»*. С этого дня и до конца своего Патриарх Тихон жил в келье Донского монастыря, где до этого в течение почти целого года находился под домашним арестом, тем самым обозначая своё новое положение как Патриарха, находившегося в заточении, хотя после снятия ареста ему и разрешались иногда поездки, например, в Сергиев Посад.

Возвращение св. Патриарха Тихона к руководству Русской Православной Церковью не только усилило влияние сохранявшей ему верность значительной части церковной иерархии, но и обусловило возвращение под его омофор большого количества духовенства, признавшего было власть обновленцев (среди них и будущего Патриарха Сергия Страгородского). Обновленческая церковь с этого времени вошла в состояние разложения, которое через 20 лет привело её к полному исчезновению.

Однако вынужденный «временно» допустить в порабощённой им стране существование Русской Православной Церкви большевицкий режим стал предъявлять Патриарху Тихону новые требования, при исполнении которых деятельность Церкви в лице её высшего и епархиального управлений могла получить в СССР легальный статус, а церковные гонения, якобы, могли быть ограничены. Продолжавшиеся до самой кончины Патриарха переговоры святейшего Тихона и его ближайших советников архиепископа Иллариона Троицкого, а после его ареста осенью 1923 г. митрополита Петра Полянского с главным чекистским «куратором» Церкви Е.А. Тучковым предпола-

гали, прежде всего, следующие условия легализации Русской Православной Церкви:

- 1) Периодические выступления Патриарха с заявлениями о лояльности Церкви советскому государству;
- 2) Объединение хотя бы с одной из обновленческих группировок;
- 3) Осуждение вплоть до запрещения в священнослужении русских православных епископов, находившихся в политической эмиграции;
- 4) Предварительное согласование всех епископских назначений с ГПУ.

Патриарх Тихон соглашался лишь частично выполнять навязывавшиеся ему условия легализации. Он неоднократно выступал с посланиями, в которых подчёркивал свою лояльность советскому государству (послания от 28 июня 1923 г.; от 1 июля 1923 г.; от 7 апреля 1925 г.). В марте 1924 г. Патриарх Тихон вступил в переговоры с возглавлявшейся священником В. Красницким «Живой Церковью», но после требования православных епископов, высказанного ему митрополитом Казанским Кириллом Смирновым, прекратил эти переговоры. Периодически критикуя находившихся в эмиграции русских епископов за их политические заявления, делавшиеся от имени всей Русской Православной Церкви, Патриарх Тихон отказывался подвергать их запрещению в священнослужении. Наконец, требование допустить вмешательство ГПУ в систему назначения епископов св. Патриарх Тихон всегда категорически отвергал как канонически и морально неприемлемое.

Отказ предстоятеля Русской Православной Церкви выполнять большую часть требований большевицкого режима вызывал на него постоянно усиливавшееся давление большевицких властей, самым жестоким проявлением которого стало покушение на жизнь Патриарха 9 декабря (ст. стиля) 1924 г. Не исключавший возможность очередного ареста или иной внесудебной расправы над собой Патриарх Тихон во исполнение решения Поместного Собора сделал 7 января 1924 г. распоряжение о назначении в случае своей кончины Патриаршего Местоблюстителя.

Историческая справка

Покушение на жизнь Патриарха Тихона.

Вечером 9 декабря 1924 г. в покои Патриарха в Донском монастыре ворвались двое, выстрелили в него, но попали в келейника Патриарха Якова Сергеевича Полозова, который от раны вскоре скончался. Патриарх бросился за убийцами, но они убежали, по пути схватив шубу в прихожей, имитируя налет с целью грабежа. Патриарх настоял, чтобы его убитый келейник был похоронен на кладбище Донского монастыря. Восемь епископов и сонм духовенства совершали заупокойную литургию перед погребением Якова Полозова — самого близкого к Патриарху в последние годы его жизни человека.

7 апреля 1925 г., при обстоятельствах, позволяющих подозревать руку ОГПУ, Патриарх Тихон скоропостижно скончался в одной из московских больниц, войдя в историю Русской Православной Церкви как архиерей, стремившийся являть неисчерпаемую любовь в эпоху безграничной ненависти, умевший идти на уступки гонителям Церкви, но не переходивший грани между политическим компромиссом и церковным отступничеством. Ко времени смерти Патриарха Тихона в тюрьмах и в ссылке находилось 66 архиереев — почти половина русского епископата.

Воспоминания очевидца:

«После Каменного моста стали попадаться группы людей, идущих к Донскому. Чем ближе к монастырю, тем эти группы все разрастались, и по громадной Донской улице уже непрерывно двигались толпы. Здесь вереницы экипажей и автомобилей медленно двигалась среди молчаливого людского потока. Я воспользовался тем, что передо мною шла депутация католического духовенства, и без труда проник в древний и торжественный Донской собор. Казалось, совершалось вечно торжество Церкви. В свете бесчисленных свечей на высоком пьедестале посреди собора стоял утопающий в венках и цветах гроб. У него двенадцать иподиаконов-юношей держали свечи. Царские врата были отворены, и на престоле сияли свечи. Люди непрерывной лентой огибали гроб, кланялись и исчезали в темноте дверей, чтобы дать место новому людскому молчаливо-торжественному морю. У гроба непрерывно служились панихиды, и скорбно пели все молящиеся заукойные песнопения.

Я был горько поражен смертью Патриарха. Я не только жалел о Святейшем как о человеке и деятеле Церкви, но ясно сознавал те невзгоды, которые готовились верующим с его уходом в иной мир. Но, глядя на его последнее торжество, я ощутил трепетную радость прославления его как святого. Святые познаются по их кончине, и великая любовь к покойному Патриарху, которая охватила всех православных, как бы вскрыла тайны неба и указала им на светлый путь покойного святителя Церкви...

Богослужение шло чинно и благоговейно, но толпа ждала необычайного. Ждали чуда, победы Православия, и это чудо свершилось. После Херувимской ко мне подошел пожилой рабочий и попросил от имени московских и серпуховских рабочих разрешения поклониться праху Святейшего. Я тотчас передал просьбу рабочих Е.Г., и он послал меня звать их.

Когда я вышел на папёрть храма, я увидел переполненное Донское кладбище. Народ стоял у могил и на могилах, народ заполнял все тропинки и дорожки, народ виднелся у ворот и волнами колыхался на громадной Донской площади. Среди народа епископы и пресвитеры служили панихиды о Патриархе, и слова заукойных молитв сливались с золотом весенних лучей и яркой лазурью ясного неба. И когда вереницей двинулись депутации рабочих поклониться в последний раз Святейшему Патриарху, раздалась траурные гудки заводов.

Эти траурные призыва тех, именем которых расколота Церковь, всколыхнули православных. И в этот чудесный час познали русские люди, что вся Русь хоронит своего Патриарха». — Записки священника Сергия Сидорова. М.: ПСТБИ, 1999. С. 54–59.

Литература:

Политбюро и Церковь. Архивы Кремля. В 2 кн. Кн. 1. 1922–1925 гг. / Под ред. Н.Н. Покровского и С.Г. Петрова. М.; Новосибирск, 1997.

Русская Церковь, XX век. Кн. 1. Материалы конференции. История Русской Православной Церкви в XX веке (1917–1933 гг.). Мюнхен, 2002.

А. Левитин, В. Шафров. Очерки по истории русской церковной смуты. В 3 т. Kuspacht, 1978.

3.1.10. Отношение большевицкой власти к национальным культурным ценностям России в годы НЭПа

Судьбу культурных ценностей в революционной России, затем в СССР нельзя рассматривать однозначно. Несомненно, разрушительные тенденции с конца 1917 г. явились преобладающими, особенно — в рамках борьбы большевиков с религией и ее служителями, с ведущим слоем старой России. И в том, и в другом случаях бесчисленны проявления бессмысленной жесткости к произведениям культуры и искусства со стороны большевицкой власти.

Из воспоминаний Владимира Маяковского хорошо известна, например, история библиотеки Александра Блока в Шахматово. Об этом он писал в некрологе поэту в 1921 г., затем — в знаменитой поэме «Хорошо», посвященной десятилетию революции:

«И сразу
лицо
скупее менял,
мрачнее, чем смерть на свадьбе:
«Пишут...
из деревни...
сожгли...
у меня...
библиотеку в усадьбе»»

И для В.В. Маяковского, и для советского школьного курса поведение А.А. Блока служило ярким примером недооценки необходимого этапа всеобщего разрушения... (ныне Шахматово по мере сил восстановлено и функционирует как музей). В итоге основная часть загородных усадеб и дворцовых ансамблей России безвозвратно погибла и до нашего времени сохранилась ничтожная доля замечательного наследия этой культуры. Среди них — пригороды Петербурга и Пушкинские горы (разрушенные позднее во Вторую мировую войну), Архангельское, Абрамцево, Куское, Останкино...

Столь же целенаправленным и еще более зверским — по крайней мере по размаху истребления — было уничтожение имущества и наследия Церкви. Протестуя против действий новых властей, Св. Синод издает в 1917–1918 гг. несколько определений, новоизбранный Патриарх Тихон обращается с серией посланий; в одном, датированном 2 февраля 1918 г., говорится следующее: «...святые храмы подвергаются... ограблению и кощунственному оскорблению...; чтимые верующим народом обители святые... захватываются безбожными властителями тьмы века сего... Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это — народное достояние...»

Несмотря на волну возмущения, процесс закрытий, изъятий и уничтожения ценностей мировой культуры, связанных со сферой религии, лишь нарастал по указанию ЦК ВКП(б). В Москве создается специальный трест по разборке древних зданий. Ставится вопрос о сносе храма Василия Блаженного на Красной площади. При строительстве электростанций затоплено множество древних храмов и монастырей (напр. Макарьевский монастырь в Калязине на Волге). К 1930 г. на территории СССР не осталось ни одного действующего монастыря; множество храмов — нередко лучших — уничтожено. В архивах и музейных фондах сохранились свидетельства очевидцев и активные документы об изъятиях и передаче в музеи церковных древностей и драгоценностей. Но намного больше переданного в музеи было перелито на металл или продано с молотка на международных аукционах. В этой трагической обстановке удалось уберечь основную часть ризниц и хранилищ («рухлядных») лишь крупнейших монастырей — Троице-Сергиева и Кирилло-Белозерского. Но большинство монастырских сокровищ исчезло безвозвратно. Больше повезло рукописным коллекциям, распределенным по библиотекам. Но и здесь были ужасные потери. Так, например, знаменитый Синайский кодекс — древнейший в мире сохранившийся свод Нового Завета (IV в.), подаренный настоятелем монастыря св. Екатерины на Синае русскому Царю, — был продан в Британскую библиотеку за 100 тыс. фунтов стерлингов (ок. 0,5 млн долл.)

Одновременно с этим активно действует образованная в 1918 г. Комиссия по сохранению и раскрытию памятников древней живописи, в 1924 г. преобразованная в Центральные государственные реставрационные мастерские во главе с И.Э. Грабарем. Интересы и того и другого учреждений не ограничивались, естественно, древнерусским искусством. В поле зрения ученых и реставраторов попадает множество произведений западноевропейского и восточного искусства из «национализированных» имений и коллекций. Часть награбленного большевиками удается спасти и передать музеям, которые, начиная с 1918 г., организуют многочисленные экспедиции по поиску и сбору памятников. Но это было уже противодействие культурного меньшинства вакханалии уничтожения национальной культуры большевиками.

Историческая справка

В конце 1918 — первой половине 1919 г. была раскрыта от поздних записей **«Богоматерь Владимирская»** начала XII в. Привезенная из Константинополя, она стала главнейшей святыней Владимирского и Московского княжеств, затем Российской Империи. Ее открытие, сияющие сохранившиеся участки древнейшей живописи произвели на современников ошеломляющее впечатление. Увидевший икону в 1924 г. М.А. Волошин посвящает ей особое стихотворение, так и названное — «Владимирская Богоматерь»:

«Не на троне — на Ее руке,
Левой ручкой обнимая шею, —
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Не мое —
Нет ни сил, ни слов на языке...»

И далее вновь — символизация акта явления, вполне осознаваемого в своей трагичности:

«А когда кумашные помосты
Подняли перед церквами крик, —
Из-под риз и набожной коросты
Ты явила подлинный свой Лик.
Светлый Лик Премудрости-Софии...»

В те же годы были открыты еще многие шедевры раннего времени. К 1927 г. было организовано три реставрационные выставки. Наряду с произведениями древнерусского искусства на них экспонировались творения европейских мастеров. В 1926 г. Игорь Эммануилович Грабарь издает свою самую известную работу «Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ 1918–1925 гг.». Появляется множество статей и сборников, посвященных вновь открытым шедеврам зарубежного искусства.

Но одновременно меняется идеологическая основа отношения к культурному наследию. Экспозиции музеев приобретают заостренно антирелигиозное содержание, вводятся особые атеистические разделы. Появляются и специализированные музеи. В Москве их было два — в Донском и Страстном монастырях. Позднее оба были переведены в Ленинград, в отнятый у верующих Казанский собор.

Успехи в области музейного строительства, реставрационной и выставочной деятельности, в научном осмыслении культурного наследия соседствуют в годы НЭПа с вульгарно-социологическими оценками искусства прошлого и разрушительными тенденциями по отношению к настоящему. Одна из характерных примет послереволюционного времени — распродажа «излиш-

него», ненужного в будущем раю социализма. Продавалось буквально все: мебель и посуда, библиотеки из усадеб и дворцов, включая Зимний дворец и пригородные царские резиденции — Царское Село, Петергоф, Ораниенбаум, Гатчину. Хаотичность распродаж первых лет сменилась более организованной и корректной внешне системой выставок-продаж, аукционов и т.п. Так, в 1924 г. в Нью-Йорке состоялась распродажа картин В.Д. Поленова из цикла «Жизнь Христа», лучшего в творчестве художника. Акция осуществлялась без ведома автора, и ни одного доллара голодавший художник от государства за это не получил. Всё пошло в большевицкую казну. Характерным для времени было то, что отвечал за успех мероприятия тот же Грабарь.

Гатчинский дворец был распродан полностью в среднем по 4 доллара за экспонат в начале 1930-х гг. Так веками собиравшиеся и создававшиеся в России художественные сокровища открылись не простому народу, как это обещали большевики, а или были уничтожены, или пополнили коллекции музеев и богатых любителей антиквариата в Европе, Америке, Азии. Трудовому народу России от сокровищ своей страны досталось ничтожно мало. Большевики, ограбив Россию, обогатили весь остальной мир, да и самих себя не забыли.

Свидетельство очевидца

Описывая события декабря 1928 г., князь Феликс Юсупов рассказывает: «В Берлине, в галерее Лемке, Советы организовали продажу произведений искусства. В иллюстрированном каталоге я узнал некоторые наши вещи. Обратился я к адвокату мэтру Вангеманну и просил его предупредить судебные власти и приостановить продажу до разбирательства дела в суде. Другие русские эмигранты, оказавшиеся в подобном положении, приехали также в Берлин и присоединились ко мне. Со мной случился буквально шок, когда увидел я мебель, картины и редкостные вещицы из матушкиной гостиной нашего дома в Санкт-Петербурге. В день торгов полиция вошла в зал и конфисковала все указанные нами предметы, что вызвало некоторую панику и у покупателей, и у продавцов. Мы не сомневались, что собственность нашу нам возвратят. Мэтр Вангеманн не сомневался так же, ибо по немецким законам всякая собственность, краденная или взятая насильно и продаваемая в Германии, подлежит возвращению владельцу вне зависимости от политической ситуации в стране. Но, со своей стороны, большевики заявляли, что декретом от 22 ноября 1919 г. советское правительство силой своих полномочий конфисковало всё имущество эмигрировавших и немецкие власти не вправе вмешиваться. Увы, большевики выиграли дело». — *Князь Феликс Юсупов*. Мемуары в двух книгах: Пер. с фр. М.: Захаров и Вагриус, 1998. С. 359.

Литература:

И. Грабарь. О древнерусском искусстве: Сб. статей. М., 1966.

3.1.11. Репрессивный аппарат ВЧК–ОГПУ. Тюрьмы и лагеря

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ВЧК) при Совнарком РСФСР занимала исключительное положение. Созданная с целью ликвидации антибольшевистского сопротивления, ВЧК быстро превратилась в карательный орган партии, репрессировавший открытых и потенциальных противников большевистской власти, обеспечивавший политический контроль над населением. Стремительно рос центральный аппарат ВЧК–ОГПУ: 25 сотрудников (декабрь 1917), 779 (сентябрь 1918), 1648 (январь 1921), 2735 (январь 1922), 21 870 (сентябрь 1924). К концу 1920 г. на территории России действовали 86 областных и республиканских, 508 уездных ЧК, 16 Особых отделов. По оценкам ведомственных специалистов ФСБ РФ в 1918–1920 гг. органы ЧК расстреляли от 50 до 100 тыс. человек, преимущественно из представителей «имущих классов». Действительные цифры, скорее всего, раз в десять выше — слишком много расстрельных списков от этих лет не сохранилось, а много где убивали и вовсе без «бюрократического оформления».

Постановлением ВЦИК 6 февраля 1922 г. ВЧК была реорганизована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. ВЦИК наделил ГПУ не только правами дознания и следствия, но и правом применения внесудебных репрессий — высылки и заключения в лагерь. После образования Союза ССР на базе ГПУ 15 ноября 1923 г. возникло Объединенное ГПУ (ОГПУ) при Совнарком СССР. Назначения на руководящие должности осуществлялись Политбюро. Председателем ОГПУ остался Ф.Э. Дзержинский, его 1-м заместителем стал В.Р. Менжинский, 2-м — Г.Г. Ягода. 28 марта 1924 г. ЦИК СССР учредил Особое совещание (ОСО) при ОГПУ для осуществления высылки, ссылок и заключения в концлагерь сроком до трех лет. Общий уровень образования чекистов оставался низким — сам Дзержинский среди итоговых оценок за 7 классов гимназии имел «тройки» и две «двойки». В начале 1920-х гг. лишь 1% чекистов имел высшее образование, а 57% довольствовались начальным. Средняя зарплата чекистов в 1927 г. равнялась 130–160 руб. После смерти Дзержинского председателем ОГПУ 3 августа 1926 г. был назначен Менжинский, которого из-за болезни часто замещал Ягода.

Историческая справка

Феликс Эдмундович Дзержинский родился в 1877 г. в семье небогатого польского помещика. Россию и русских он ненавидел с детства и вспоминал в 1922 г.: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей». В молодости Дзержинский собирался стать священником и вступить в орден иезуитов, но вместо этого в 1895 г. вошел в Литовскую

социал-демократическую организацию, а в 1900-м — в Социал-демократию Королевства Польского и Литвы. В 1896 г. бросил гимназию и стал профессиональным революционером. В 1900 г. был арестован и выслан в январе 1902 г. на 5 лет в Виллюйск, но по пути бежал и эмигрировал. Во время Русско-японской войны организовывал в Польше бунты и диверсии. Активно участвовал в военно-революционной организации РСДРП во время революции 1905–1907 гг. За свою антигосударственную деятельность в общей сложности провел на каторге и в ссылке 11 лет.

Февральская революция освободила Дзержинского из Бутырской тюрьмы в Москве. Он сразу вступил в партию большевиков (причем партийный стаж ему засчитали с 1895 г.) и выдвинулся в ее первый ряд. Осенью 1917 г. вошел в ВРК по руководству вооружённым восстанием. Во время октябрьского переворота руководил связью Смольного с красными отрядами, осуществил захват Главного почтамта и телеграфа. Стал членом Президиума ВЦИК, а в декабре 1917 г., по предложению Ленина, был назначен председателем ВЧК.

Именно эта должность заслуженно принесла Дзержинскому славу одной из самых одиозных фигур большевизмской партии и советского режима. Он бессменно оставался во главе органов государственной безопасности ВЧК, с 1922-го — ГПУ, ОГПУ до самой смерти. Дзержинский — один из главных организаторов «Красного террора». Он создал небывалую систему подавления политических противников и устрашения населения, включавшую пытки, массовые захваты и казни заложников. По воспоминаниям английского дипломата Б. Локкарта, глубоко посаженные глаза Дзержинского «горели холодным огнем фанатизма. Он никогда не моргал. Его веки казались парализованными». Демагогическая фраза «чекистом может быть человек с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками» впоследствии широко использовалась советской пропагандой для романтизации образа «стража революции».

Во время Гражданской войны председатель ВЧК неоднократно направлялся на различные фронты, где кровавыми методами восстанавливал дисциплину. С 1921 г. Дзержинский — председатель Комиссии по улучшению жизни детей при ВЦИК, которая занималась ликвидацией детской беспризорности. В этом назначении был особый цинизм, так как именно ЧК своими бесконечными убийствами порождала толпы беспризорников. В 1921 г., оставаясь на посту председателя ВЧК, Дзержинский был одновременно назначен наркомом путей сообщения, а в 1924-м — председателем ВСНХ СССР.

После начала Кронштадтского восстания Дзержинский немедленно обвинил его участников в том, что они действуют по заданию иностранных разведок, что заведомо не соответствовало действительности. В 1922 г. заявил, что теперь «нужно особенно зорко присматриваться к антисоветским течениям и группировкам, сокрушить внутреннюю контрреволюцию,

раскрыть все заговоры низверженных помещиков, капиталистов и их прихвостней». Он положил начало традиции большевистских органов госбезопасности — всюду искать иностранные заговоры и шпионаж. После смерти Ленина Дзержинский возглавил комиссию по организации его похорон, настоял на бальзамировании его тела. Он сам был похоронен у Кремлевской стены. В годы правления Сталина была создана легенда о кристально честном, гуманном, романтичном «Железном Феликсе», «рыцаре революции». Лишь с 1988 г. стали появляться публикации, открывающие правду об этой страшной личности. В 1991 г. москвичи снесли памятник Дзержинскому на Лубянке — это стало символом конца коммунистического режима в СССР.

Общий штат органов ОГПУ в 1922–1923 гг., включая сотрудников центрального и местных аппаратов, составлял около 120 тыс. человек. 36 тыс. из них были сексотами (секретными сотрудниками), численность которых в четыре-пять раз превышала число сексотов в России в 1914 г. В структуру ОГПУ входили Коллегия, Спецотдел, несколько центральных управлений (Секретно-оперативное, погранохраны и др.), ОСО, территориальные отделы — губернские, областные, Особые (в армии и на флоте), транспортные, полномочные представительства и другие подразделения. Задачи ОГПУ остались прежними: борьба с антибольшевицким сопротивлением и защита власти партийной номенклатуры, цензура, контрразведывательная деятельность, охрана транспорта, коммуникаций и госграницы, выполнение спецзаданий высших советских и партийных органов. К 1929 г. 66% сотрудников центрального аппарата ОГПУ состояли в ВКП(б), среднее и высшее образование имели лишь 20%. По национальному составу по-прежнему преобладали русские (64,8%) и украинцы (8,2%).

Смысл существования органов госбезопасности в советском государстве лаконично выразил М.Я. Лацис: «Нет такой области жизни, на которую бы не распространялась деятельность ВЧК». Расширявшаяся сеть сексотов, подавление любой оппозиции, превентивные аресты и постоянное «изъятие антисоветского элемента» даже в «либеральные» годы НЭПа позволяли ОГПУ сохранять и укреплять «политконтроль». В 1924–1925 гг. начальник Секретного отдела Т.Д. Дерибас считал необходимым держать под постоянным наблюдением более 2 млн (!) человек. Аппарат ОГПУ отрицательно относился к НЭПу, добиваясь ужесточения репрессий, в первую очередь против интеллигенции, духовенства и зажиточных крестьян. В ходе оперативно-следственных мероприятий чекисты обычно практиковали шантаж, запугивание и другие формы давления. В 1924 г. органы ОГПУ репрессировали по политическим мотивам 12 425 человек, в 1926 — 17 804, в 1927 — 26 036, в 1929 — 33 757. Всего в 1921–1929 гг. в СССР за «контрреволюционные преступления» были осуждены около 600 тыс. человек.

К 1923 г. почти все места заключения находились в ведении НКВД РСФСР, органы ГПУ имели лишь несколько политизоляторов и лагерное управление (северных лагерей). На его базе 13 октября 1923 г. решением Совнаркома было создано Управление Соловецкого лагеря принудительных работ особого назначения (УСЛОН) ОГПУ. География УСЛОН охватывала Соловецкие острова и Кемь (ближайший к Соловецкому архипелагу город на материке), затем она распространилась на Северное Приуралье и Кольский полуостров. Всего в 1923 г. в системе ОГПУ находились около 7 тысяч заключенных, в т. ч. в УСЛОНе — 2557 человек. В места заключения в системе ОГПУ направлялись «политические преступники» и опасные рецидивисты. В обыкновенных тюрьмах к этому времени содержалось около 80 тыс. человек.

Режим содержания неуклонно ужесточался. УСЛОН, в котором к октябрю 1927 г. содержались уже 12 896 человек, превратился в экспериментальный полигон. Здесь большевики не только совершенствовали методику организации концлагерей и технологию принудительного труда, но и уничтожали своих политических противников. На Соловках сидели и погибали клирики Русской Православной Церкви, офицеры и участники Белого движения, скаут-мастера и члены оппозиционных партий, предприниматели, спортсмены, реэмигранты, староверы, сектанты, уголовники и др. Начальниками УСЛОН в 1923–1933 гг. были А.П. Ногтев, Ф.И. Эйхманс, А.А. Иванченко, К.Я. Дукис, Э.И. Сенкевич. Максимальной численности заключенных (71 800, в т. ч. 3240 женщин) УСЛОН достиг к январю 1931 г. В 1933 г. на базе УСЛОН возник Беломоро-Балтийский лагерь.

Благодаря средоточию там культурной элиты — профессуры, социалистических деятелей, высшего духовенства, Соловки вошли в историю, и такие их отделения, как привилегированный Савватеевский скит или страшный остров Анзер, откуда не было возврата, стали легендарными. Немногие с Соловков вышли живыми, но «лишь на Колыме и в Соловках / Россия та, что будет жить в веках», — писал поэт Георгий Иванов.

Свидетельство очевидца

«Секирная гора (Анзера)... для тех, кто сидел на Соловках, не было страшнее слова. Именно там, в церкви на Секирной горе, достойные выученики Дзержинского изобретательно применяли целую гамму пыток и изощренных мучительств, начиная от «жердочки» — тоненькой перекладки, на которой надо было сидеть сутками, удерживая равновесие, без сна и без пищи под страхом зверского избияния, до спуска связанного истязуемого по обледелым каменным ступеням стометровой лестницы: внизу подбирали искалеченные тела, с перебитыми костями и проломленной головой. Массовые расстрелы также устраивались на Секирной». — О.В. Волков. Погружение во тьму. С. 81.

В 1925 г. все политизоляторы (Верхнеуральский, Суздальский, Тобольский, Челябинский и Ярославский) были подчинены Тюремному отделу Административно-организационного управления ОГПУ. На фоне готовившегося сталинского наступления на крестьянство численность заключенных в СССР возросла, составив в 1927 г. 200 тыс. человек. В лагерях ОГПУ по состоянию на 1 июля 1929 г. находились 22 848 человек, на 1 января 1930 г. — 95 064 человека, а к 1 июня 1930 г. — 155 тыс.

19 декабря 1926 г. Высший совет народного хозяйства принял постановление «Об использовании на лесозаготовках труда заключенных». Заготовленный новыми рабами лес Кремль продает за границу и вырученную валюту вкладывает в создание военно-промышленного комплекса. 11 июля 1929 г. Совнарком принял решение о создании сети лагерей в отдаленных районах для «эксплуатации их природных богатств». Зимой 1930 г. в СССР насчитывалось уже более 400 тыс. заключенных.

В это время началась трансформация лагерей ОГПУ в крупнейший хозяйственный наркомат СССР. Именно тогда появляются распоряжения чекистских органов «доарестовать» столько-то представителей такой-то профессии для нужд лагерного комплекса.

Литература:

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник / Сост. М.Б. Смирнов; Ред. Н.Г. Охотин, А.Б. Рогинский. М., 1998.

А.Л. Литвин. Красный и белый террор в России, 1918–1922. М., 2004.

А.М. Плеханов. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики 1921–1928. М., 2006.

В.С. Измозик. Глаза и уши режима. Государственный политический контроль за населением Советской России в 1918–1928 годах. СПб., 1995.

И.Л. Солоневич. Россия в концлагере. М.: Римис, 2005. 536 с.

3.1.12. Русское общество в 1923–1928 гг. в России

Никогда ещё за всю свою тысячелетнюю историю русское общество не было столь подавлено и деморализовано, как в середине 1920-х гг. Как бы ни были тяжелы испытания монгольского ига или Смуты начала XVII в., они не переламывали хребет русской государственности, русских традиций и русского быта, так, как это произошло за несколько лет после октябрьского переворота. Приход к власти вчера еще никому не известных Ленина, Троцкого, Каменева, Зиновьева, Сталина, переименование городов и улиц с исконно русскими названиями, введение новых должностей (нарком, комдив и пр.) и упразднение прежних, жесточайший удар по религии вообще и, прежде всего, по Русской Православной Церкви, гибель или разлука (надолго или навсегда) с родными и близкими, чудовищный городской быт коммунальных квартир и необходимость к нему приспособляться — всё это превращало

жизнь в кошмарный сон. Для сотен тысяч учителей, врачей, инженеров, писателей, земских деятелей, ученых вставал во всей неотвратимости вопрос о том, как существовать при победившем строе, при том, что возможность его свержения или перерождения откладывается на неопределенный срок.

Представим себе типичных русских интеллигентов, изображенных Чеховым в его пьесах. Дяде Ване и Гаеву в середине 1920-х гг. было бы лет 70, Вершинину из «Трех сестер» — 60 с небольшим. Чем кормить семью в новых условиях и не позавидовать ли судьбе барона Тузенбаха, убитого в честной дуэли и не думающего о том, как защитить жену или дочерей от изнасилования, издевательств, эпидемий, голода и холода.

Переименование Петрограда в Ленинград (1924) и Царицына в Сталинград (1925) оскорбляло национальное достоинство русских людей. Характерно суждение одного из идеологов той поры: «Термины «русская литература», «история русской литературы» не лишены *еще* прав гражданства в обиходе школьных программ, методических пособий и учебников».

Однако и в эти годы создавались в России произведения, не только отвечающие на запросы не утративших нравственное чувство современников, но и ставшие вкладом в сокровищницу культуры. Поздняя лирика Есенина, чья безвременная смерть в 1925 г. потрясла читающую и мыслящую Россию, проза С. Клычкова, произведения Михаила Булгакова, рассказы Михаила Зощенко, романы Андрея Платонова, поэзия Максимилиана Волошина, Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Осипа Мандельштама, «Повесть непогашенной луны» Б. Пильняка свидетельствовали о том, что жива и свободна, несмотря на все репрессии и бедствия, творческая душа русского народа.

В 1920-е гг. русский театр увидел последние шедевры режиссёрского гения Станиславского: «Горячее сердце» Островского (1926) и «Безумный день, или Женитьба Фигаро» (1927); эксперименты режиссёра Мейерхольда — «Ревизор» Гоголя и «Горе уму» по Грибоедову, а также полный мистических глубин, иррациональный образ Гамлета в исполнении Михаила Чехова. Дерзновенный одним своим заглавием, роман Михаила Булгакова «Белая гвардия» и рождённая на его основе пьеса «Дни Турбиных», поставленная во МХАТе в 1926 г., вызывали благодарные слёзы у тех, кто оплакивал судьбу России, и злобную ненависть завистливых врагов.

Чуть раздвинулись рамки цензуры при переходе от военного коммунизма к НЭПу, только стали выдаваться разрешения на создание частных издательств — и тут же в середине 20-х годов появились шедевры искусства и гуманитарной науки, и ныне вызывающее благодарный отклик у читателей и исследователей. Стоит отметить несомненные достижения отечественного литературоведения, работы Б. Томашевского и В. Жирмунского в области изучения русского стихосложения, метрики и ритмики, рифмы и теории литературы. Труды М. Бахтина («Проблемы творчества Достоевского»), Ю. Тынянова («Архаисты и новаторы»), а также В. Проппа, В. Виноградова были принципиально чужды пролетарской идеологии. Выдающимся памятником

этой эпохи является книга А.Ф. Лосева «Философия имени», читая которую думаешь, что она напечатана в эмиграции, в Париже или в Берлине, а не в СССР. Все эти произведения свободного духа художников и мыслителей создавались не благодаря, а вопреки новому коммунистическому порядку, в бессознательном, а часто и вполне сознательном противлении ему.

Гражданская война отнюдь не закончилась в сфере мысли, свидетельством чему являлись и действовавший в течение 1920-х гг. в Москве богословский кружок, в центре которого был философ А.Ф. Лосев, и существовавшее в Петрограде «Братство святого Серафима Саровского» во главе с одним из немногих невысланных русских философов Сергеем Алексеевичем Аскольдовым (1871–1945). В это братство входил будущий выдающийся литературовед Д.С. Лихачёв, попавший за участие в нём на Соловки.

Некоторая свобода творчества до конца 1920-х гг. всё же сохранялась. Юмористы Ильф и Петров вложили в уста своему герою характерные для эпохи задиристые слова: «Советская власть хочет строить социализм, а я социализма строить не желаю!» Но с каждым годом такой свободы становилось всё меньше. При всем беспримерном сопротивлении некоторых деятелей культуры тлетворному духу большевицкого режима побеждала в борьбе за умы и сердца людей агрессивная идеология, поддерживаемая всей силой государственного аппарата. Лирика Ахматовой и повести Булгакова становились чтением немногих, замещаясь в сознании современников скульптурой Шадра «Бульжник — орудие пролетариата» и романом Николая Островского «Как закалялась сталь».

В конце Гражданской войны и в первые годы НЭПа в народе и образованном обществе резко повышается интерес к вере. Сводки ОГПУ полны сообщениями о собраниях, часто многотысячных, в местах, где «обновляются» (т.е. сами собой чудесным образом очищаются от копоти и ржавчины) иконы, храмы и кресты. Многочисленны сообщения о явлениях Богородицы и святых (Серафима Саровского, князей Бориса и Глеба) с призывами к покаянию и усиленной молитве. Немало случаев выхода из комсомола и возвращения в церковь молодых людей. Некоторые комсомольцы принимают в эти годы священный сан. После 1925 г., видимо, когда память об ужасах голодомора и военного коммунизма немного затихает, а НЭП вступает в полную свою силу, эти тенденции идут на убыль (они вновь усилятся в 1930-е гг.)

Свидетельство очевидца

«1923 г. был годом, когда прокатилась целая полоса великих чудес, которыми испытывались окончательно сердца людей. Я видел, как, один за другим, комсомольцы уходят из комсомола и становятся в ряды самых горячих верующих. Многие из них, никогда не певшие в церковном хоре, но певшие в кружках хат-читален, бросали последние и шли петь в церковь. Можно было наблюдать, с какой любовью принимали их верующие». — *Д. Гойченко*. Сквозь раскулачивание и голодомор. М., 2006. С. 29.

Середина 1920-х гг. ознаменована и противоположной тенденцией — весьма быстрым падением нравов в среде комсомольской и рабфаковской молодежи, распространением идущих из высших партийных кругов идей сексуальной распущенности, «новых отношений полов». По улицам ходят группы «долойстыдовцев» — совершенно голых молодых людей с лентой «Долой стыд!» через плечо. Это взвинчивание сексуальной стороны жизни вызывает рост преступлений на половой почве, например, ужаснувшее всю Россию «Чубаровское дело» 1926 г., когда несколько десятков парней из числа ленинградской рабочей молодежи изнасиловали 20-летнюю крестьянскую девушку, приехавшую на учебу в город. Свободные отношения вызвали и рост самоубийств среди молодежи.

Русская эмиграция внимательно следила за процессами, происходящими в СССР. В 1930 г. группа русских ученых, высланных Лениным в 1922 г. на «философском корабле» за границу, издала фундаментальный труд под названием «Мир перед пропастью», состоящий из трех частей и анализирующий политику, хозяйство и культуру в коммунистическом государстве. В его создании приняли участие известные русские ученые Н. Тимашев, А. Бунге, С. Ольденбург и ряд других. Возглавил группу выдающийся русский философ Иван Александрович Ильин. В предисловии к книге, изданной на немецком языке, он написал, что коллектив авторов базируется на данных из официальной советской прессы, т.е. на том, что коммунисты сами пишут о себе, дабы авторов не обвинили в предвзятости. Книга вышла на Родине лишь в 2001 г., причем сделан был обратный перевод с немецкого языка, т.к. русский вариант был утерян.

Историческая справка

Иван Александрович Ильин (1881–1954) — выдающийся русский философ. Происходил из дворянской семьи. В 1901 г. окончил 1-ю Московскую классическую гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет Петербургского университета. Ученик профессора Новгородцева. В 1906 г. окончил университет с дипломом 1-й степени и был оставлен на факультете для приготовления к профессорскому званию. В 1910–1912 гг. находился за границей (Германия, Италия, Франция) в научной командировке. Преподавал в Петербургском и Московском университетах. К революции отнесся резко отрицательно. В 1918 г. защитил докторскую диссертацию на тему: «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». С началом Гражданской войны связался со штабом Деникина. Член антибольшевицких организаций Москвы. Неоднократно арестовывался, а в 1922 г. выслан из СССР с рядом выдающихся ученых. Идеолог Белого движения, автор многочисленных работ по его истории и философии.

В эмиграции жил в Берлине, а после прихода Гитлера к власти переехал в Швейцарию, где сразу после войны начал выпускать сборник «Наши задачи» с целью проанализировать прошлое и наметить пути грядущего, послекоммунистического строительства России. До конца дней боролся против коммунизма, обличая его жливость и преступность. Умер в Швейцарии. Творческое наследие Ильина составляет 26 томов научных и публицистических трудов, вошедших в его полное собрание сочинений, изданное в России, хотя поиски его неопубликованных работ еще ведутся. Прах великого русского философа был перенесен на Родину и перезахоронен в Москве в Донском монастыре 4 октября 2005 г.

Изучая жизнь в Советской России, ученые уделяли много внимания и нравственному состоянию послереволюционного общества. Вот, в частности, что они написали о «Чубаровском деле» и положении женщин в СССР.

Историческая справка

«Изнасилование стало бедствием в советском государстве. Суды полнятся соответствующими исками, число таких исков постоянно растет. Одним лишь Московским судом рассмотрено в 1926 г. 547 случаев изнасилования; в 1927 г. это число (для Москвы) увеличилось до 726; в 1928 г. — до 849. В других судах — то же самое. Это явление в советской жизни получило особое наименование — чубаровщина, по названию Чубаровского переуллка в Петербурге, где в 1926 г. девушку-рабфактовку насильовала целая банда молодых коммунистов. Тогда этот случай вызвал большой резонанс, так как в этом принимали участие исключительно рабочие и преимущественно члены партии и комсомольцы. Этот процесс был весьма характерным для нравов коммунистов и их отношения к женщине. По показаниям обвиняемых и свидетелей на процессе было установлено, что у молодежи в Петербурге существует следующее главное мнение относительно женщин: «Женщина — не человек, а всего лишь самка. Каждая женщина — девка, с которой можно обходиться, как вздумается. Ее жизнь стоит не больше, чем она получает за половое сношение» («Комсомольская правда», 18 декабря 1926 г.). Главные обвиняемые упорно твердили, что ничем не отличаются от остальных членов комсомола. «Все комсомольцы так же настроены и живут таким же образом, как мы». «Самым скверным, — замечает по этому поводу «Комсомольская правда», — является то обстоятельство, что этот ужасный случай не представляет в нашей жизни никакого особого преступления, ничего исключительного, он — всего лишь обычное, постоянно повторяющееся происшествие». Обыденность этого судебного дела ярко характеризуется и показаниями одного комсомольца, который видел, как

совершается насилие, но спокойно прошел мимо. Вопросы прокурора, почему он не позвал на помощь, он просто не мог понять... Казалось, ему вполне достаточно, что он сам не участвовал в деле. Один из обвиняемых даже утверждал, что изнасилования вовсе и не было: дело происходило лишь без согласия женщины... Страницы коммунистической печати полны материалами о подобных слухах, красноречиво свидетельствующих о невероятном цинизме большевистских взглядов по отношению к женщине». *А. фон Бунге. Брак и положение женщины // Мир перед пропастью. Ч. III. М.: Русская книга, 2001. С. 41–42.*

Литература того времени — рассказ Пантелеймона Романова «Без черемухи», повесть Сергея Малашкина «Луна с правой стороны» и др. повествуют о свободных отношениях, которые приходят на смену «буржуазной семье». Изображенные в этих произведениях отношения мужчин и женщин чудовищны, но при чтении не скажешь, что писатели это приветствуют. Скорее, просто констатируют как новую реальность и без одобрения, и без осуждения. Но крестьянская среда была еще свободна от этих веяний: пошатнувшаяся в предреволюционные годы нравственность здесь даже несколько укрепилась, как и вера.

Литература:

Золотая книга эмиграции: Энциклопедический биограф. словарь. М.: РОССПЭН, 1997. Мир перед пропастью. Ч. I–III. М.: Русская книга, 2001.

А. Лившин. Настроения и политические эмоции в Советской России, 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН, 2010.

Э. Найман. За красной дверью. Введение в готику НЭПа // Новое литературное обозрение, 1996. №20.

3.1.13. Соппротивление большевизму в годы НЭПа

Главной формой народного сопротивления во время НЭПа была защита веры. С первых лет советской власти стали возникать «Союзы православного духовенства и мирян», церковные братства и дружины добровольцев для защиты храмов и монастырей (Алекса́ндро-Невской лавры, Троице-Сергиевой лавры, Братство защиты православной веры града Казани, несколько подобных обществ на Кубани). Как видно на примере Шуи и многих других мест, верующие в 1922 г. рисковали жизнью, чтобы защитить церковное имущество, хотя и не смогли его уберечь.

Наряду с защитой веры возникали разные формы гражданского противостояния. В городах, особенно среди молодежи, образовывались литературные, философские и просветительские кружки, которые ГПУ воспринимало как контрреволюционные. Скаутские руководители монополии пионеров

не признали и четыре года нелегально продолжали занятия с юношеством в духе верности Богу и родине, а не Ленину и партии. Настроения мальчишек тех лет отражала песенка: «Нас десять. Вы слышите, десять! / А старшему нет двадцати. / Конечно, нас можно повесить, / Но раньше нас нужно найти». В 1926 г. ГПУ нашло и арестовало более 150 взрослых скаутских руководителей в разных городах. По меньшей мере 20 из них очутились в концлагере на Соловках. Многие были позднее убиты по приказу большевицкой власти.

В самый расцвет НЭПа в 1924–1925 гг. шли боевые партизанские действия в Белоруссии и на Северном Кавказе. В Белоруссии с 1921 г. действовало Братство Зеленого Дуба (БЗД), сотрудничавшее с польскими антикоммунистическими силами. В нем участвовали бывшие чины белой Северо-Западной армии, в том числе из отрядов ген. С.Н. Булак-Балаховича, а также члены Братства русской правды из эмиграции. По делу одного из командиров БЗД Г. Монича в 1924 г. проходило 75 человек; 28 из них были приговорены к расстрелу, 47 к заключению на сроки от 3 до 10 лет. На Северном Кавказе до 1925 г. действовали партизанские отряды вблизи Армавира, в Ставрополье и на побережье Азовского моря и до 1926 г. — на Тереке.

Существенную угрозу советской власти представляло сопротивление на селе. Там формировалась организационная основа повстанческого движения 1927–1932 гг. Антисоветские листовки ходили в Подмосковье, в Воронежской и Смоленской губерниях, в Криворожском, Полтавском и Шепетовском округах на Украине, под Слуцком и под Армавиром. Обнаружилось стремление жителей многих зажиточных сел и станиц взять в свои руки местные Советы. Относительно свободные местные выборы 1925 г. позволили во многих местах получить некоммунистическое большинство в Советах. И тогда во всеуслышание стали выдвигаться такие требования, как отмена монополии на внешнюю торговлю, свобода участия в кооперации, реабилитация политзаключенных и лишенцев, восстановление атаманского правления в казачьих областях. Все это подтверждало тезис «левых» о том, что крестьянское благополучие влечет за собой «возврат к капитализму». Для большевиков ничего страшнее такой перспективы не было. Она оставляла им мало шансов сохранить власть, да и жизнь — после большевицких кровавых жестокостей эпохи Гражданской войны их ненавидела почти вся Россия. В страхе перед «ползучей контрреволюцией» большевики стремились объединиться вокруг вождя, который обещал бы им не затухание (как Бухарин), а «усиление классовой борьбы по мере продвижения к социализму». Таким вождем в конце 1920-х гг. был Иосиф Сталин. Члены компартии надеялись, что он упрочит власть ВКП(б) над Россией и защитит большевиков от народного гнева, ведя непримиримую борьбу с врагами их режима.

Литература:

Ю.В. Кудряшов. Российское скаутское движение. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1997.

3.1.14. Русское общество в 1923–1928 гг. в Зарубежье. Миссия русской эмиграции: изгнание и свидетельство

Становление зарубежного русского общества протекало энергично, бурно, но противоречиво и мучительно. В самые первые годы, подстрекаемое восстаниями в России, общество жило либо мечтой о возобновлении крупномасштабной антибольшевицкой борьбы, либо надеждой на скорое падение большевицкой власти: оптимисты сидели на чемоданах, ожидая возвращения. Пока СССР не получил международное признание, эмигранты сознавали себя Россией без территории: у них было твердое чувство, что они не покинули родину, а унесли ее с собой.

Свидетельство очевидца

«Русские эмигранты не по своей злой воле, а в силу непреодолимых обстоятельств, в силу того, что по своей духовной природе не могли признать насильнической власти над своей родиной за правомерную власть — ушли под защиту той культуры и той морали, которая им духовно близка и которая еще не ушла из мира окончательно». — Из письма от 23 октября 1939 г. Ивана Шмелева Бредюс-Субботиной.

В 1925 г. СССР вновь подтвердил, что все лица, имевшие подданство Российской Империи и не вступившие в гражданство СССР, проживающие за границей, автоматически лишаются прав на советское гражданство. Ответом на это решение стало новое Межправительственное соглашение Лиги Наций в Женеве от 12 мая 1926 г., постановившее, что «русским беженцем, имеющим право на соответствующий статус, является всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее иного подданства». В 1928 г. были расширены права национальных представительств Комиссариата по делам русских и армянских беженцев (так называемые Нансеновские офисы). Они стали практически полноправными консульствами.

Соглашение 1928 г. объявляло, что нельзя высылать из страны русского беженца, даже если он «совершил предосудительные проступки», если у него нет визы другой страны. То есть его нельзя высылать в никуда. Единственное, от чего «нансеновский паспорт» ликвидировался немедленно — если лицо, его имеющее, посещало Советский Союз: если некий русский беженец приезжает в СССР, значит, он пользуется его покровительством, следовательно, он не беженец больше.

Казалось, эмиграция располагала всеми государственными признаками: унаследовала блестящий дипломатический корпус, консульства и посольства оставались в ее распоряжении, в ее рядах было четыре бывших премьера, как

царского (В. Коковцев, А. Трепов), так и Временного (Г. Львов, А. Керенский) правительств, три возглавителя Белых правительств (А. Деникин, П. Врангель, М. Дитерихс), десятки министров и депутатов Государственной Думы и Учредительного собрания, два возможных претендента на царский престол, сотни генералов и высших офицеров, управляющих разоруженной, но не вполне расформированной армией. В Японии находилась часть государственной казны, восстановились союзы Земгора, общественные и профессиональные организации, журналистов, адвокатов и др., образовался Синод епископов, продолжили свою деятельность все российские партии (за исключением, разумеется, большевиков). Словом, налицо были все составные части государства, но без самых существенных его основ — территории, централизованной власти, видимого единства, к чему прибавлялась расплывчатость по разным странам, нищета большинства эмигрантского «населения» и невозможность конкретных применений своих сил. Зарубежная Россия была вполне реальным русским сообществом по своему внутреннему значению и по видимым действиям. Очутившиеся на чужбине участники Белого движения были горды тем, что не капитулировали перед большевиками, а лишь отступили за границу для продолжения борьбы.

Марина Цветаева воспела в стихотворении «Кто мы?» то чувство героичности, которое переживали русские изгнанники после семи или трех лет войны, среди унижений нищей трудовой жизни. Желанию отказаться от эмиграции и пойти на компромисс с большевицкой властью противостояло мистическое убеждение писателей и мыслителей: **«мы не в изгнании, а в послании»**. Дмитрий Мережковский ярче всех обосновал в 1926 г. этот взгляд в статье «Что такое эмиграция?»: *«Только ли путь с родины, изгнание? Нет, и возвращение, путь на родину. Наша эмиграция — наш путь в Россию. Emigrare значит «выселяться». Слово это для нас неточно. Мы не выселенцы, а переселенцы из бывшей России в будущую»*. Его не смущало, что «переселение» может продлиться, наподобие исхода еврейского народа, целых сорок лет, что его завершение мало кого из эмигрантов застанет в живых. Он был убежден в неизбежном, хотя и не скором, крахе коммунистической идеологии: переселение, путь в Россию предполагал творческую активность — воздвигать незыблемые культурные основы былой России и, через соединение с подлинной страждущей Россией *«там»*, совместно строить Россию будущую.

Изгнание виделось русским эмигрантам временной долей, а «послание» заключалось в том, чтобы:

Свидетельствовать миру о зле коммунизма, которому множество русских людей отчаянно сопротивлялось, и предупреждение об его крайней опасности для всего мира.

Хранить «свечок русской культуры» и православия, попираемый на родине, заниматься творчеством в условиях свободы. Получив приказ из ОГПУ покинуть РСФСР, находясь в удрученном состоянии, философ Николай Бер-

дыев посетил своего московского духовника о. Алексея Мечёва, который ему сказал: «*Не смущайтесь, езжайте смело, Ваше слово должен услышать Запад*». В устах старца это означало, что миссия изгнанничества — свидетельство о духовной сути большевизма, о русской религиозной мысли, о православии, с которым в те годы Запад совершенно не был знаком.

Продолжать борьбу против большевиков не только, и даже не столько военными средствами, сколько сохранением и развитием России, уничтожаемой на терзаемой комиссарами родине.

Первый шаг к этому: сохранить в эмигрантской среде основные национальные ценности — язык, культуру и ее носителей, образованных и свободных русских людей, и передать *русскость* молодому поколению. Много усилий было посвящено открытию русских школ начальных и средних, а также и высших курсов, что отвечало и насущной потребности, так как не все могли учиться в иностранных школах, по незнанию местных языков.

Такова была огромная миссия, предстоящая эмиграции, несмотря на то, что в те годы она была на грани отчаяния от «российских тоск» («мрем от них!» — восклицала Марина Цветаева) и от непосильной тяжести жизни. О том, что была родина для изгнанников, хорошо говорит стихотворение молодого Владимира Набокова, написанное в Берлине в 1927 г:

*Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.
Проснусь, и в темноте, со стула,
где стички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.
Закрыв руками грудь и шею, —
Вот-вот сейчас пальнёт в меня —
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.
Оцепенелого сознанья
коснется тиканье часов,
благополучного изгнанья
я снова чувствую покров.
Но сердце, как бы ты хотело,
Чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
И весь в черёмухе овраг.*

12 марта 1919 г. в пражской газете «Народни листы» (*Národní listy*) было опубликовано обращение ряда видных деятелей Чехословакии (в том числе и премьер-министра Карела Крамаржа) к гражданам только что образованной республики: «Сердце нам разрывают известия о бедствиях русских лю-

дей, которые должны идти в изгнание. Со святым энтузиазмом, с жертвенной любовью к Славянству шли они на войну, шли, чтобы освободить братскую Сербию. Миллионы жизней положили они за свободу народов славянских и народа нашего, и вот теперь они умирают, мучимые палачами чрезвычайек, тифом, голодом, а те, которым удалось бежать, без средств к жизни обречены скитаться в чужих землях, если только не примут их братские народы славянские и не отогреют их сердечной своей благодарностью от их ледяного отчаяния... Поэтому мы обращаемся ко всем добрым людям, оставшимся верным нашим славянским традициям: не забудьте, помогите бедным беженцам! Помогите быстро и щедро! Дайте с любовью, покажите отчаявшимся женщинам и детям русским, что есть ещё в Чехии открытые славянские сердца, оставшимися верными, ничего не забывшие!»

Это обращение нашло широкий отклик в Чехословакии. Сумма денежных средств, выделенная на поддержку русских беженцев этой маленькой страной, была больше, чем во всех остальных странах мира вместе взятых. «Русская акция помощи» в Чехословакии была поставлена очень широко. В течение полутора десятилетий (1921–1936) многие тысячи молодых людей из числа русских беженцев получали стипендии и могли поступать в Праге, Брно, Пржибраме и Братиславе в различные высшие учебные заведения. Очень немало русских интеллигентов — профессоров, доцентов, инженеров, учителей, писателей, художников — были обеспечены правильно выдаваемыми ежемесячными пособиями. Профессорская эмигрантская стипендия составляла 2400 крон¹, стипендия доцента 1400, ассистента — 1200, что позволяло жить безбедно. При этом семейным профессорам выделялось ежегодно «на семью» 14 тысяч крон и еще 50 тысяч выделялось в качестве единовременных «подъемных» при переезде русских ученых из иных стран в Чехословакию. 10 октября 1921 г. в Праге был основан «Союз русских академических организаций за границей», руководителем которого был избран профессор, специалист по паровым котлам, депутат от кадетской партии в I Государственной Думе Алексей Степанович Ломшаков (1870–1960). При содействии чехословацкого правительства был основан Русский университет, существовавший до 1929 г. Особенно хорошо и полно обставлен был юридический факультет, первым деканом которого стал Павел Иванович Новогородцев. В 1923–1927 гг. в Праге действовал Русский

¹ Одна чехословацкая крона в то время равнялась кроне Австро-Венгерской империи и составляла 38 копеек дореволюционной России. В 1925 г. золотая крона составляла примерно треть тогдашнего золотого доллара США. Примечательно, что на банкнотах межвоенной Чехословакии, принимая во внимание как многочисленных русских эмигрантов, так и коренное население Подкарпатской Руси (будущей Закарпатской области Украины), вошедшей в 1918 г. в состав Чехословакии, надписи делались и на русском языке.

педагогический институт им. Я.Л. Коменского, готовивший учителей как для русских школ в Зарубежье, так и для будущей небольшевицкой России. При институте издавался солидный ежеквартальный журнал «Русская школа» (всего 34 выпуска).

Затраты на одного русского студента достигали шести тысяч крон в год (сюда входило питание, одежда, медицинское обслуживание, жилье, учебные пособия). В 1924 г. (год кульминации «Русской акции») «акция» поддерживала 4663 учащихся высшей школы, 973 учащихся средней школы и 1678 детей в дошкольных учреждениях. Всего за время «Русской акции» чехословацкое государство истратило на русских эмигрантов 508 млн золотых крон.

Предполагалось, что большевицкая власть продержится недолго и беженцы вернутся в Россию, которая будет чрезвычайно нуждаться в образованных людях. Финансовая помощь изначально носила характер временного пособия, которое во многих случаях предполагалось вернуть. В расписках о получении денег зачастую значилось, что русский получатель обязуется вернуть выданную сумму «через один год по восстановлении в России нормального порядка и по наступлению... возможности въезда туда». Белградская русская газета «Новое время» 27 сентября 1921 г. писала: «Студенты едут в Прагу учиться. Слава Богу. Русское сердце радуется и не может не радоваться: грамотная, культурная Россия, Россия будущего, молодая понесла огромные потери во время войны... а России будущего грамотные люди нужны».

В Праге был основан также Русский народный университет, ученые и общественные деятели читали от имени этого университета отдельные лекции в Праге и в различных провинциальных городах, особенно в Подкарпатской Руси, обитатели которой легко понимали русский язык лекторов. Потом этот университет стал называться Свободным русским университетом, а в 1943 г. — Русской академией. Средства отпускались и на такие технические проекты, как русский институт кооперации или железнодорожные курсы. Используя правительственные стипендии, многие молодые русские поступили на медицинский факультет Карлова университета и в чешский Политехникум.

Кроме высшего образования Чехословакия финансировала и среднее, причем и за пределами республики: 65 русских школ в 11 западноевропейских странах существовали на стипендии «Русской акции».

Среди главных «спонсоров» «Русской акции помощи» неизменно были премьер-министр Чехословакии известный русофил и монархист Карел Крамарж и президент Чехословакии в 1918–1935 гг., высококультурный либеральный интеллеktуал и русофил Томаш Гарриг Масарик. Их личные пожертвования составляли сотни тысяч, быть может, миллионы крон. Они помогали русским беженцам, желая, в первую очередь, сохранить и подготовить высокопрофессиональных специалистов будущей, некоммунистической, демократической России.

Историческая справка

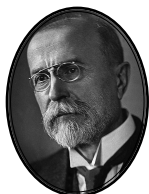

Карел Крамарж (Karel Kramář) родился 27 декабря 1860 г. в богатой семье чешских фабрикантов. Получил юридическое образование в Берлинском, Страсбургском и Пражском университетах. Православный, Крамарж был женат на русской, Надежде Хлудовой (из аристократической семьи, в первом браке Абрикова), часто бывал в России, летние месяцы проводил в Крыму. В 1889 г. Крамарж основал чешскую еженедельную газету «Час». В 1891 г. избран в австрийский рейхсрат от младочешской партии; с 1894 г. член чешского земельного собрания (ландтага). Крамарж стал одним из лидеров младочешской партии; в 1897–1898 гг. — вице-президент австрийской имперской палаты депутатов. Крамарж выступал решительным противником участия Австрии в антироссийском Тройственном союзе. Был сторонником федерализации многонациональных государств (в том числе Австро-Венгрии и России). Имевший репутацию убеждённого русофила и панслависта, Крамарж в начале Первой мировой войны был арестован австрийскими властями, обвинён в государственной измене и приговорён к 15 годам каторги. После смерти Франца-Иосифа I новый император Карл I амнистировал Крамаржа в 1917 г.

14 ноября 1918 г. Крамарж стал первым, после провозглашения независимости Чехословакии, её премьер-министром, к неудовольствию президента Томаша Масарика, придерживавшегося существенно более левых политических взглядов (уже к 1910-м гг. отношения между двумя ведущими политиками Чехии испортились). Сам он также согласился занять этот пост с неохотой, так как представлял независимую Чехословакию не республикой, а королевством, во главе, возможно, с одним из русских великих князей. Крамарж был активным сторонником Белого движения, состоял в дружеских отношениях с генералом Деникиным и посещал его в 1919 г. в Ростове.

Крамарж и своими личными средствами и своим влиянием широко поддерживал русскую эмиграцию в Чехословакии. В 1920-е гг. опубликовал ряд работ о России («Кризис в России», 1921 г.). Правая Национально-демократическая партия, возглавляемая Крамаржем, не играла заметной роли в правительствах межвоенного периода. Политические взгляды Крамаржа постепенно радикализировались. К концу жизни он с симпатией присматривался к фашизму итальянского типа. Умер Крамарж 26 мая 1937 г. в Праге. Похоронен в крипте православного Успенского собора на Ольшанах.

Историческая справка

Томаш Гарриг Масарик (Tomáš Garrigue Masaryk), чешский философ, общественный и государственный деятель, один из лидеров движения за независимость Чехословакии, первый президент республики (1918–1935).

Родился 7 марта 1850 г. в Моравии в городе Гёдинг (ныне — Годонин). Отец, Йозеф Масарик, — словак, мать, Тереза Масарикова (в девичестве — Кропачкова), — немка. Масарик родился в простой рабочей семье. Учился в Брно, Вене и Лейпциге. Среди его учителей были известные социологи и философы — Вильгельм Вундт и Франц Brentano. В 1882 г. Т.Г. Масарик избирается профессором Пражского университета. Его работы были посвящены истории философии, социологии и истории. Т. Масарик написал книгу «Россия и Европа», печатался в России на русском языке. Был убежден, что главное для России — исправление неправильных государственных оснований (ликвидация самодержавия) и подъем образования народа, неграмотность которого делает его игрушкой в руках радикальных агитаторов. Многие работы Масарика к публикации в России не допускались.

Степень доктора философии он получил, защитив диссертацию о самоубийстве как социальном явлении. Основал влиятельный журнал «Ате-неум». Занимая кафедру в университете, начал выступать как идейный вдохновитель национального движения. Депутат парламента австрийских земель (рейхсрата) в 1891–1893 гг. и в 1907–1914 гг. Годы Первой мировой войны провел в Швейцарии, Италии, Великобритании, Франции, России, США, где активно агитировал общественное мнение стран Антанты за независимость Чехословакии и признание «чехословаков» особой нацией. Его жена, Шарлотта Гарриг, чью фамилию он взял как второе имя, была американкой и во время Первой мировой войны арестовывалась австрийскими властями. Придерживаясь левых, социалистических убеждений, Масарик соглашался с планом Крамаржа создать после поражения Центральных Держав Чешское королевство под патронатом Императорской России. После падения Австро-Венгерской империи был заочно избран (будучи в США) в 1918 г. первым президентом Чехословацкой республики; через месяц вернулся в страну.

Масарик являлся политическим и духовным лидером независимой Чехословакии (имел полуофициальное прозвище «батюшка» — *Tatíček*), воплощением этичной борьбы за независимость и создания нового государства; для него характерно высказывание: «Всякая разумная и честная политика есть реализация и укрепление принципов гуманизма. Политику, как и все, что мы делаем, следует подчинять этическим принципам. Политику, как и всю жизнь человека и общества, я не могу понимать иначе как *sub specie aeternitatis*». Поклонник англо-американской культуры,

Масарик стремился к созданию либеральной многопартийной демократии, с допущением национальных меньшинств в политику, однако как идеолог «чехословакизма» допускал антинемецкие высказывания. После его отставки в 1935 г. президентом был избран многолетний министр иностранных дел Эдвард Бенеш. Масарик умер 14 сентября 1937 г. в своём имени Ланы.

Для народа разоренной войной Чехословакии, выпавшей к тому же из единого экономического пространства бывшей Австро-Венгерской империи, такая помощь русским беженцам была совершенно исключительным подвигом, но граждане этой страны сознательно пошли на большое самоограничение ради облегчения жизни своих попавших в беду «славянских братьев». Программа помощи русским беженцам неизменно получала поддержку в парламенте молодой республики и всячески приветствовалась обществом. Так, несмотря на тяжелый квартирный кризис в послевоенной Праге, русским беженцам было предоставлено огромное рабочее общежитие — «Свободарна» — в пражском районе Либень, комнаты в котором сдавались за очень умеренную плату и были вполне благоустроены. А позднее были выстроены и три специальных многоквартирных «профессорских дома», весьма благоустроенных. За квартиру с тремя спальнями в месяц надо было платить 450 крон.

«Русская акция помощи» была адресована не только русским. Чехословакия выделяла средства на поддержку эмиграции украинской, казачьей, белорусской, кавказской. Так, в начале 1923 г. в Чехословакии получали стипендию свыше 2000 казаков. К концу года их число достигло примерно 3000. Их одевали, кормили, обучали прогрессивным формам сельского хозяйства, принятым в Европе, и финансировали издание казачьего журнала «Хутор».

О прекращении «Русской акции» говорили во время мирового кризиса, но помощь русским эмигрантам, пусть и в более скромных масштабах, продолжалась и после 1929 г. Только установление дипломатических отношений с СССР в 1934 г. заставило чехословацкое правительство подчиниться давлению из Москвы и заявить о полном прекращении «акции». Союз чехословацких легионеров, то есть тех солдат и офицеров, которые сражались на стороне Белых во время Гражданской войны в России (весьма уважаемая общественная организация в межвоенной Чехословакии), твердо заявил в связи с этим решением правительства ЧСР, что «сотрудничество с СССР — это предательство России», а отказ от поддержки эмиграции — «проявление нравственной трусости». В 1936 г. были выданы дипломы последним 50 выпускникам по линии «Русской акции».

В противоположность умирающему свободному творчеству в «подсоветской России» творческая жизнь Русского Зарубежья была ключом. Нобелевских премий удостоились писатель Иван Бунин, экономист В. Леонтьев, физик

И. Пригожин. В мире знали вертолеты И. Сикорского, самолеты А. Северского, телевизор В. Зворыкина, слушали пение Фёдора Шаляпина, музыку Сергея Рахманинова и Игоря Стравинского, хор донских казаков Сергея Жарова, смотрели танцы А. Павловой и балетные постановки Г. Баланчина, абстрактные картины В. Кандинского и скульптуры А. Архипенко, изучали сопротивление материалов по учебнику С. Тимошенко и социологию по Питириму Сорокину, знали чемпиона мира по шахматам А. Алехина, читали философские книги Николая Бердяева и Ивана Ильина, исторические труды Георгия Вернадского и других русских зарубежных историков и уж, конечно, романы Владимира Набокова (Сирин). Само присутствие таких величин в изгнании на Западе свидетельствовало о том, что в России не все благополучно.

При этом Западу была видна лишь вершина айсберга. Основной массив исторической, философской, богословской и художественной литературы, особенно поэзии Русского Зарубежья, остался иностранцам неизвестным. Между тем в эмиграции выдвинулась целая плеяда поэтов, родившихся на переломе XIX и XX века, в том числе Георгий Иванов, Владислав Ходасевич, Борис Поплавский, Иван Савин, Владимир Смоленский, Николай Туроверов, Арсений Несмелов, поэт и переводчик с французского и фарси Иван Тхоржевский. Их стихи сегодня понемногу возвращаются в Россию. При небольших тиражах в эмиграции издавалось множество книг. В 1920-е гг. выходило 360 русских газет, появились толстые журналы, но многие периодические издания были недолговечны.

Образовались **научные общества**, в т.ч. «Русские академические группы». В 1920-е гг. возникло несколько русских **высших учебных заведений**. Помимо Свято-Сергиевского Богословского института в Париже и Политехнического в Харбине, они были недолговечны: приток студентов скоро иссяк. Русские гимназии были в Китае, Латвии, Чехословакии, Югославии. Во Франции и Югославии были кадетские корпуса, в последней и «институт» для девиц. Тем, чья учеба была прервана Гражданской войной, «Русская акция» чешского правительства давала стипендии для окончания высшей школы, в надежде подготовить кадры для будущей свободной России. Внешкольным воспитанием занимались добровольческие молодежные организации — сокола, скауты-разведчики (девиз: «Будь готов за Россию!») и витязи («За Русь, за веру!»). Скаутизм охватил десятки тысяч русских детей и подростков, оказавшихся в эмиграции. Слёты проходили под русским трехцветным флагом, пелись русские песни, изучалась история и культура России. Скаут-мастера готовили юных разведчиков к жертвенному служению родине — «В былом источник вдохновенья / В деяньях Сечи и Петра / В грядущем братское служенье, / а в нашем нынешнем — борьба // За тот народ, что всех народов / Для нас и ближе и родней / За край могучий новых всходов / труда, уклада и людей. // И в этом свыше назначенье, / и в этом радость и почёт / и будет наше поколение / давать истории отчёт» — пели, взявшись за руки, девушки и юноши ночами у разведческих костров под небом Франции или Америки.

Важную роль играла **Церковь**. Храм служил не только домом молитвы, но и опорой общественной жизни. Некоторые белые офицеры приняли священство, в церковную жизнь уходили подчас и бывшие революционеры. Большинство эмигрантских приходов (около 1 тыс. в 1930-е гг.) управлялось архиерейским Синодом под председательством митрополита Антония (Храповицкого). Параллельно Синоду в Русском Зарубежье возникли юрисдикции Константинопольского патриарха (митрополит Евлогий в Париже) и национальных православных церквей (например, американской, ставшей автокефальной в 1970 г.). Несмотря на сильные эмоции, разделявшие эмиграцию по вопросу о юрисдикциях, Русская Православная Церковь помогла укоренить православие в Германии, Франции, Австралии и Америке.

Военная эмиграция жила не только ожиданием «Весеннего похода» против большевизма (т.е. новой попытки его свержения вооруженным путем), но нашла себе профессиональное применение во многих вооруженных конфликтах. Русские помогли подавить коммунистические восстания в Болгарии в 1923 г. и в Албании в 1924–1926 гг. В 1923–1928 гг. до 6 тыс. русских сражались в армиях китайских антикоммунистов — маршалов Чжан Цзолина и Чжан Цзучана. В 1929 г. русские участвуют в Маньчжурии в боях с Красной армией на стороне Китая, в 1938–1939 гг. — на стороне Японии (бригада Асано). Более 8 тыс. белых солдат и офицеров поступили во французский Иностраннный легион, воевавший в Марокко, Сирии, Ливане и Индокитае. Русские летчики создали авиацию Саудовской Аравии, русские офицеры под руководством генерала И.Т. Беляева отстроили в 1932–1935 гг. армию Парагвая и тем обеспечили победу Парагвая над Боливией. Их имена и сейчас носят улицы столицы Парагвая — Асунсьона.

Свидетельство очевидца

Генерал Беляев много занимался просвещением индейцев и защитой их прав. Около его дома в окрестностях Асунсьона всегда висели две пары штанов, в которые должны были облачаться почти голые индейские визитёры перед входом к генералу, дабы не смущать русских дам. Когда его хоронили в 1957 г., за гробом шло всё племя индейцев чимакоков и пело «Отче наш» на своем языке — как их научил белый генерал Беляев... — *И. Беляев. Записки русского изгнанника. СПб., 2009.*

Русские эмигранты сражались на стороне Эфиопии против итальянцев и, как на стороне генерала Франко, так и против него, в Испании в 1936–1939 гг.

Казачья эмиграция была исключительно эмиграцией политической. Экономических мотивов для эмиграции у нее не было. Казаки даже за границей сохраняли вековые традиции и уклад жизни. Они организовались в донские, кубанские или терские станицы или хутора, выбирали своих атаманов,

строили на чужой земле свои церкви, имели свои кладбища, приюты для престарелых, свои музеи, издавали журналы, газеты и книги. Опасаясь упадка казачества, оставшегося на казачьих землях, в результате политики расказачивания и террора, применяемого к казакам советскими властями, казаки за рубежом считали своим долгом сохранить казачьи традиции, культуру в надежде на возвращение домой. Политический опыт Гражданской войны привел к политизации казаков. Разница между отдельными течениями была выражена, прежде всего, отношением к вопросу казачьей автономии, а вернее, отделении от России. Элита, офицеры, были воспитаны в национальном русском духе. Все генералы и высший командный состав были за восстановление и расширение традиционных казачьих прав и свобод, но лишь немногие хотели отделение казачьих областей от России.

Отношение казаков к Москве разделило казачество на пять основных течений: небольшая группа казачьих политиков под руководством Верховной рады хотела возвращения к довоенному положению. Выборных атаманов должны были заменить наказные атаманы, и казачество должно было получить полуавтономный статус. Большая часть казачества считала себя русскими и желала остаться неотделимой частью России, но с демократически избранными правителями трех войск: Донского, Кубанского и Терского. Это был проект атамана Каледина. Часть казаков, чаще всего с высшим образованием, представляли себе будущее казачества в союзе с народами Северного Кавказа, в федеративном государстве, динамично развивающемся за счет больших природных ресурсов. Значительная группа казаков с украинскими корнями предлагала союз казаков Юга России с Великой Украиной. Одним из самых видных организаторов этого движения был И.В. Полтавец-Острианица.

Историческая справка

Влиятельная группа молодежи, учившейся в Чехословакии, организованная в «Вольно-казачьем движении», хотела создать новое государство под названием «Казакция». Главными представителями были основатели казачьей федерации 9 января 1920 г. и верховного парламента Дона, Кубани и Терека. В президиуме движения были генерал И.Ф. Быкадоров, генерал-поручик Т.М. Стариков, инженер И.И. Колесов, доктор И.П. Вихлянцева, В.Г. Глазков и др. Газета «Вольное казачество» была открыта противонемецкой и поэтому в 1939 г. закрыта, так же как и «Казачий вестник». К концу войны организация переехала через Германию в США.

Вывранные из привычной русской жизни, эмигранты на первых порах очень страдали от своей «инобытности» окружающему их чужому миру. Они старались держаться друг к другу поближе, порой сознательно изолируя себя от народов, давших им пристанище. Такая бытовая «эмигрантщина» высмеи-

валась самими эмигрантами — например, Теффи (Надежда Бучинская) в рассказе «Городок», где повествуется о жизни обывателей города «Парижска-на-Сене», или поэтом Дон Аминадо (А.П. Шполянским). Но в этой способности посмеяться над собой тоже была и свобода, потерянная на «подсоветской» родине, и вера в высокую «миссию русской эмиграции».

Численность первой волны русской эмиграции в Европе 1930 г.

Германия	80 000
Франция	200 000
Австрия	2500
Бельгия	7000
Англия	4000
Финляндия	15 000
Греция	2000
Венгрия	5000
Эстония	16 000
Латвия	10 000
Литва	5000
Польша	50 000
Румыния	7000
Швеция	1000
Швейцария	2200
Чехословакия	15 000
Югославия	29 000
Болгария	20 000

Литература:

- Политическая история русской эмиграции / Ред. А.Ф. Киселев. М., 1999.
М. Раев. Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции 1919–1939: Пер. с англ. М., 1994. (Oxford, 1990).
М.В. Назаров. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.

3.1.15. Русская Церковь Заграницей

Менее чем два процента русского православного духовенства оказалось после 1922 г. в изгнании, но именно этим немногочисленным представителям когда-то самой многочисленной Поместной Церкви православного мира суждено было взять на себя бремя воссоздания церковной жизни в русском рассеянии на пяти континентах.

25 октября 1920 г. решением Южного Временного Высшего Церковного Управления управляющим русскими православными церквями в Западной Европе на правах правящего архиерея был назначен находившийся тогда за границей архиепископ Волынский Евлогий Георгиевский (впоследствии это решение было подтверждено указом Патриарха Тихона и Синода от 8 апреля 1921 г.). Следующим шагом на пути формирования в эмиграции полноценного церковного управления стало принятое в ноябре 1920 г. решение совещания епископов, эвакуировавшихся из России с армией генерала П.Н. Врангеля, о создании Русского Высшего Церковного Управления Заграницей по аналогии с теми органами церковной власти, которые действовали в годы Гражданской войны на территории России и деятельность которых была одобрена постановлением св. Патриарха Тихона, Синода и Высшего Церковного Совета от 20 ноября 1920 г. № 362. Председателем РВЦУ Заграницей стал митрополит Антоний Храповицкий, а в его состав вошли, в частности, архиепископ Анастасий Грибановский и епископ Вениамин Федченков. После переезда РВЦУ Заграницей в марте 1921 г. в резиденцию Сербского Патриарха Димитрия город Сремски Карловцы, его членом стал и вскоре получивший титул митрополита Евлогий Георгиевский.

В конце ноября 1921 г. в Сремских Карловцах состоялся Русский Всезаграничный Церковный Собор, на котором был избран новый состав РВЦУ Заграницей во главе с митрополитом Антонием Храповицким, подтвердивший своё каноническое подчинение св. Патриарху Тихону, приняты постановления об организации епархиального и приходского управления за границей, которые основывались на аналогичных постановлениях Поместного Собора 1917–1918 гг.

На Всезаграничном Соборе было принято послание чадам Русской Православной Церкви в рассеянии и изгнании сущим, содержавшее требование возвращения «на всероссийский престол Помазанника, сильного любовью народной, законного Православного Царя из дома Романовых». Через два месяца от имени Собора было оглашено послание к Мировой (Генуэзской) конференции, призывавшее европейские правительства поддержать вооружённую борьбу против большевицкой России. Эти деяния Всезаграничного Собора вынудили Патриарха Тихона в условиях резко ужесточившихся весной 1922 г. церковных гонений в России издать указ от 5 мая 1922 г., в котором он впервые официально определил свою точку зрения на организацию церковной власти в русской эмиграции. Назвав два упомянутых выше посла-

ния «актами, не выражающими официальный голос Русской Православной Церкви», Святейший Патриарх Тихон, Синод и Высший Церковный Совет постановили «ввиду допущенных Русским Церковным Управлением Заграницей означенных политических от имени Церкви выступлений, и, принимая во внимание, что за назначением тем же Управлением преосвященного митрополита Евлогия заведующим русскими православными церквами за границей собственно для ВЦУ там не остается уже области, в которой оно могло бы проявить свою деятельность, означенное ВЦУ упразднить, сохранив временное управление русскими заграничными приходами за митрополитом Евлогием» (*Церковные ведомости. 1922. №12/13. С. 6–7*).

Митрополит Евлогий не решился, однако, занять место авторитетнейшего митрополита Антония во главе русской церковной иерархии за границей и продолжал управлять лишь русскими церковными приходами в Западной Европе. В сентябре 1922 г. на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви Заграницей и был образован Синод «с обязательным участием митрополита Евлогия», которому (т.е. Синоду) передавались «все права и полномочия Русского Высшего Церковного Управления Заграницей». Председателем Синода с этого времени и до своей кончины в 1936 г. постоянно оставался митрополит Антоний. Так вне пределов России возник орган высшей церковной власти, который и по сей день возглавляет одну из двух главных церковных юрисдикций русской зарубежной диаспоры.

Стремление действовавшего в Сремских Карловцах Зарубежного Синода осуществлять управление церковными приходами не только на территории Балканских стран и в Маньчжурии, но и в Западно-Европейском митрополичьем округе митрополита Евлогия и в Северо-Американской епархии митрополита Платона вызывало напряжённость в их взаимоотношениях. В результате, в январе 1927 г. Зарубежный Синод издал определение о запрещении в священнослужении митрополита Евлогия, несмотря на то, что он являлся единственным епископом Русского зарубежья, полномочия которого как правящего архиерея Русской Православной Церкви Заграницей были даны Патриархом Тихоном и признавались впоследствии Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром и Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митрополитом Сергием. Митрополит Евлогий, поддержанный весьма многочисленными и авторитетными священнослужителями и мирянами Западно-Европейского митрополичьего округа, отказался признавать решение Зарубежного Синода, и их канонические отношения оказались расторгнутыми на многие десятилетия.

Раскол в Русской Православной Церкви Заграницей ещё более обострился летом 1927 г., когда, в связи с различным отношением двух групп русской эмиграции к постановлению митрополита Сергия от 1 июля 1927 г., требовавшему от русских зарубежных епископов подписки о лояльности советскому правительству, обе церковные группы оказались на различных позициях уже не только по отношению друг к другу, но и по отношению к Московской Патриархии (**см. 3.2.5**).

После опубликования в июле 1927 г. «Декларации» митрополита Сергия, обозначившей во многих отношениях изменившийся курс его политики по отношению к большевицкому режиму, Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей принял 9 сентября 1927 г. Окружное послание, в котором заявлялось о разрыве канонических отношений с руководством Московской Патриархии в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия и о сохранении подчинения лишь арестованному Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Петру.

Подвергавшийся все более усиливавшемуся давлению ГПУ митрополит Сергей был вынужден 24 декабря 1930 г. издать постановление о запрещении в священнослужении митрополита Евлогия, участвовавшего в молебствованиях европейских христиан о Русской Православной Церкви, гонимой в большевицкой России. Не имея после этого дальнейшей возможности сохранять каноническое общение с Московской Патриархией и опираясь на поддержку епископата Западно-Европейского митрополичьего округа, митрополит Евлогий в феврале 1931 г. перешёл со своим духовенством и паствой в юрисдикцию Вселенского Патриарха, который образовал особый, сохранявший традиции русской церковной жизни Западно-Европейский Экзархат во главе с митрополитом Евлогием. Именно этот существующий и поныне в нескольких странах Западной Европы Экзархат Вселенского Патриархата стал второй основной церковной юрисдикционной группой Русского Зарубежья.

На протяжении многих десятилетий Русская Православная Церковь Заграницей и Западно-Европейский Экзархат Вселенского Патриархата будут поддерживать многообразное развитие церковной жизни русской зарубежной диаспоры, сочетавшее в себе строгое следование традиции с подлинно творческим дерзновением. В качестве одного из многочисленных примеров можно привести деятельность созданного **в 1925 г. в Париже Свято-Сергиевского Богословского института**, который на четверть века стал ведущим богословским учебным заведением всего православного мира. В стенах этого учебного заведения в 1930-е гг. плодотворно трудились как сформировавшиеся еще в русской дореволюционной высшей школе учёные, подобные протоиерею Сергию Булгакову, протопресвитеру Василию Зеньковскому, Антону Ивановичу Карташеву и Георгию Федотову, так и богословы, проявившие себя уже в эмиграции, подобно епископу Кассиану (Безобразову), архимандриту Киприану (Керну), протопресвитеру Николаю Афанасьеву и протоиерею Георгию Флоровскому.

Литература:

Никон (Рклицкий), архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Изд. Северо-Американской и Канадской епархии. 1961. Преподобный Сергей в Париже. История Парижского Свято-Сергиевского Православного Богословского института / Отв. ред. протопресвитер Б. Бобринский. СПб., 2010.

3.1.16. Общественно-политические движения Русского Зарубежья

В 1921 г. еще существовали элементы общероссийского Белого центра: Совет послов в Париже, Русский совет под председательством Врангеля в Константинополе. Подавляющее большинство эмиграции соглашалось с Иваном Бунинным, который свою знаменитую речь «Миссия русской эмиграции», произнесенную 16 февраля 1924 г. в Париже, закончил словами: «Да будет нашей миссией не сдаваться ни соблазнам, ни окрикам. Это глубоко важно и вообще для несправедливого времени сего, и для будущих праведных путей самой же России. <...> Говорили — скорбно и трогательно — говорили на древней Руси: «Подождем, православные, когда Бог переменит орду». Давайте подождем и мы. Подождем соглашаться на новый «похабный мир» с нынешней ордой».

Сразу наметились основные политические размежевания на классические три направления — правых, левых и центристов, но со специфическими оттенками нации без территории и политиков без власти. Одни — военные круги во главе с генералом Кутеповым — стояли за сохранение организованной воинской силы, пусть и разоруженной, в надежде возобновить в любой форме военные действия против большевиков — «Весенний поход»; другие — левые кадеты, позицию которых выражала парижская газета «Последние новости», руководимая П.Н. Милюковым, — считали эту позицию самообманом, третьи — правые кадеты (берлинская газета «Руль» В. Набокова и С. Гессена и в 1925–1927 гг. парижская газета «Возрождение» П. Струве), не отказываясь от идеалов Белого движения, полагали более целесообразным вести борьбу словом и делом и не рассчитывать на весьма маловероятную западную интервенцию для освобождения России.

Размежевание коснулось и представлений о политическом строе будущей освобожденной России: одни были за реставрацию не только монархии, но и династии Романовых, другие — за восстановление монархического принципа, но в зависимости от волеизъявления народа, третьи — за республиканский строй. Разногласия проявились и в оценке большевицкой власти. Способна ли она со временем эволюционировать в демократическом направлении и, если да, то в силу каких факторов: внешних, под напором западного и эмигрантского сопротивления, или внутренних, под давлением экономических законов (так полагал П. Милюков) или возрождения национального самосознания народа и власти.

Вера в эволюцию и в то, что большевицкая власть отчасти уже является и, во всяком случае, должна стать национальной, породила целый ряд движений, призывавших к прекращению всякой борьбы с большевиками и за возвращение эмигрантов в Россию для деятельного участия в ее жизни. Первый призыв в этом духе прозвучал еще до окончания Гражданской войны в берлинском кружке «Мир и труд», возглавлявшемся профессором уголовного права В. Станкевичем, но без большого успеха.

Более широкую деятельность развило *Сменовеховство*, возникшее тоже в среде правоведов в Харбине и в Праге. Осенью 1921 г. в Праге вышел нашумевший сборник-манифест «Смена вех», объявивший, что патриотизм требует не борьбы с советской властью, а ее поддержки. Затем под тем же названием стал выходить еженедельник, за которым последовала в Берлине газета «Накануне», литературным сотрудником которой стал Алексей Николаевич Толстой. Лидер сменовеховцев Н.В. Устрялов в Харбине призывал эмигрантов смириться с фактами и возвращаться, чтобы восстанавливать страну. Ставя на первое место величие государства, он полагал, что большевики этой цели служат, и верил в постепенное их перерождение. *Сменовеховство*, в которое входили бывшие сотрудники и Керенского (кн. В. Львов) и Деникина (генерал Носков), получило сочувственный отклик на конгрессе ВКП(б) в Москве. Большинство идеологов этой одной из первых попыток создания национал-большевизма вернулись в СССР и там, через несколько лет, были истреблены большевиками. Сталин внимательно изучал идеи Устрялова и использовал их в середине 1930-х гг., разрабатывая идеологию «советского патриотизма», но его самого приказал в 1937 г. расстрелять.

Еще больший размах и резонанс получило движение евразийства, обравшее блестящие молодые интеллектуальные силы эмиграции — философа Льва Карсавина, лингвиста князя Николая Трубецкого, литературоведа князя Дмитрия Святополк-Мирского, историка Георгия Вернадского, богослова и историка Церкви — священника Георгия Флоровского, географа Петра Савицкого, юриста Николая Алексеева, музыковеда Петра Сувчинского и многих других мыслителей и ученых. Первый сборник их статей вышел в 1921 г. под названием-лозунгом «Исход к Востоку» в противовес совершившемуся исходу эмиграции на Запад. Используя систему этнолингвистических аргументов, богословские и исторические доказательства, евразийцы объявляли Россию особым миром — евроазиатским, «туранским», а западным ценностям и всем элементам русской истории и культуры, пришедшим с Запада, выносили безапелляционное осуждение. В резких, категорических выражениях они своеобразно развивали традицию эпигонов славянофильства — Данилевского, Леонтьева, Эрна, — продолжая диалог об отношении русской культуры и православных ценностей к «западному просвещению». Евразийцы признавали, что большевизм есть конечное проявление западного духа, но считали, что он совершил полезное историческое дело, разрушив петровскую «озападенную» Россию. Свой ретроспективный идеал евразийцы видели в Московском царстве. Радикальное антизападничество, психологически объяснимое как разочарованием в Западе после катастрофы Российской Империи, построенной на западных принципах государственности и культуры, так и тем, что в эмиграции почти повсеместным было убеждение, что Запад «предал» Белое движение и использовал гибель исторической России в своих корыстных интересах, обусловило эту парадоксальную уступку большевизму.

Замечание главного редактора

Примечательно, что евразийцы во многом вывернули наизнанку аргументы западных ученых, отличавшихся особой русофобией. Еще в XIX в. французский историк Анри Мартен (1810–1885) на волне возмущения подавлением Второго польского восстания (1863–1864 гг.) написал книгу «Россия и Европа», в которой доказывал, что русские — не славяне, не индоевропейцы, но «туранцы», принадлежащие к тюрко-алтайскому племени, что они только внешне похожи на европейцев, но по сути не имеют с ними ничего общего. По своему духовному строю они суеверны, непроницаемы для просвещения, рабоплебны. Христианством они только внешне помазаны, но не исполнены. Единственно, к чему они способны — это к быстрой размноженности. Они опасны для Европы, и истинные славяне и индоевропейцы — поляки — должны оттеснить этих белокожих азиатов за Уральские горы.

После Первой мировой войны французский католический мыслитель Анри Масси в книге «Оборона Запада. Золотой тростник» (1927) утверждал, что, оставшись вне Римской Церкви, русские остались и вне европейской культуры. Их православие, — полагал этот французский ученый, — это почти что и не христианство, а смесь примитивной магии, элементарного дуализма зороастрийцев и туманной индуистской мистики. Ленин сознательно, с точки зрения Масси, совершая революцию, «хотел вернуть Россию к ее азиатским, московским истокам», и потому был поддержан русским народом. Евразийство приняло практически все утверждения этих французских мыслителей, но дало им противоположный знак. «Да, скифы мы, да, азиаты мы с раскосыми и жадными очами», — восклицает А. Блок, а вслед за ним князь Николай Трубецкой утверждает, что это — не плохо, а хорошо, так как Европа духовно разлагается, а Азия создается. Да, православие — совсем иная вера, чем католицизм. Но истинное христианство — это православие, а католицизм — это христианство, искаженное римским законничеством и империализмом. Евразийцы с удовольствием повторяли строки, написанные в Советской России крестьянским поэтом Николаем Клюевым (убитым в годы Большого Террора), — «Есть в Ленине керженский дух, игуменский окрик в декретах». Для многих из них, как и для А. Масси, Ленин и большевизм виделись первым шагом на пути возвращения русского народа от призрачной западнообразной Петербургской монархии к подлинно туранскому Московскому царству и его вере, ставшей в конце XVII в. старообрядчеством и бежавшей от «новообрядцев» в Керженекие скиты.

Характерно, что, в совершенно профанизованном виде, евразийство некоторыми «мыслителями» из КГБ предлагалось в качестве новой русской идеологии в конце 1970-х гг. взамен окончательно потерявшего авторитет марксизма-ленинизма (см. 5.1.41).

Н. Трубецкой. О туранском элементе в русской культуре // Евразийский вестник. Кн. 4. Берлин, 1925.

Поддержка ряда западных благотворителей, сочувствовавших евразийцам (идеи, во многом близкие евразийским, в эти годы высказывал, в частности, замечательный германский мыслитель Освальд Шпенглер), позво-

лила евразийцам развить широкую издательскую деятельность: помимо текущей периодики с 1922 по 1931 г. было издано семь сборников, каждый в 500 страниц.

Однако идейная уступка большевизму привела к быстрой «советизации» евразийства. Проведение операции «Трест» и прямое внедрение агентов ОГПУ в движение вызвало в 1928 г. так называемый Кламарский раскол, в который ушли Сувчинский, Карсавин, кн. Святополк-Мирский и советские сотрудники — С.Я. Эфрон и П.С. Арапов. Дело дошло до того, что один из идеологов евразийства, Н. Чхсидзе, в 1929 г. выразил надежду на превращение ВКП(б) в партию евразийцев. И он был не одинок.

Одни современники евразийства называли его «бездейственным самоутешением» (Г. Ландау), предлагавшим «вместо горького питья правды, снова вкусный лимонад» (К. Мочульский), или «продуктом частичного разложения Зарубежья» (П. Струве). Другие относились к идеям евразийства весьма серьезно. Н.А. Бердяев, несмотря на его, в основном, критическое отношение к этому движению, считал, что евразийцы «единственное пореволюционное идейное направление, возникшее в эмигрантской среде, и направление очень активное. Все остальные направления, «правые» и «левые», носят дореволюционный характер и потому безнадежно лишены творческой жизни и значения в будущем».

Свидетельство очевидца

16 сентября 1927 г. философ С.Л. Франк объяснял П.Б. Струве в письме причины своего терпимого отношения к евразийству, которое сам Струве решительно осуждал: «Я, конечно, не «евразиец» и никогда им не буду и потому не «впрягусь» в евразийскую колесницу. Я очень хорошо сознаю и идейную и моральную легковесность этого направления <...>. Но вместе с тем значительность затронутых ими тем и доля истины, содержащаяся в их крикливых утверждениях, для меня бесспорна, и ощущения зазорности простого соприкосновения с ними у меня нет». — Цит. по: А. Гапоненков. Эпистолярный диалог Петра Струве и Семена Франка (1922–1944) // Общая тетрадь. Вестник Московской школы политических исследований. 2010. №1 (51). С. 117.

Некоторые евразийцы после раскола 1928 г. ушли в чисто научную деятельность (как умерший в 1938 г. князь Николай Трубецкой), другие переехали в Советскую Россию и были вскоре убиты там большевицкой властью (князь Дмитрий Святополк-Мирский), третьи были пленены после войны и погибли в ГУЛАГе (Лев Карсавин), четвертые отошли от движения (Георгий Вернадский) и даже вступили в полемику с ним (протоиерей Георгий Флоровский). Новых сил во второй волне русской эмиграции евразийство для себя не нашло, а из старых евразийцев очень немногие сохранили, как Савицкий, верность идеям молодости.

Историческая справка

Петр Николаевич Савицкий родился 15 мая 1895 г. в Чернигове в украинской семье. Сын черниговского помещика, земского деятеля, предводителя дворянства Кролевецкого уезда Черниговской губернии, члена Государственного Совета, действительного статского советника. Детство и отрочество провел в Чернигове. Еще будучи гимназистом занялся научной работой. Учился на экономическом факультете Петроградского политехнического института им. Петра Великого, где продолжил занятия под руководством П.Б. Струве. В годы учебы примкнул к возглавляемому Струве правому крылу кадетской партии. Публиковался в журналах «Великая Россия», «Русская мысль». В 1916–1917 гг. работал в российском посольстве в Норвегии. Вернулся в Россию перед октябрьским переворотом, после которого уехал на Украину. Воевал на стороне гетмана Скоропадского с войсками С. Петлюры. В 1919–1920 гг. участвовал в Белом движении, был товарищем министра иностранных дел в правительствах Деникина и Врангеля. В 1920 г. с армией эмигрировал в Константинополь, где с П.Б. Струве возобновил выпуск журнала «Русская мысль». Под влиянием книги Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920) отошел от концепции европоцентризма, которая лежала в основании национал-либерализма П.Б. Струве, что привело его к идейному конфликту со Струве. Дополнив идеи Н.С.Трубецкого пониманием России как «срединного материка» между Европой и Азией — Евразии, стал одним из основателей евразийства. Был некоторое время близок к идеям национал-большевизма, сформулированным Н. В. Устряловым в сборнике «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920). В 1920 г. переезжает в Болгарию, где в Софии участвует в работе евразийского семинария и в выпуске первого евразийского сборника «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Книга 1» (София, 1921). В конце 1921 г. переезжает в Чехословакию и становится приват-доцентом русского юридического факультета в Праге. Преподавал географию и экономику в Русском народном университете, Русском институте сельскохозяйственной кооперации, Русском свободном университете. В 1930-х гг. преподавал в Пражском немецком университете русский и украинский языки и руссиеведение (где в числе его учеников оказался будущий гауляйтер Праги, который в годы оккупации спас Савицкого от нацистского концлагеря). В 1940-х гг. был директором русской гимназии в Праге.

С самого зарождения евразийского движения — один из главных его теоретиков и политических лидеров. Создал базовые для евразийства теории месторазвития, хозяйстводержавия, циклов экономической истории, циклов евразийской истории. Был создателем кочевниковедения

и евразийской геополитики. Участник всех евразийских изданий и руководящих органов евразийского движения (Совет Трех, Совет Пяти, Совет Семи), активный пропагандист идей евразийства в русской эмигрантской и в зарубежной печати. В 1920-е гг., надеясь на скорое падение большевиков, вместе с другими евразийцами готовился к возвращению в Россию и к политической борьбе с западниками, пытался вести пропаганду евразийских идей в СССР. Как и остальные лидеры евразийства, стал жертвой мистификации ОГПУ под названием «Операция «Трест»», поверив в существование в СССР законспирированного антибольшевицкого подполья с евразийским отделением в нём. По линии «Треста» в 1927 г. тайно посещал СССР, не сумев распознать под личиной «советских евразийцев» работников ОГПУ. В 1930-е гг. работал над созданием т. наз. структуральной географии. Один из создателей Евразийской партии в эмиграции (1932). Савицкий в годы Второй мировой войны выступал против набора русских эмигрантов во власовскую армию, за что подвергался преследованиям со стороны гестапо. После занятия Праги Красной армией арестован органами СМЕРШ, самолетом переправлен в Москву, где был осужден на 8 лет лагерей за контрреволюционную деятельность. Отбывал наказание в Дубровлаге (Мордовия). В 1954 г. был переведен в Подмосковье, а в 1956-м — освобожден и реабилитирован. От предложения остаться в СССР отказался и вернулся в Чехословакию. В Чехословакии зарабатывал на жизнь переводами. До конца жизни остался верен идеям евразийства, в 1950-х гг. вступил в переписку с Львом Николаевичем Гумилевым, поощряя его занятия историей кочевых народов и передав ему «эстафету» некоторых евразийских концепций. В 1960 г. выпустил на Западе под псевдонимом П. Востоков сборник стихов, описывающих его пребывание в сталинских лагерях, за что в 1961 г. был арестован органами госбезопасности ЧССР, но выпущен под давлением мировой общественности (прежде всего под влиянием обращений Бертрана Рассела и Исаяи Берлина). Скончался 13 апреля 1968 г. в Праге.

В 1923 г. образовалось еще одно синкретическое движение, на этот раз среди совсем молодого поколения — «Союз молодой России». Младороссы (как они себя называли по аналогии с младотурками) считали себя монархистами, пользовались поддержкой Великого князя Кирилла Владимировича и пытались сочетать не только факт эмиграции с признанием большевицкой власти, но, казалось бы, два начала совершенно противоположных «царь + Советы». Лидер младороссов, Александр Казем-Бек (1902–1977), приписывал своему движению мнимовлиятельную роль на исторической арене: «революция продолжается, но она будет продолжаться при нашем участии». Движение младороссов охватило значительную часть эмигрантской молодежи и было весьма популярным во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. Младороссов поддерживали многие видные эмигранты старшего поколения,

эмигрантская пресса. Между тем, движение сознательно имитировало идеи, лозунги и даже поведение итальянских фашистов. Младороссы носили синюю форменную одежду, приветствовали Казем-Бека вскидыванием правой руки и криками «глава!», выступали за замену западного либерализма и большевицкого атеизма тоталитарным корпоративным православным «государством-нацией».

Наряду с этими парадоксальными движениями, одновременно эмигрантскими и как бы отрицающими главное призвание эмиграции — быть непримиримой к большевицкой власти, постепенно налаживалась за рубежом политическая жизнь, точнее определялся политический спектр Зарубежья. На крайнем левом фланге — меньшевики, многие из которых попали в эмиграцию в 1922 г. после их разгрома большевицкой властью и высылки лидеров. Поначалу они продолжали мыслить себя как партия «не революции, а оппозиции», призывали Запад признать ленинское правительство и только с приходом к власти Сталина стали непримиримыми врагами большевицкой системы.

Социалисты-революционеры были разделены еще в России после разгона Учредительного собрания: левые вошли в ленинское правительство, терпевшее их до 1918 г., а правые начали одними из первых вооруженную с ним борьбу. В эмиграции разделения усугубились. Левые, возглавляемые В. Черновым, отмежевываясь от марксизма, старались стать «лицом к России» и ратовали за признание большевицкой власти; умеренные группировались вокруг А. Керенского (газета «Дни») и отличались большей непримиримостью к коммунистическому режиму, а многие поправевшие эсеры вообще отошли от политики и, в традициях народничества, посвятили себя с большим успехом благотворительной и просветительской деятельности. Так, созданный ими на внепартийной основе толстый журнал «Современные записки» (1921–1939) объединил лучшие силы эмиграции в области беллетристики, публицистики и литературной критики. Как партия, эсеры прекратили свое существование в 1931 г. после неудачной попытки объединить различные свои фракции.

Партия кадетов также подверглась в эмиграции разделению. П.Н. Милюков порвал окончательно со всякой идеей реставрации монархии и переименовал КДП в *Республиканское-демократическое объединение* (РДО). Выработанная им «новая тактика» сочетала непримиримость к большевизму, в которой он видел «самую суть политической эмиграции, ее долг перед поработенной родиной», с отказом от всякой борьбы: в ожидании «неминуемого Термидора», Милюков предлагал эмигрантам наводить мосты с Россией. Эта противоречивая позиция не нашла одобрения у его бывших соратников по партии — В.Н. Набокова, И. Гессена, П.Б. Струве и др.

Монархический лагерь эмиграции был не менее разделен, чем левый и центристский. На основополагающем съезде в Бад-Рейхенгалле в 1921 г. был создан Высший Монархический Совет, в который вошли крайне правые

политики, Н. Тальберг, А. Крупенский, Н. Марков — сторонники абсолютизма и тесного союза между гражданской властью и Церковью (свои позиции они защищали в журнале «Двуглавый орел»). Образовался и умеренный Русский Народно-Монархический Союз Конституционных Монархистов Сергея Ольденбурга, но особой активностью он не отличался.

Серьезные разногласия начались у монархистов, когда в августе 1924 г. Великий князь Кирилл Владимирович, как старший правопреемник Престола, провозгласил себя Императором Всероссийским, а сына своего Владимира Кирилловича объявил наследником Российского Престола. Это самопровозглашение вызвало несогласие старейших членов дома Романовых, в первую очередь вдовы Императора Александра III Императрицы Марии Федоровны и Великих князей Петра и Николая Николаевичей. Все трое твердо стояли на непререкаемых позициях. Великий князь Николай Николаевич (дядя Николая II), пользовавшийся большим авторитетом среди широких слоев эмиграции, заявил, что *«устройство государства российской может быть решено только на русской земле в соответствии с чаяниями русского народа»*. Это мнение разделял последний Главнокомандующий Русской армией генерал П.Н. Врангель.

Свидетельство очевидца

Князь Феликс Юсупов, состоявший в тесном родстве с Российским Императорским домом (он был женат на племяннице Николая II Ирине Александровне, дочери сестры Государя — Ксении), вспоминал: «Политические игры Великого князя Кирилла начались ещё в 1917 г. в России. И тогда позиция, им занятая, порицалась всеми патриотами и произвела невыгодное впечатление в Европе. И в 22-м году Великий князь назвался хранителем трона, и вот теперь, в 24-м провозгласил себя Императором. Поддержали его немногие. Большинство эмигрантов, начиная с Императрицы Марии Федоровны и Великого князя Николая, осудили его и будущим Государем признать отказались.

Новость я услышал в Брюсселе. Генерал Врангель, у которого я обедал в тот день, не мог скрыть возмущения. Показал он мне один хранимый им документ. В 1919 г. нашла его Белая армия в архивах города, покинутого большевиками. Это была программа большевицкой пропаганды в Европе. Первым пунктом стояло провозглашение Великого князя Кирилла Императором Всероссийским. Узнав о намерениях Великого князя, генерал Врангель послал ему копию документа и умолял не подыгрывать комиссарам. Ответа он не получил.

После убийства царской семьи отсутствие прямого наследника осложняло вопрос о престолонаследовании... Вопрос о легитимности русского престолонаследования остается неясен. Неясность эта, впрочем, на мой взгляд, не так уж страшна. Если быть в России монархии с сохранением той же династии, то собор, скорее всего, и выберет в младшем поколении Романовых достойнейшего». — *Князь Феликс Юсупов*. Мемуары в двух книгах. С. 313.

Генерал Врангель и многие другие русские военачальники, оказавшиеся в эмиграции, видели свою задачу в том, чтобы сохранить единство и боевой дух белых воинов, рассредоточенных по всему миру и вернувшихся в гражданское состояние. Уход из России, во всяком случае Русской армии, рассматривался генералом Врангелем и его соратниками как временное отступление. За ним должно было последовать возобновление борьбы в форме десантирования на черноморском побережье России и восстановления линии фронта не позднее 1 мая 1921 г. Это именовалось «Весенним походом», идея которого станет смыслом существования многих. В силу многих причин операция откладывалась. 1 сентября 1924 г. во избежание превращения армии в простое сообщество бывших однополчан, уже рассредоточившихся по разным странам, Врангель издал приказ о трансформации армии в военную организацию — Русский Обще-Воинский Союз (РОВС). РОВС насчитывал в первые годы до 100 000 членов (через 10 лет число их снизилось до 40 000). Во избежание внутренних конфликтов Врангель запретил членам РОВС вступать в какие бы то ни было партии и заниматься политикой.

Несколько эмигрантских организаций вели борьбу в СССР. «Союз защиты родины и свободы» Бориса Савинкова, действуя из Польши, совершал в 1921–1922 г. теракты. «Братство русской правды» (БРП) вело в 1921–1932 г. партизанские действия в Белоруссии, но в 1932–1933 г. чекисты парализовали его центры в Латвии и Маньчжурии. В 1923 г. Морис Конради и Аркадий Полуниин убили главу большевицкой делегации в Женеве и Лозанне В.В. Воровского. В 1927 г. Борис Коверда в Варшаве застрелил полпреда П.Л. Войкова, причастного к убийству царской семьи. «Боевые вылазки» в СССР совершал и РОВС.

Историческая справка

Морис Морисович Конради родился 29 мая 1896 г. в Санкт-Петербурге, в семье осевших в России швейцарцев, занимавшихся кондитерским делом. Окончил гимназию, Павловское военное училище. Учился в Политехническом институте, со второго курса которого в 1914 г. ушёл на фронт, для чего понадобилось разрешение Императора, поскольку Конради был гражданином Швейцарии. Получил звание подпоручика. Был ранен, награждён орденом Св. Георгия IV степени. Воевал на Румынском фронте.

Отец Мориса Конради погиб после избиения в ЧК, а дядя Эдуард, владелец кондитерских фабрик, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин, — был расстрелян большевиками как заложник.

В Яссах вступил в отряд полковника Дроздовского (см. 2.2.18). С июня 1919 г. служил помощником полкового адъютанта по оперативной части. В 1920 г. — капитан, ординарец и личный адъютант командира Дроздовского

полка, полковника Туркула. Эвакуировался в Галлиполи в составе Русской армии. В июне 1921 г. вышел в отставку и поселился вместе с женой Владиславой Львовной Конради (урожд. Сверцевич) в Цюрихе. В Швейцарии к Конради присоединились мать и четверо младших братьев, сумевших выехать из Советской России, доказав своё швейцарское гражданство.

В марте 1923 г. Конради в Женеве встретил своего товарища по Белой армии штабс-капитана Аркадия Павловича Полунина. Конради поделился с Полуниным своим желанием «убить кого-нибудь из советских вождей, чтобы отомстить за семью». Узнав о предстоящем приезде в Лозанну советского дипломата В. В. Воровского, Полунин и Конради решили, что жертвой должен стать именно он.

10 мая 1923 г. в Лозанне, в ресторане отеля «Сесиль», Морис Конради застрелил Вацлава Воровского и ранил двух его помощников — Ивана Аренса и Максима Дивилковского. После этого он бросил пистолет и сдался полиции со словами: «Я сделал доброе дело — русские большевики погубили всю Европу... Это пойдет на пользу всему миру». Полунин был арестован на следующий день в Женеве.

Судебный процесс по делу Конради и Полунина начался в Лозанне 5 ноября 1923 г. Дело слушалось в федеральном суде Швейцарии. В своём вступительном слове на суде Конради сказал: «Я верю, что с уничтожением каждого большевика человечество идёт вперед по пути прогресса. Надеюсь, что моему примеру последуют другие смельчаки, проявив тем самым величие своих чувств!»

Прокурор в своём выступлении заявил, что преступлением является убийство даже тирана. В ответ адвокат Полунина Теодор Обер указал в окно на памятник Вильгельму Теллю, предложив снести памятники национальному герою Швейцарии, прославившемуся убийством австрийского наместника Геслера в 1307 г. Сторона защиты не скрывала своего желания превратить процесс в суд над большевизмом. За 10 дней слушаний перед судьей и присяжными выступило около 70 свидетелей, рассказывавших о преступлениях большевиков. В частности, защита связывала голод в Поволжье не со стихийным неурожаем, но с политикой большевиков. Большое впечатление на швейцарцев произвели также подробности большевицкой антирелигиозной кампании. В результате суд, получивший широкий международный резонанс, большинством в девять против пяти голосов оправдал Мориса Конради, сочтя его поступок актом справедливого возмездия советскому режиму за его злодеяния. СССР объявил «бойкот» Швейцарской конфедерации. Дипломатические отношения между Швейцарией и СССР были установлены только в 1946 г.

Морис Конради после освобождения вступил во Французский Иностраный легион и несколько лет служил в Африке. Дальнейшая судьба Конради не документирована. Даты смерти разнятся от 1931 до 1954 г.

Историческая справка

Борис Коверда родился 21 августа 1907 г. в Вильно. Его отец — учитель народной школы, эсер Софроний Коверда. С 1915 по 1920 г. находился с матерью в эвакуации в Самаре, где стал свидетелем гибели от рук большевиков своего двоюродного брата, а также друга семьи, священника Лебедева. В 1921 г. семья вернулась в Вильно. Учился в белорусской, затем — в русской гимназии в Вильно. По словам педагогов гимназии, Коверда производил впечатление очень интеллигентного, скромного, немного робкого, замкнутого юноши. Отличался хорошими способностями, но необходимость постоянного заработка не позволяла ему быть в числе лучших учеников. В школьной общественной жизни участия не принимал. Школу вынужден был оставить из-за необходимости зарабатывать на жизнь семьи. Работал корректором в редакции газеты «Белорусское слово».

Вместе с редактором газеты А.В. Павлюкевичем и казачьим есаулом М.И. Яковлевым подготовил покушение на полпреда (посла) СССР в Польше Войкова, которое должно было стать актом возмездия за участие Войкова в подготовке убийства царской семьи и вообще за «Красный террор». 7 июня 1927 г. Борис Коверда выстрелил в Войкова.

Убийство Ковердой Войкова имело громадный резонанс в среде русской эмиграции. Говорили о нем и в подсоветской России, кто с ужасом, а кто и с надеждой на освобождение. Митрополит Сергей (Страгородский) в своей «Декларации» от 29 июля 1927 г. объявлял: «Всякий удар, направленный в Союз (СССР. — *Отв. ред.*), будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла, подобное варшавскому, сознается нами как удар, направленный в нас».

Коверда был приговорен польским судом к пожизненным каторжным работам, которые затем были заменены 15-летними. Освобожден по амнистии, отбыв 10 лет наказания, в 1937 г. По выходе на свободу уехал в Югославию, где в 1938 г. сдал экстерном экзамен на аттестат зрелости при Русском кадетском корпусе в Белой Церкви. После оккупации Югославии весной 1941 г. Коверда вернулся к семье в Варшаву.

После войны в течение семи лет, с женой и дочерью, находился последовательно в Швейцарии, Франции и ФРГ, откуда в 1952 г. семья переехала в США, где до 1963 г. работал в газете «Россия», затем в типографии «Нового русского слова». Умер 18 февраля 1987 г. в Вашингтоне. Похоронен в русском монастыре Новое Дивеево.

Сообщники Коверды в покушении на Войкова — Павлюкевич и Яковлев участвовали в движении антинацистского Сопротивления. Яковлев погиб в Освенциме, Павлюкевич был расстрелян нацистами.